

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (92) 2024 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 5 (92) 2024 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJl, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-85628 от 11 июля 2023 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 12.12.2024 г.
Формат 70x100/16. Авт. л.: 13,2. Усл. печ. л.: 13,83.
Печать цифровая. Гарнитура DejaVu.
Тираж 1000.
Заказ № 858_24.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 5 (92) 2024 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 5 (92) 2024 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database: RSCI,
Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС77-85628, July 11, 2023.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 12.12.2024
Format 70x100/16. Auth. l.: 13,2. Usl. p. l.: 13,83.
Digital printing. The DejaVu headset.
The circulation is 1000.
Order No. 858_24.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

1. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**Шаброва Н.В., Клещева О.А., Устьянцева В.К.,
Караванская П.А., Фрич Н.Г., Чомалян Р.А.**

Участие родителей в управлении воспитательной работы
в школе: кейс Свердловской области.....9

Ульянкина А.Ю., Краснова Т.В.

Самообразование как ресурс формирования
человеческого капитала личности.....18

Амбарова П.А., Стахеева А.О.

Вовлечение учащейся молодёжи в движение первых:
роль акторов образования.....28

2. СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Дуран Т.В.

Формирование здорового образа жизни
студенческой молодежи в зеркале социологического анализа.....37

Васильева Л.В., Маслакова М.В., Толстоухова И.В.

Культура в жизни студенческой молодежи.....47

3. СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зборовский Г.Е.

Научная школа как субъект научной деятельности в вузе.....53

Остапченко Г.С., Шарипова Э.М.

Проблема ценности высшего образования:
современные российские реалии.....64

Легостаева И.В.

Эволюция методологических подходов к изучению
корпоративной культуры университета: теоретический обзор.....71

4. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Амбарова П.А., Ленко С.С.

Управление медиапространством
в муниципальной системе дошкольного образования.....82

Рушева А.В.

Развитие корпоративного наставничества
в отечественной практике управления.....96

5. ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ**Насретдинова З.Т., Лето Я.-А.В., Насретдинова А.Р.**Влияние цифровых технологий на систему здравоохранения
Российской Федерации: социологический аспект.....107**Костина Н.Б., Чижов А.А.**Влияние искусственного интеллекта на трансформацию
цифрового неравенства.....115**Гаврилов В.В.**«Легко ли быть журналистом?» (к вопросу о профессиональной
самоидентификации акторов медиапространства УрФО).....123**Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторопин С.А.**Готовность граждан к участию в коррупционных действиях
бытовой направленности в свете теории
структурации Э. Гидденса.....131**Звонарева А.Е.**Факторы брачного выбора жителей г. Иваново:
поколенческий аспект.....139**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....147****ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....152**

CONTENTS

1. SOCIOLOGY OF EDUCATION

**Shabrova N.V., Kleshcheva O.A., Ustyantseva V.K.,
Karavanskaya P.A., Frich N.G., Chomaryan R.A.**

Participation of Parents in the Management of Educational
Work at School: the Case of the Sverdlovsk Region.....9

Ulyankuna A.Yu., Krasnova T.V.

Self-Education as a Resource for the Formation of Human Capital.....18

Ambarova P.A., Staheeva A.O.

Involving Students in the Movement of the First:
the Role of Education Actors.....28

2. SOCIOLOGY OF YOUTH

Duran T.V.

Formation of Healthy Lifestyle of Modern Youth
in the Mirror of Sociological Analysis.....37

Vasilyeva L.V., Maslakova M.V., Tolstoukhova I.V.

Culture in the Life of Students...../.....47

3. SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION

Zborovsky G.E.

Scientific School as a Subject of Scientific Activity at the University.....53

Ostapchenko G.S., Sharipova E.M.

The Problem of the Value of Higher Education:
Modern Russian Realities.....64

Legostaeva I.V.

Evolution of Methodological Approaches to the Study of University
Corporate Culture: Theoretical Review.....71

4. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ambarova P.A., Lenko S.S.

Media Space Management in the Municipal
Preschool Education System.....82

Rusheva A.V.

Development of Corporate Mentoring
in the Domestic Management Practice.....96

5. PROBLEMS OF BRANCH SOCIOLOGIES

Nasretdinova Z.T., Leto Y.-A. V., Nasretdinova A.R.

The Impact of Digital Technologies on the Healthcare System
of the Russian Federation: a Sociological Aspect.....107

Kostina N.B., Hizhov A.A.

The Impact of Artificial Intelligence on the Transformation
of Digital Divide.....115

Gavrilov V.V.

«Is It Easy to be a Journalist?»
(on the Issue of Professional Self-Identification of Actors
in the Media Space of the Ural Federal District).....123

Vatoropin A.S., Chevtaeva N.G., Vatoropin S.A.

Readiness of Citizens to Participate in Corruption Actions of Everyday
Order in Light of the Theory of Structuring by E. Giddens.....131

Zvonareva A.E.

Factors of Marriage Choict of Residents of Ivanovo:
Generational Aspect..... 139

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....147

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....152

1. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

1. SOCIOLOGY OF EDUCATION

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.006

УДК 316.74:37.018.26

ББК 60.561.9в682

Н.В. ШАБРОВА,
О.А. КЛЕЩЕВА,
В.К. УСТЬЯНЦЕВА,
П.А. КАРАВАНСКАЯ,
Н.Г. ФРИЧ, Р.А. ЧОМАРЯН

УЧАСТИЕ РОДИТЕЛЕЙ
В УПРАВЛЕНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ В ШКОЛЕ:
КЕЙС СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

N.V. SHABROVA,
O.A. KLESHCHEVA,
V.K. USTYANTSEVA,
P.A. KARAVANSKAYA,
N.G. FRICH, R.A. CHOMARYAN

PARTICIPATION OF PARENTS IN
THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL
WORK AT SCHOOL: THE CASE
OF THE SVERDLOVSK REGION

Воспитательная работа становится ключевым направлением деятельности школы. Родители, как участники образовательных отношений, призваны помогать школе в реализации ее функций, выступать партнером в разработке и организации воспитательных мероприятий и программ.

Цель статьи — анализ участия родителей в управлении воспитательной работы в школе. Для достижения поставленной цели были проведены: 1) массовый опрос родителей школьников Свердловской области (апрель 2024 г., n=14873 чел.); 2) контент-анализ протоколов родительских собраний в школах Свердловской области (n=467).

Показано, что родители позитивно оценивают существующие в современной школе практики воспитания и заинтересованы в получении полной информации о ней. Большинство родителей считают необходимым существование и функционирование родительских объединений в школах (совета родителей, наблюдательного совета, попечительского совета). Часть родителей готова выступать с инициативами и активно включаться в практики управления школой (в т. ч. воспитательной работой). Однако руководство школ и учителя не в полной мере готовы к такому взаимодействию. Новизна исследования заключается в комплексном (субъективно-объективном) анализе участия родителей в воспитательной работе в школе: массовом опросе родителей и контент-анализе протоколов родительских собраний.

Educational work is becoming a key area of the school's activities. Parents, as participants in educational relations, are called upon to help the school in the implementation of its functions, to act as a partner in the development and organization of educational activities and programs.

The purpose of the article is to analyze the participation of parents in the management of educational work at school. To achieve this goal, the following activities were carried out: 1) a mass survey of parents of schoolchildren in the Sverdlovsk region (April 2024, n=14,873 people); 2) content analysis of protocols of parent meetings in schools in the Sverdlovsk region (n=467).

It is shown that parents positively assess the existing educational practices in modern schools and are interested in obtaining complete information about it. Most parents consider it necessary

for the existence and functioning of parent associations in schools (parents' council, supervisory board, board of trustees). Some parents are ready to take initiatives and actively engage in school management practices (including educational work). However, school leaders and teachers are not fully prepared for such interaction. The novelty of the research lies in a comprehensive (subjective-objective) analysis of parents' participation in educational work at school: a mass survey of parents and a content analysis of the protocols of parent meetings.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: родители, школа, воспитательная работа в школе, участие родителей, формы участия родителей в воспитательной работе.

KEY WORDS: parents, school, educational work at school, parental participation, forms of parental participation in educational work.

ВВЕДЕНИЕ. Воспитательная работа в школе — особое направление деятельности образовательной организации. Она ориентирована на создание условий для активной жизнедеятельности, гражданского самоопределения и самореализации, максимального удовлетворения потребностей в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии школьников [6, с. 56]. Традиционными формами участия семьи в школьной жизни детей выступают: посещение родительских собраний; членство в родительском комитете; выполнение индивидуальных / групповых поручений учителя; родительские инициативы и выступления на мероприятиях; организация / курирование родительских чатов, клубов, социальных сетей; создание информационно-просветительских листовок, буклетов и пр.; сопровождение учащихся на соревнования, экскурсии и др. [11].

Для реализации школой воспитательной работы в полном объеме необходимо участие не только работников образовательных организаций, но и самих родителей. Однако в современном обществе многие родители ставят на первое место карьеру и личное время. Отправляя своего ребенка в школу, они снимают с себя ответственность и обязательства, считая, что именно школа должна продолжить воспитание их ребенка.

В статье 43 Конституции Российской Федерации закреплено, что основное общее образование является обязательным, и родители обязаны обеспечить детям его получение [5]. При этом гарантируется общедоступность и бесплатность данного вида образования. В 44 статье Закона «Об образовании в РФ» говорится о преимущественном праве родителей на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами [7]. Также родители обязаны заложить основу физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Важно отметить, что в статье 45 закона подчеркивается первичность института семьи, а участие образовательных учреждений, государства и общественных организаций выступают лишь дополнительными инструментами воспитания молодого поколения.

В настоящее время в научной литературе фиксируется ряд противоречий, связанных с вовлеченностью родителей в образовательный процесс. Первое из них заключается в том, что подавляющее большинство родителей (до 80%) заявляют об активном участии в школьной жизни ребенка [12; 13]. С другой — значительная часть учителей (в зависимости от исследования от 74% до 87%) отмечают низкий уровень вовлеченности родителей в учебно-воспитательную работу [2; 4; 10; 14]. Дать объективную оценку участия родителей в жизни школы сложно, поскольку недостаточно эмпирических исследований, анализирующих структуру и уровень (частоту) вовлечения педагогами родителей во внутришкольную деятельность и отклика родителей на него [3].

Второе противоречие заключается в том, что с одной стороны, на законодательном уровне созданы инструменты участия родителей в управлении школой (родительские, наблюдательные, попечительские советы). С другой — фиксируется неоднозначная оценка участия родителей в процессе управления школой (в т.ч. воспитательной деятельностью). Эта неоднозначность проявляется в том, что по результатам одних исследований

отмечается увеличение включенности родителей в управление школой и дается позитивная оценка эффективности данной деятельности [13; с. 9; 8, с.67]. Результаты других исследований подчеркивают устойчиво низкий уровень вовлеченности родителей в процесс управления школой [1; 2; 9; 13].

В связи с вышеперечисленным **ЦЕЛЬЮ** статьи выступает анализ участия родителей в управлении воспитательной работы в школе. Для достижения поставленной цели были изучены:

- 1) отношение родителей к реализуемым школой практикам воспитания;
- 2) мнение родителей о школьных родительских объединениях;
- 3) готовность родителей участвовать в управлении воспитанием, выступать с инициативными предложениями;
- 4) готовность руководства школ и учителей вовлекать родителей в управление воспитанием.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Массовый онлайн-опрос родителей школьников Свердловской области был проведен при поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области с 6 по 29 апреля 2024 г. Общий объем выборочной совокупности составил 14873 человека. Отбор стихийный. Ссылка на анкету (использовалась ЯндексФорма) рассылалась в школы области представителем Министерства.

Абсолютное большинство опрошенных родителей — женщины (95,6%), средний возраст респондентов — 40 лет. Говоря о семейном положении, стоит отметить, что 74% опрошенных состоят в браке, при этом 77% — полные семьи. Половина опрошенных (49,8%) имеют двоих детей, чуть менее трети (31,6%) — троих и более, а почти каждый пятый опрошенный (18,6%) — одного ребенка. У 59,9% опрошенных родителей в настоящее время школу посещает один ребенок, еще у трети (33,4%) — двое. 40,4% родителей, принявших участие в опросе, имеют высшее образование, а 37,2% — среднее профессиональное. Почти каждый пятый опрошенный (18,4%) имеет только школьное образование.

Вторым методом изучения участия родителей в управлении воспитательной работой выступил контент-анализ протоколов родительских собраний в школах Свердловской области. Министерством образования и молодежной политики Свердловской области в образовательные организации, находящимися на территории Свердловской области был отправлен запрос о предоставлении протоколов родительских собраний за 2023/2024 учебный год, в том количестве, которое было в наличии у школ. В общей сложности было собрано 467 протоколов из различных населенных пунктов Свердловской области, из них 314 протоколов представлены школами, находящимися в городских поселениях, и 153 — по сельским поселениям.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Массовый опрос родителей. В современной образовательной организации существует множество практик проведения воспитательной работы в школе, поэтому важным аспектом нашей работы являлось выявление отношения родителей к ним. Результаты исследования показали, что абсолютное большинство родителей (более 81,0%) скорее положительно относятся к таким практикам воспитательной работы в школе как уроки «разговоры о важном», прослушивание гимна и поднятие флага, вовлечение молодежи в общественные движения (например, «Движение первых», российское движение школьников (РДШ), Юнармия, «Большая перемена» и «Орлята России» и др.) (табл. 1). Чуть реже родители одобряют такую практику воспитательной работы как начальная военная подготовка. Корреляционный анализ показал, что в меньшей степени положительно к начальной военной подготовке в школе относятся родители с высшим образованием (72,5% против 75,4% с начальным образованием и 76,8% — со средним). В отношении других практик воспитательной работы значимых отличий у родителей с разным уровнем образования выявлено не было. Кроме того, важно обратить внимание на прямую связь возраста

и оценки родителями воспитательных практик. Чем старше родители, тем более позитивно они оценивают все представленные к оценке воспитательные практики.

Таблица 1. **Отношение родителей школьников к практикам воспитательной работы, существующим в современной школе, % от числа ответивших**

Практики воспитательной работы, существующие в современной школе	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Затрудняюсь ответить
Уроки «разговоры о важном»	81,8	5,7	12,5
Начальная военная подготовка	74,6	7,0	18,4
Прослушивание гимна в начале учебной недели	81,5	5,6	12,9
Поднятие флага в начале учебной недели	81,3	5,3	13,4
Вовлечение молодежи в общественные движения (например, «Движение первых», российское движение школьников (РДШ), юнармия, «Большая перемена» и «Орлята России» и др.)	82,6	3,7	13,7

Перечисленные практики воспитательной работы у школьников считаются востребованными, так ответили почти 2/3 опрошенных родителей. Наиболее востребованной практикой, по мнению респондентов, является вовлечение в общественные организации (69,3%).

Выделяя основные достоинства практик воспитательной работы в современной школе, большинство опрошенных (75,4%) считает, что они формируют у детей знания о России. Еще 66,6% респондентов отметили воспитываемое такими практиками чувство патриотизма. Почти 62,0% родителей считают, что благодаря этим практикам у детей расширяется кругозор и формируются нравственные ценности.

В качестве негативных аспектов воспитательной работы в современной школе 30,3% родителей отметили увеличение учебной нагрузки ребенка. Каждый пятый опрошенный в качестве недостатков реализации воспитательной работы в школе отмечал отсутствие учета индивидуальных особенностей ребенка и возможностей выбирать темы для обсуждения, непроработанность системы стимулирования и поощрения детей за участие в воспитательных мероприятиях.

Большинство родителей (83,4%) удовлетворены воспитательной работой, реализуемой в школе по отношению к их ребенку (детям). Причем удовлетворенность родителей не зависит от возраста, уровня образования родителей. Однако, чем обеспеченней семья опрошенного родителя, тем он более удовлетворен воспитательной работой в школе (69% тех, кто отметил, что «денег все время не хватает, иногда нечего поесть» и 84,1% тех, кто отметил, что «наша семья ни в чем себе не отказывает»).

Одной из проблем, которая была выявлена в ходе исследования, является слабое информационное взаимодействие школы и семьи о содержании тех воспитательных мероприятий, которые реализует школа. Так, 68,4% родителей знакомы с темами и содержанием уроков «Разговоры о важном». Однако эта информация становится известна им преимущественно от собственных детей (87,1%). От педагогов эту информацию получает только четверть опрошенных (24,1%). Кроме того, большинство родителей (70,9%) хотели бы получать информацию о содержании этих уроков. Подобную ситуацию мы видим и по другим практикам.

Одной из задач нашего исследования являлось выявление содержания родительского участия в государственно-общественном управлении школой. Начнем с того, что 76,3% родителей считают необходимым существование и функционирование родительских объединений в школах (совета родителей, наблюдательного совета, попечительского

совета). Каждый пятый участник нашего опроса (22,3%) — член какого-либо родительского объединения в школе ребенка. 6,0% опрошенных родителей отметили отсутствие родительских объединений в их школе.

Данные таблицы 2 демонстрируют, что в первую очередь школьные родительские объединения, по мнению опрошенных, решают актуальные вопросы жизни школы/класса (63,0%) и вопросы, связанные с организацией учебного процесса (57,1%). Для решения вопросов, связанных с организацией и проведением внеучебной деятельности и культурно-досуговых мероприятий, элементом которых является воспитательная работа, родители привлекаются несколько реже (49,0% и 48,1% соответственно).

Таблица 2. **Вопросы, решаемые родителями, в рамках работы родительского объединения в школе, % от числа ответивших**

Школьные вопросы	% от ответивших
Обсуждение актуальных вопросов жизни школы/класса	63,0
Организация учебного процесса	57,1
Организация и проведение внеучебной деятельности	49,0
Организация и проведение культурно-досуговых мероприятий	48,1
Сбор финансовых средств на нужды школы/класса (праздники, ремонтные работы, подарки учителям)	39,1
Организация питания детей в школе	38,7
Обеспечение безопасности детей в школе и за ее пределами	35,6
Ваш вариант	0,7
Итого	331,3*

* Сумма превышает 100%, поскольку допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответов.

Вполне ожидаемо родители отмечали более высокий уровень своей активности участия в воспитательной работе на уровне класса, нежели на общешкольном уровне (табл. 3). Отметим, что вносить предложения по улучшению воспитательной работы в школе имеет возможность только менее половины опрошенных родителей Свердловской области (46,1%). 45,1% родителей вообще сказали об отсутствии такой возможности. Еще 8,8% респондентов отметили, что они могут вносить предложения, но они не реализуются.

Таблица 3. **Оценка родителями степени активности своего участия в воспитательной работе, % от числа ответивших***

Степень активности	Участие в воспитательной работе школы	Участие в воспитательной работе класса, в котором учится ребенок
Низкая	36,8	28,9
Средняя	30,4	29,6
Высокая	32,8	41,5
Итого:	100,0	100,0

* В анкете родителям было предложено оценить степени активности своего участия в воспитательной работе по шкале, где 0 — не участвую, 5 — активно участвую.

Затем ответы респондентов были перегруппированы следующим образом:
0–1 — низкая активность; 2–3 — средняя активность; 4–5 — высокая степень активности.

За последние 2 года взаимодействие родителей и педагогов осуществлялось главным образом при посещении родительского собрания в классе (88,3%) и общешкольных собраний

(56,0%). 58,7% опрошенных родителей взаимодействуют с педагогами индивидуально. Лишь только 2% родителей не взаимодействуют с педагогами школы вообще. Мнение педагога является важным для родителей, с этим согласились почти все принявшие участие в опросе родители (93,3%). Корреляционный анализ показал, что отношение родителей к мнению педагога не зависит от возраста родителей, их уровня образования. Однако, чем выше материальное положение семьи респондента, тем он более лоялен к мнению учителя. О том, что мнение учителя является не важным для них сказали 9,5% родителей, у которых денег все время не хватает, иногда нечего поесть, и только 3,8% опрошенных, чья семья ни в чем себе не отказывает.

Контент-анализ протоколов родительских собраний

Задачей контент-анализа выступало выявление особенностей вовлечения и участия родителей в государственно-общественном управлении воспитательной работой. Для ее реализации было собрано 467 протоколов родительских собраний за 2023/2024 учебный год из различных населенных пунктов Свердловской области, в том количестве, которое было в наличии у школы. Из общего количества собраний 425 были общешкольными, также встретились протоколы внутриклассных собраний (31 собрание) и муниципальных (участники председатели родительского комитета и представители администрации города или управления образованием муниципалитета) (10 собраний).

Почти во всех протоколах указывалось количество участников родительского собрания. В общей сложности на всех собраниях присутствовало 33 126 родителей, 2 409 педагогов или представителей администрации школы и 230 приглашенных гостей. Таким образом, общее число присутствовавших на одном собрании составило в среднем 71 родитель и 5 педагогов.

Если рассматривать размах численности присутствовавших родителей, то минимальное количество составило 6 человек, а максимальное — 745. Говоря о педагогах, то минимальное количество педагогов на собрании — 1, максимальное 658. Такое большой размах обусловлен организованными родительскими собраниями в рамках городской программы «Школа открытого диалога», которые проводятся онлайн. Говоря о приглашенных гостях, отметим, что почти треть из них — это сотрудники госавтоинспекции (32% от приглашенных гостей). На втором месте по количеству приглашенных — специалисты отдела по делам несовершеннолетних (7%). Представители других государственных и муниципальных учреждений (директора колледжей, тренеры спортивных клубов и секций, представители образовательных центров, психологи, врачи больниц) приглашались гораздо реже.

Для анализа протоколов были выделены темы (вопросы), которые обсуждались на собраниях:

- Партнерство со школой для успешного развития ребенка;
- Работа родительского комитета;
- Поддержка образовательных инициатив;
- Контроль за качеством образования;
- Содействие в разработке образовательных программ;
- Профилактика¹;
- Вопросы воспитания.

Общее количество вопросов в повестках протоколов родительских собраний составило 1300 (из них 1066 не касались вопросов воспитания). Отметим, что в протоколе одного собрания отмечалось обсуждение нескольких тем (вопросов), в связи с чем количество протоколов меньше, чем количество вопросов.

Чаще всего на родительских собраниях обсуждались вопросы профилактики (37%), контроля качества образования (23%) и вопросы воспитания (18%) (табл. 4). Среди подразделов

¹ Тема «профилактика» была конкретизирована такими подразделами как суициды, правила дорожного движения, половая неприкосновенность, экстремизм, алкоголизм и наркомания, деструктивное поведение.

темы «профилактика» наиболее часто упоминались правила дорожного движения (41%) и деструктивное поведение (31%).

Таблица 4. Распределение вопросов повестки родительских собраний по темам

Тема	Кол-во включений в повестку, раз	Кол-во включений в повестку, %
Всего	1300	100
Партнерство со школами для успешного развития детей	12	1
Работа родительского комитета	141	11
Поддержка образовательных инициатив	81	6
Контроль за качеством образования	303	23
Содействие в разработке образовательных программ	52	4
Профилактика	477	37
В т.ч.: Суициды	35	7
Правила дорожного движения	196	41
Половая неприкосновенность	11	2
Экстремизм	45	9
Алкоголизм и наркомания	44	9
Деструктивное поведение	146	31
Вопросы воспитания	234	18

Особое внимание было уделено анализу вопроса о проблемах воспитания. Из всех 467 протоколов собраний так или иначе тема воспитания прозвучала на 234 собраниях, т.е. на каждом втором собрании. Однако важно отметить, что содержательно в рамках данной темы обсуждались проблемы с соблюдением детьми правил внутреннего распорядка, ведения здорового образа жизни, участия в общественных движениях (таких как «Орлята», «Движение первых» и др.), ответственность родителей при совершении правонарушений детьми, проведение социально-психологического тестирования. Как видно, данные вопросы не касались непосредственного вовлечения и участия родителей в управлении воспитанием в школе.

ВЫВОДЫ. В государственной политике в сфере школьного образования в последнее десятилетие наметилось два тренда: усиление воспитательной функции школы и вовлечения родителей в школьную жизнь их детей. Для реализации такой политики необходимо развитие партнерства семьи и школы.

Результаты нашего исследования показали, что современные родители позитивно оценивают практики воспитательной работы в школе (уроки «Разговоры о важном», прослушивание гимна и поднятие флага, вовлечение молодежи в общественные движения) и удовлетворены ими. Более 2/3 опрошенных заинтересованы в получении полной информации об этих практиках. Однако эта информация становится известна им преимущественно от собственных детей, а не от педагогов, хотя мнение последних является важным для родителей. Данное обстоятельство свидетельствует об определенных проблемах информационного взаимодействия между родителями и учителями.

Большинство родителей считают необходимым создание и функционирование родительских объединений в школах (совета родителей, наблюдательного или попечительского совета), поскольку они помогают решать актуальные вопросы жизни школы, класса, а также вопросы, связанные с организацией учебного процесса. Часть родителей готова выступать с инициативами и активно включаться в практики управления школой, в т.ч. воспитательной работой. Однако руководство школ и учителя не в полной мере готовы к такому взаимодействию.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что взаимодействие школы и родителей пока трудно идентифицировать как партнерские отношения. Школа реализует свои задачи, вовлекая родителей преимущественно в те формы взаимодействия, которые необходимы и удобны ей. Участие родителей в управлении школой (в т. ч. воспитательной работой) зачастую носит имитационный характер. В связи с этим видится необходимым формирование новых форм и площадок для обсуждения актуальных школьных проблем, учитывающих не только позицию полисмейкеров в сфере образования и администрации школ, но и мнение и инициативы родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Т.А., Макарова М.Н. Как родители включены во внутришкольные формы взаимодействия? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 2(85). С. 74–87.
2. Гошин М.Е., Мерцалова Т.А. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 68–90.
3. Зборовский Г.Е., Шаброва Н.В. Сообщество родителей школьников как субъект гражданского общества (на материалах исследования в российском мегаполисе) // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 121–146.
4. Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 71–92.
5. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.03.2023).
6. Мартынцева И.В. Воспитательная работа в школе // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 8. С. 140–145.
7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273 от 29.12.2012 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (дата обращения: 05.03.2023).
8. Потехина И.П., Михалева М.Н. Родители о качестве школьного образования: динамика мнений // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. Вып. 2. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2017. 448 с.
9. Рогач О.В., Фролова Е.В., Рябова Т.М. Модернизация школьного образования в оценках родительской общественности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4(40). С. 183–193.
10. Фролова Е.В., Рябова Т.М., Рогач О.В., Зуйкина А.В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // Перспективы науки и образования. 2019. № 3(39). С. 227–239.
11. Черникова Н.А., Шубина А.С. Социально-психологические аспекты расширения участия семьи в воспитательной деятельности школы // Воспитание в современном образовательном пространстве: новые контексты-новые решения. Материалы XXI Международных педагогических чтений. Волгоград: ВГАПО, 2021. С. 46–49.
12. Шаброва Н.В. Социальная общность родителей учащихся как субъект гражданского общества, диссертация на соискание степени доктора социологических наук. Нижний Новгород, 2023. 411 с.
13. Шимутина Е.Н., Иванов И.Ю. Исследование вовлечения родителей в образовательный процесс в контексте повышения эффективности управления образованием // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2017. № 4(14). С. 8–20.
14. Эрлих О.В. Взаимодействие семьи и школы в новых социально-педагогических условиях // Человек и образование. 2017. № 2(51). С. 34–37.

REFERENCES

1. Vlasova T.A., Makarova M.N. *Kak roditeli vklyucheny vo vnutrishkol'nye formy vzaimodejstviya?* [How are parents involved in intra-school forms of interaction?] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. 19. № 2(85). S. 74–87. (In Russian).

2. Goshin M.E., Mercalova T.A. *Tipy roditel'skogo uchastiya v obrazovanii, social'no-ekonomicheskij status sem'i i rezul'taty obucheniya* [Types of parental involvement in education, socio-economic status of the family and learning outcomes] // *Voprosy obrazovaniya*. 2018. № 3. S. 68–90. (In Russian).
3. Zborovskij G.E., Shabrova N.V. *Soobshchestvo roditel'ev shkol'nikov kak sub"ekt grazhdanskogo obshchestva (na materialah issledovaniya v Rossijskom megapolise)* [The community of school parents as a subject of civil society (based on research materials in the Russian metropolis)] // *Sociologicheskij zhurnal*. 2021. Tom 27. № 3. S. 121–146. (In Russian).
4. Klyachko T.L., Semionova E.A., Tokareva G.S. *Uspeshnost' i neuspeshnost' shkol'nikov: ozhidaniya roditel'ev, ocenka uchitelej* [Success and failure of schoolchildren: parents' expectations, teachers' assessment] // *Voprosy obrazovaniya*. 2019. № 4. S. 71–92. (In Russian).
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii // *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus»* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 02.03.2023). (In Russian).
6. Martyncova I.V. *Vospitatel'naya rabota v shkole* [Educational work at school] // *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*. 2013. № 8. S. 140–145. (In Russian).
7. *Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 273 ot 29.12.2012* [On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273 of 12/29/2012] // *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus»* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (data obrashcheniya: 05.03.2023). (In Russian).
8. Potekhina I.P., Mihaleva M.N. *Roditeli o kachestve shkol'nogo obrazovaniya: dinamika mnenij* [Parents on the quality of school education: the dynamics of opinions] // *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potencial razvitiya. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 2*. M.: Institut social'no-politicheskikh issledovanij RAN, 2017. 448 s. (In Russian).
9. Rogach O.V., Frolova E.V., Ryabova T.M. *Modernizaciya shkol'nogo obrazovaniya v ocenkah roditel'skoj obshchestvennosti* [Modernization of school education in the assessments of the parent community] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2019. № 4(40). S. 183–193. (In Russian).
10. Frolova E.V., Ryabova T.M., Rogach O.V., Zujkina A.V. *Konflikty v sisteme shkol'nogo obrazovaniya: klyuchevye problemy, specifika i faktory razvitiya* [Conflicts in the school system: key problems, specifics and development factors] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2019. № 3(39). S. 227–239. (In Russian).
11. Chernikova N.A., Shubina A.S. *Social'no-psihologicheskie aspekty rasshireniya uchastiya sem'i v vospitatel'noj deyatel'nosti shkoly* [Socio-psychological aspects of expanding family participation in educational activities of the school] // *Vospitanie v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: novye konteksty-novye resheniya. Materialy XXI Mezhdunarodnyh pedagogicheskikh chtenij*. Volgograd: VGAPO, 2021. S. 46–49. (In Russian).
12. Shabrova N.V. *Social'naya obshchnost' roditel'ev uchashchihsya kak sub"ekt grazhdanskogo obshchestva* [The social community of parents of students as a subject of civil society] dissertaciya na soiskanie stepeni doktora sociologicheskikh nauk. Nizhnij Novgorod, 2023. 411 s. (In Russian).
13. Shimutina E.N., Ivanov I. Yu. *Issledovanie вовлечения родителей в образовательный процесс в контексте повышения эффективности управления образованием* [Research on the involvement of parents in the educational process in the context of improving the effectiveness of education management] // *Vestnik MGPU. Seriya «Ekonomika»*. 2017. № 4(14). S. 8–20. (In Russian).
14. Erlih O.V. *Vzaimodejstvie sem'i i shkoly v novyh social'no-pedagogicheskikh usloviyah* [Interaction of family and school in new socio-pedagogical conditions] // *Chelovek i obrazovanie*. 2017. № 2(51). S. 34–37. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.014

УДК 316.61:004

ББК 60.53+60.521.2

А.Ю. УЛЬЯНКИНА,
Т.В. КРАСНОВА**САМООБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС
ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ**A.YU. ULYANKUNA,
T.V. KRASNOVA**SELF-EDUCATION AS A RESOURCE
FOR THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL**

Человеческий капитал в информационном обществе является значимым показателем развития личности. Человеческий капитал — ценность, включающая в себя компетенции, знания, способности, умения, навыки, образование и т.д. Инвестируя в человеческий капитал, человек вкладывается в собственное успешное будущее и самореализацию. Наиболее эффективным методом пополнения человеческого капитала в информационном обществе является самообразование.

Целью работы является изучение самообразования как ресурса формирования современного человеческого капитала.

В статье проведен анализ работ о человеческом капитале населения Г. Беккера, Т. Шульца, П. Бурдьё, Дж. Коулмана, также был проведен анализ теоретических материалов, в которых рассматривается ресурсный подход — работы Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоновой и Н.М. Давыдовой, В.А. Ядова.

Самообразование рассматривается сквозь призму ресурсного подхода. Обосновывается, что самообразование является инновационным ресурсом формирования человеческого капитала личности. Актуализируются и формулируются компоненты человеческого капитала. В число актуальных компонентов включается цифровая грамотность, также указываются аргументы в пользу этого включения. Дается авторское определение самообразования с точки зрения ресурсного подхода, с уточнением роли субъекта и анализом процесса приобретения и совершенствования знаний, умений и навыков как с помощью образовательных организаций, так и без них. Обозначено, с помощью каких видов и практик самообразования может быть оптимизирован процесс пополнения человеческого капитала.

Human capital in the information society is a significant indicator of personal development. Human capital is a value that includes competencies, knowledge, abilities, skills, education, etc. By investing in human capital, a person invests in his own successful future and self-realization. The most effective method of replenishing human capital in the information society is self-education.

The aim of the work is to study self-education as a resource for the formation of modern human capital.

The article analyzes the works on the human capital of the population by G. Becker, T. Schulz, P. Bourdieu, J. Coleman, and also analyzes theoretical materials that consider the resource approach — the works of T.I. Zaslavskaya, N.E. Tikhonova and N.M. Davydova, V.A. Yadov.

Self-education is considered through the prism of the resource approach. It is substantiated that self-education is an innovative resource for the formation of an individual's human capital. The components of human capital are updated and formulated. Digital literacy is included among the relevant components, and arguments in favor of this inclusion are also given. The author's definition of self-education is given from the point of view of the resource approach, with clarification of the role of the subject and analysis of the process of acquiring and improving knowledge, skills and abilities both with the help of educational organizations and without them. It is indicated

with the help of which types and practices of self-education the process of replenishing human capital can be optimized.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самообразование, виды самообразования, социальные практики, человеческий капитал, ресурс, ресурсный подход.

KEY WORDS: self-education, types of self-education, social practices, human capital, resource, resource approach.

ВВЕДЕНИЕ. В цифровом обществе формирование эффективного человеческого капитала личности — необходимый процесс для успешной самореализации индивида. Капитал личности является одним из основных определяющих деятельность человека факторов, капитал включает в себя полноценность и актуальность знаний индивида. Человеческий капитал, включая в себя некоторый запас знаний, умений и навыков, определяет эффективность и роль человека как в профессиональной, так и общественной и личной сферах жизни человека. Грамотная интерпретация структуры человеческого капитала способствует построению индивидуальных и эффективных траекторий развития на разных уровнях. Для совершенствования человеческого капитала, индивиду следует инвестировать силы, средства и ресурсы во все компоненты человеческого капитала. Подобный вклад повышает уровень экономического развития и повышает качество жизни. Такие инвестиции способствуют стабильному экономическому росту и повышению качества жизни населения, поэтому и политика страны должна способствовать развитию человеческого капитала. Система образования включена в государственную политику, она начинает формировать человеческий капитал и формирует у человека потребность в непрерывном образовании в связи с быстрым и постоянным обновлением знаний [14]. Так, в современных реалиях основным источником формирования человеческого капитала выступает самообразование.

Человеческий капитал состоит из нескольких составляющих компонентов, и эффективное пополнение каждого компонента капитала гарантирует человеку больший уровень успеха как в профессиональной, так и в других сферах жизни. Необходимо исследовать формирование современного человеческого капитала через социальные практики самообразования. Для этого следует проанализировать структуру человеческого капитала и выявить соответствующие каждому компоненту социальные практики самообразования. Так, мы сможем доказать, что самообразование является основным ресурсом человеческого капитала в цифровом обществе.

ЦЕЛЬ исследования — изучить самообразование как ресурс формирования современного человеческого капитала.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Концепция человеческого капитала впервые была разработана американскими учеными-экономистами Гэри Беккером и Теодором Шульцем. Шульц определил, что суть человеческого капитала заключается в приобретенных индивидом качествах, также эти качества могут быть усовершенствованы с помощью соответствующих вложений. Шульц утверждал, что уровень жизни и благосостояние человека определено наличием соответствующих компетенций — знаний, умений и навыков, составляющих человеческий капитал [21]. Определение Теодора Шульца можно рассматривать как фундамент человеческого капитала — он делает акцент на приобретение качеств человеком. Данное определение не затрагивает все составляющие человеческого капитала, поэтому следует обратить внимание на его последователя — Г. Беккера, который обосновал эффективность вложений в воспроизводство человеческого капитала. Г. Беккер рассматривал человеческий капитал через призму способностей — как врожденных, так и приобретенных. Способности и навыки человека в рамках человеческого капитала, по Г. Беккеру, используются им для воспроизводства экономических и общественных благ [12, с. 80–82]. Г. Беккер, в отличие от Шульца, включает в человеческий капитал не только приобретенные качества, но и врожденные. Назначение человеческого капи-

тала в данном случае совпадает, его главная функция — создать благополучие и повысить уровень жизни.

Более широкое распространение в социологии теория человеческого капитала получила благодаря французскому социологу П. Бурдье. Социолог связывает человеческий капитал и отношения индивидов в группе, П. Бурдье включает в человеческий капитал ресурсы, воспроизводимые в группах людей, все те, которые связаны с построением взаимоотношений и достижением признания в группе [3, с. 62–68]. П. Бурдье напрямую связывает человеческий капитал именно с группой людей, что достаточно близко к организации, в которой человек может работать и самореализоваться, используя ресурсы человеческого капитала. Дж. Коулман также рассматривал в своих трудах человеческий капитал. Как и П. Бурдье, он особенно подчеркивал социальную составляющую человеческого капитала. Он указывает, что социальный капитал так же продуктивен и помогает достигать такие цели, которые иначе достигнуть невозможно, не прибегая к его помощи [9, с. 122–127].

Последователи современной теории человеческого капитала определяют человеческий капитал не за счет его производства, а за счет экономического эффекта в последствии его использования. В рамках концепции капитал рассматривается на микро, мезо и мега уровнях. Микроуровень позволяет оценить капитал одного человека, который прибавляется к другим, в последствии суммирования этих показателей можно дать оценку человеческого капитала организации. По аналогии на мезоуровне оценивается человеческий капитал региона и крупных организаций. На мегауровне оценивается капитал в глобальном масштабе. Для указанных расчётов используется такой метод как расчет индекса развития человеческого потенциала. Этот индекс является интегративным показателем. Он включает в себя ВВП на душу населения как основной фактор показателя уровня жизни [18, с. 299–304].

Современная структура человеческого капитала включает в себя не только формальное образование и профессиональную квалификацию, но также нематериальные активы, такие как креативность, инновационное мышление, умение решать проблемы, умение адаптироваться, коммуникативные навыки и т.д. Этот ресурс непрерывно развивается и улучшается через обучение, опыт работы и социальное взаимодействие [15, с. 15]. Так, в современной социологии существует не мало авторских подходов, которые рассматривают человеческий капитал и его структуру.

Подход Васильевой А.Н. к компонентам человеческого капитала включает в себя следующие составляющие: интеллектуальный капитал (образовательный, научный, инновационный компоненты), капитал подготовки на производстве (квалификация, компетенции, производственные навыки и опыт), капитал здоровья, капитал мобильности, капитал предпринимательской деятельности (конкурентоспособности) и другие [10, с. 16–17].

Компоненты человеческого капитала также можно разделить по уровням: микро-уровень, макро-уровень и мезо-уровень. На микро-уровне обозначены: витальный капитал (способности, жизненная энергия, время, а также знания, т.е. интеллектуальный капитал, которым обладает каждый человек), социальный капитал (взаимоотношения с людьми). Мезо-уровень содержит в себе организационный и социальный капиталы (составляющие интеллектуального капитала). А также мезо-уровень охватывает клиентский и репутационный капиталы как составляющие социального капитала. На макро-уровне обозначены одноименные компоненты, но с другими составляющими, например на данном уровне социальный капитал включает в себя только репутационный [8, с. 50–52].

Другая классификация включает в себя следующие компоненты: технические и социальные навыки, интеллектуальный и организационный капитал, а также институциональные знания. В данном контексте технические навыки следует понимать как профессиональные, связанные с определенной работой или сферой. Социальные навыки заключаются в способностях эффективно выстраивать коммуникации с другими, выходить на разные уровни сотрудничества и т.д. Интеллектуальный капитал в контексте данной классификации это

знания и опыт, реализуемые индивидом в профессиональной деятельности, а институциональные знания — это конкретные знания, действующие в рамках организации (ее культура, уставы, история и политика). Институциональные знания человек приобретает по итогу опыта работы в организации. Организационный капитал является гарантией эффективного функционирования предприятия, он включает в себя систему управления, связей и т.д. [2, с. 1–3].

Проанализировав классификации отечественных и зарубежных социологов и экономистов, можно отметить согласованность авторов по поводу таких ключевых составляющих человеческого капитала, как: образование и профессиональные навыки (уровень образования, специализация, профессиональная подготовка и сертификации, предоставляет людям базовые знания и навыки, необходимые для успешной адаптации к изменяющимся условиям жизни и работы; профессиональные навыки представляют собой специализированные знания и умения, необходимые для выполнения определенной работы или профессии); опыт работы (представляет собой накопленное знание и умение, приобретаемое сотрудниками в процессе выполнения своих обязанностей и решения различных задач) [11, с. 154]; нематериальные активы (включают в себя личностные качества, социальные навыки, мотивацию, креативность, а также умение адаптироваться к изменениям и принимать риски); здоровье и физические способности (основа производительности и эффективности работы индивида); социальный капитал (способность человека взаимодействовать, сотрудничать и строить отношения с другими людьми). На наш взгляд, неотъемлемым компонентом человеческого капитала личности в цифровом обществе должна выступать цифровая грамотность как самостоятельный компонент человеческого капитала. В трактовке цифровой грамотности следует полагаться на П. Гилстера, который в 1997 г. ввел в научный оборот само понятие и определил критерии ее достижения. К составляющим цифровой грамотности по Гилстеру относятся: медиаграмотность, информационная грамотность, коммуникативная компетентность, креативная компетентность [20]. Цифровое общество определяет новые требования к индивиду — необходимо адаптироваться и изучать новые технологии, уметь их эффективно использовать не только в сфере труда, но и в повседневной практике, что позволяет эффективно использовать время, финансы, физические силы. Поэтому, цифровая грамотность является неотъемлемым компонентом современного человеческого капитала.

Роль человеческого капитала личности в основе капитала нации или государства крайне важна, эффективный человеческий капитал нации гарантирует экономическое развитие и процветание общества. Каждый человек обладает уникальным набором качеств и способностей, которые могут быть использованы для достижения успеха в жизни. Люди с высоким уровнем образования, профессиональными навыками и способностями способны делать более качественный и эффективный вклад в различные сферы деятельности — от производства до науки и культуры. Кроме того, высокий уровень человеческого капитала в обществе способствует инновационному развитию, повышению производительности труда и конкурентоспособности страны на мировом рынке [17, с. 76–78]. Инвестирование в человеческий капитал личности требует не только финансовых затрат на образование и профессиональное обучение, но и создания условий для развития личностного потенциала каждого человека. Это включает в себя поддержку саморазвития, развитие творческих способностей, стимулирование интереса к учебе и самосовершенствованию. Именно от уровня развития человеческого капитала зависит будущее экономического роста и процветания общества. Поэтому важно осознать ценность каждого человека как носителя человеческого капитала и создать условия для его полноценного развития и использования в интересах общего блага.

Трансформация общества ведет к изменению и структуры человеческого капитала личности. Это очевидно, что цифровое общество задает стандарты необходимых знаний,

навыков и компетенций. Необходимость постоянного обновления знаний, умений, навыков — один из главных аспектов взаимосвязи человеческого капитала и цифровизации. Цифровизация открывает новые возможности для эффективного пополнения человеческого капитала. Люди, обладающие способностью к инновациям, могут активно внедрять новые технологии и методы работы, что способствует развитию экономического и социального сектора. Также, цифровизация создает новые возможности для коммуникации и сотрудничества. Люди могут обмениваться знаниями и опытом, работать удаленно, реализовывать совместно масштабные проекты [5, с. 101–103].

Таким образом, человеческий капитал и цифровизация взаимодополняют друг друга, создавая новые возможности для развития личности и общества в целом. Для успешной адаптации к цифровому миру необходимо постоянное обучение, развитие креативности и гибкость мышления, а также умение эффективно взаимодействовать с окружающим миром, а этому способствует процесс самообразования.

Для анализа самообразования как ресурса пополнения человеческого капитала, следует обратиться к ресурсному подходу. Ресурсный подход рассматривался в трудах П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Коулмана, Э. Гидденса и других. В указанных работах «капитал» в большинстве случаев является синонимом понятия «ресурс». Обращаясь к отечественным авторам, В.В. Радаев определяет такую задачу как корректная интерпретация указанных понятий для использования в исследованиях [13]. Т.И. Заславская указывает на то, что представители близких друг к другу по социальному положению страт придерживаются сходным стилем и образом жизни, а также обладают коллективной идентичностью [7, с. 166]. Н.Е. Тихонова и Н.М. Давыдова приводят свою модель ресурсного подхода. Эта модель формируется по методике расчета показателей стратификации населения, которая основывается на принципе «набора баллов» каждым респондентов при наличии определенного ресурса [6, с. 30–35]. В.А. Ядов также рассматривал в своих трудах ресурсный подход. Он утверждал, что социальный ресурс способствует оцениванию эффективности социальных движений. При этом, чем богаче действия движения, тем выше мобилизационный ресурс индивида [19, с. 310–312].

Итак, ресурсный подход в целом произошел из разработок по изучению человеческого капитала. Ресурсный подход заключается в распределении населения по количеству разного рода ресурсов [4, с. 180]. Данный подход позволяет выявить определенную сетку социальных позиций, каждая позиция подразумевает наличие совокупности ресурсов и активов. В последствии позиции восполняются соответственно наличию людей с необходимыми характеристиками и ресурсами. Если людей не хватает, то имеющие нужные ресурсы получают «ренту за дефицитность» их активов. В случае если дефицитность будет минимизирована, а рента исчезнет, положение отдельных социальных групп изменится. На основании такой динамики появляется возможность составить прогноз развития структуры общества. В цифровом обществе как раз ресурсы человека, пополняющие его человеческий капитал, являются основаниями для социальной стратификации [16, с. 16–20].

Обладание ресурсами способствует социальной и экономической адаптации человека иначе формированию моделей поведения, отвечающих внешним вызовам. Адаптационное поведение теоретически основывается на теории рационального выбора. Теория подразумевает постоянное совершенствование благосостояния индивида в условиях разных структурных ограничений. Ресурсный подход является частью теории рационального выбора при анализе поведенческих моделей. Их взаимодействие обусловлено двумя факторами: значимость разнообразия и степень развития материальных и нематериальных ресурсов, и востребованность ресурсов во внешней среде. Соответственно, чем больше у акторов ресурсов и чем выше качество этих ресурсов, тем успешнее индивид адаптируется к внешней среде. [1, с. 90].

Так, адаптационный потенциал населения измеряется посредством ресурсного подхода, поэтому, особое внимание при этом стоит уделить новым видам ресурсов, которые возник-

ли в ответ на потребности современного общества. Таким ресурсом и является самообразование. Мы предлагаем понимать под самообразованием ресурс формирования человеческого капитала, в рамках которого субъект ведет активную образовательную деятельность, самостоятельно выстраивает процесс приобретения и совершенствования знаний, умений и навыков как с помощью образовательных организаций, так и без них.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Стремление к постоянному обучению и развитию становится необходимым фактором для эффективного использования человеческого потенциала. Самообразование занимает ключевую позицию в формировании и восполнении человеческого капитала. Это процесс, в ходе которого индивид самостоятельно и систематически приобретает новые знания, развивает навыки и расширяет свои способности. Постоянное обучение становится ключевым фактором для адаптации к изменяющимся условиям жизни и работы в современном мире. Самообразование способствует развитию профессиональных компетенций человека, поэтому повышается его конкурентоспособность на рынке труда. Независимо от профессии или отрасли, в которой работает человек, постоянное обучение позволяет быть в курсе последних тенденций, технологий и методов работы, что открывает новые возможности для карьерного роста и повышения заработной платы.

Самообразование несомненно расширяет кругозор и всестороннее личностное развитие индивида. Человек, постоянно учащийся и изучающий новые области знаний, становится более культурно развитым, образованным и готовым к решению разнообразных жизненных ситуаций. Этот процесс позволяет раскрыть потенциал индивида и стать более уверенным и самостоятельным.

Самообразование способствует также активному участию индивида в общественной и экономической жизни. Образованные и информированные граждане могут принимать более осознанные решения, вносить свой вклад в развитие общества и решение его проблем, а также успешно адаптироваться к изменяющимся условиям и вызовам.

Значение самообразования для человеческого капитала заключается в развитии навыков (самообразование помогает расширить спектр навыков и компетенций, что делает индивида более конкурентоспособным на рынке труда и способствует его профессиональному росту); в обновлении знаний (в современном быстро меняющемся мире актуальность знаний становится ключевым аспектом успешной карьеры); в стимуляции креативности и инноваций (самообразование способствует развитию креативности и инновационного мышления, что в свою очередь может привести к созданию новых идей, продуктов или услуг); в самореализации (процесс самообразования помогает людям лучше понять свои цели, желания и потребности, что способствует их личностному росту и самореализации).

Каждая личность может развивать составляющие человеческого капитала посредством самообразования. Оно способствует расширению знаний, развитию профессиональных навыков, личному росту и активному участию в общественной и экономической жизни. Поэтому каждый индивид должен стремиться к постоянному обучению и саморазвитию, чтобы максимально реализовать свой потенциал и внести свой вклад в процветание как себя лично, так и общества в целом.

Виды и практики самообразования как процесса и ресурса имеют множество классификаций. Их социологический анализ позволил создать авторскую классификацию видов самообразования на основе его содержания и соответствующих социальных практик. По содержанию самообразование можно разделить на: бытовое самообразование (включает в себя все знания, полученные опытным путем в повседневной жизни, примерами таких знаний можно считать изучение кулинарных рецептов, советов по уборке, вопросы материнства и т.д.); творческое самообразование (включает в себя любую творческую деятельность человека — художественное искусство, музыку, скрапбукинг, вокал и пр.); профессиональное самообразование (направлено на повышение квалификации индивида, либо на профессио-

нальную переподготовку); интеллектуальное самообразование (включает в себя умственное развитие, расширение общего кругозора за счет чтения книг, изучение тематических сайтов в Интернете, общения на интересующую тематику); физическое самообразование (выражается в совершенствовании физической подготовки человека — посещение тренажерного зала, фитнес-тренировок, изучение и составления планов питания, привлечение себя и других к ЗОЖ-культуре); информационное самообразование (включает в себя самообразование в сфере IT, дизайна, языков программирования, адаптации к цифровым технологиям и т.д.).

Рассматривая авторскую классификацию, стоит отметить, что бытовое самообразование будет включено в ежедневно-воспроизводимые социальные практики, так как специфика указанного вида самообразования заключена в получении новых знаний и опыта в быту, повседневных делах. Творческое самообразование в большей степени можно отнести к адаптивным практикам, так как творческий подход подразумевает некоторую адаптацию реальности и индивида в ней. Однако также творческое самообразование может быть и фоновой практикой, возникающей спонтанно, по вдохновению индивида. Физическое самообразование может быть и фоновой, и конкретно-целесообразной практикой — физическая активность может быть как целенаправленной, так и положительным побочным эффектом при реализации другой познавательной деятельности. Информационное самообразование следует отнести к адаптивным социальным практикам, так как в целом цифровое общество — это новые условия и новые технологии, которые внедрились и внедряются в нашу жизнь. Индивиды, изучая новые информационные технологии, адаптируются к новым условиям реализации повседневной и профессиональной деятельности. Интеллектуальное и профессиональное самообразование можно отнести как к конкретно-целесообразным, так и к адаптивным социальным практикам. Индивид при интеллектуальном самообразовании в большинстве случаев имеет цель, для чего он изучает ту или иную информацию, читает книги и т.д. При профессиональном самообразовании адаптация к новым рабочим условиям или к новой профессии и может выступать основной целью занятий.

Рассмотрев структуру человеческого капитала (образование и профессиональные навыки, опыт работы, нематериальные активы, здоровье и физические способности, социальный капитал, цифровая грамотность), а также социальные практики и виды самообразования мы можем обозначить, посредством каких видов и практик самообразования может быть оптимизирован процесс пополнения человеческого капитала.

Так, первые компоненты человеческого капитала — образование, профессиональные навыки и опыт работы в большей степени соответствуют конкретно-целесообразным практикам самообразования, которые включают в себя профессиональное и интеллектуальное самообразование. Занимаясь самообразованием в изучении и освоении профессиональных компетенций, индивид повышает шанс успешной профессиональной самореализации, что способствует улучшению его уровня жизни.

Следующий компонент человеческого капитала — нематериальные активы, включающие в себя личные качества, мотивацию индивида, больше резонирует с ежедневно-воспроизводимыми и фоновыми социальными практиками самообразования. В процессе бытового и творческого самообразования индивид развивает свои личные качества, критическое мышление и умение адаптироваться и принимать риски.

Другой компонент — здоровье и физические способности отлично пополняется за счет физического самообразования, которое входит в конкретно-целесообразные и фоновые социальные практики. Занимаясь своим физическим развитием и здоровьем, индивид гарантирует собственную работоспособность и успешную реализацию.

Социальный капитал как следующий компонент проходит через все практики самообразования, так как в процессе обучения в целом человеку необходимо выстраивать грамотные коммуникации с людьми. Эффективная коммуникация также необходимо для успешной самореализации.

Рассматривая предлагаемый авторами компонент человеческого капитала — цифровую грамотность, следует обозначить, что пополнение данного компонента происходит в большей степени через адаптивные социальные практики. Изучая новые технологии в рамках информационного самообразования, человек неизбежно адаптируется к ним, изучает и учится ими грамотно пользоваться. Все ведущие компании и организации активно используют информационные технологии, поэтому и любому индивиду необходимо их знать и использовать.

Подводя итог, следует обозначить, что главное в связи самообразования и человеческого капитала то, что для полноценного пополнения последнего необходим комплексный подход и человеку следует обращать внимание на каждый компонент человеческого капитала и с помощью социальных практик самообразования пополнять их.

ВЫВОДЫ. Человеческий капитал в цифровом обществе трансформируется. Он обретает новый востребованный компонент — цифровую грамотность. На первый план выходит умение адаптироваться к новым технологиям и практикам их применения как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни. Для успешной реализации индивида в обществе необходимо комплексное пополнение компонентов человеческого капитала. Для этого требуется привлекать собственные ресурсы. Так, самообразование становится ведущим ресурсом для пополнения человеческого капитала, так как его дифференцированные виды и практики позволяют оптимизировать систему человеческого капитала. Образование, профессиональные навыки и опыт работы в большей степени соответствуют конкретно-целесообразным практикам самообразования. Нематериальные активы соответствуют ежедневно-воспроизводимым и фоновым социальным практикам. Здоровье и физические способности отлично пополняются за счет физического самообразования, которое входит в конкретно-целесообразные и фоновые социальные практики.

Социальный капитал является комплексной характеристикой жизнедеятельности отдельного человека и социума в целом, которая пополняется за счет практик самообразования и коммуникаций в процессе обучения и освоения компетенций. Цифровую грамотность можно наиболее эффективно пополнить через адаптивные социальные практики. Успешная и полноценная самореализация индивида вероятна при комплексном восполнении всех компонентов человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Адаптация населения к «новой экономической реальности» // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 6. С. 86–102.
2. Алиев Т.Г., Алиева Ш.Т. Человеческий капитал: определение, виды, отношение к экономике // Проблемы современной науки и образования. 2024. С. 1–3.
3. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 5. С. 60–74.
4. Воробьева И.Н. Ресурсный подход как методологический принцип выделения агентов социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 179–192.
5. Грибков А.А. Роль человеческого капитала в концепции цифровой экономики // Молодой ученый. 2023. № 14 (461). С. 101–103.
6. Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // Методы социологических исследований. 2006. № 2. С. 29–41.
7. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
8. Колесникова Ю.С. Структура человеческого капитала // Вестник экономики, права, социологии. 2014. № 3. С. 50–52.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

10. Курганский С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макро-уровне // Известия Байкальского государственного университета. 2011. С. 15–22.
11. Курнышева И.Р. Особенности человеческого капитала российской экономики в конкурентном мире. Монография. М.: Синергия, 2018. 886 с.
12. Медведева О.В. Человеческий капитал: понятие, структура и основные характеристики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 7(41). 2019. С. 80–86.
13. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация ресурсов // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 2–32.
14. Семенов А.А. Самообразование как средство формирования профессионально-личностной компетентности студентов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoobrazovanie-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-lichnostnoy-kompetentnosti-studentov/viewer> (дата обращения: 10.08.2024).
15. Смыслов Д.А. Построение индикатора человеческого капитала социальных групп. М.: Синергия, 2018. 43 с.
16. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 11–26.
17. Хоконов А.А. К вопросу о значении фактора человеческий капитал в инновационном развитии страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 1 (21). С. 76–80.
18. Шинкевич А.И. Концепция формирования отраслевых инновационных кластеров // Вестник Казанского технологического университета. 2011. Т. 14. № 22. С. 299–306.
19. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.
20. Gilster P. Digital literacy. M.: New York, 1997. 276 p.
21. Schultz T. Human capital in the International Encyclopedia of Social Sciences. M.: New York, 1968. Vol. 6. 350 p.

REFERENCES

1. Avraamova E.M., Loginov D.M. *Adaptatsiya naseleniya k «novoj ekonomicheskoy real'nosti»* [Adaptation of the population to the "new economic reality"] // Vserossiyskiy ekonomicheskij zhurnal EKO. 2018. № 6. S. 86–102. (In Russian).
2. Aliev T.G., Alieva Sh.T. *Chelovecheskiy kapital: opredelenie, vidy, otnoshenie k ekonomike* [Human capital: definition, types, attitude to economics] // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2024. S. 1–3. (In Russian).
3. Burd'e P. *Formy kapitala* [Forms of capital] // Ekonomicheskaya sociologiya. T.3. 2002. № 5. S. 60–74. (In Russian).
4. Vorob'eva I.N. *Resursnyy podhod kak metodologicheskij princip vydeleniya agentov social'nyh izmenenij* [Resource approach as a methodological principle for identifying agents of social change] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2023. № 75. S. 179–192. (In Russian).
5. Gribkov A.A. *Rol' chelovecheskogo kapitala v koncepcii cifrovoj ekonomiki* [The role of human capital in the concept of digital economy] // Molodoj uchenyj. 2023. № 14 (461). S. 101–103. (In Russian).
6. Davydova N.M., Tihonova N.E. *Metodika rascheta resursnoj obespechennosti pri analize social'noj stratifikatsii* [Methodology for calculating resource availability in the analysis of social stratification] // Metody sociologicheskikh issledovaniy. 2006. № 2. S. 29–41. (In Russian).
7. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: social'nyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society: social mechanism of transformation] M.: Delo, 2004. 400 s. (In Russian).
8. Kolesnikova Yu.S. *Struktura chelovecheskogo kapitala* [Structure of human capital] // Vestnik ekonomiki, prava, sociologii. 2014. № 3. S. 50–52. (In Russian).
9. Koulman Dzh. *Kapital social'nyj i chelovecheskiy* [Social and human capital] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 3. S. 122–139. (In Russian).

10. Kurganskij S.A. *Struktura chelovecheskogo kapitala i ego ocenka na makro-urovne* [The structure of human capital and its assessment at the macro level] // *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. S. 15–22. (In Russian).
11. Kurnysheva I.R. *Osobennosti chelovecheskogo kapitala rossijskoj ekonomiki v konkurentnom mire* [Features of human capital of the Russian economy in a competitive world] Monografiya. M.: Sinergiya, 2018. 886 s. (In Russian).
12. Medvedeva O.V. *Chelovecheskij kapital: ponyatie, struktura i osnovnye harakteristiki* [Human capital: concept, structure and main characteristics] // *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. № 7(41). 2019. S. 80–86. (In Russian).
13. Radaev V.V. *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertaciya resursov* [The concept of capital, the form of capital and their conversion of resources] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. № 2. S. 2–32. (In Russian).
14. Semenov A.A. *Samoobrazovanie kak sredstvo formirovaniya professional'no-lichnostnoj kompetentnosti studentov* [Self-education as a process of developing professional and personal competence of students]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoobrazovanie-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-lichnostnoj-kompetentnosti-studentov/viewer> (data obrashcheniya: 10.08.2024). (In Russian).
15. Smyslov D.A. *Postroenie indikatora chelovecheskogo kapitala social'nyh grupp* [Construction of an indicator of human capital of social groups] M.: Sinergiya, 2018. 43 s. (In Russian).
16. Tihonova N.E. *Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah* [Resource approach as a new theoretical paradigm in sification studies] // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2006. T.7. № 3. S. 11–26. (In Russian).
17. Hokonov A.A. *K voprosu o znachenii faktora chelovecheskij kapital v innovacionnom razvitii strany* [On the issue of the factor of human capital in the innovative development of the country] // *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*. 2015. № 1 (21). S. 76–80. (In Russian).
18. Shinkevich A.I. *Koncepciya formirovaniya otraslevykh innovacionnykh klasterov* [The concept of forming sectoral developing clusters] // *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2011. T.14. № 22. S. 299–306. (In Russian).
19. Yadov V.A. *Social'nyj resurs individov i grupp kak ih kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noj metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossijskom obshchestve* [Social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of using universal methodologies for studying real stratifications in Russian society] M.: MVShSEN, 2001. S. 310–319. (In Russian).
20. Gilster P. *Digital literacy*. M.: New York, 1997. 276 p. (In English).
21. Schultz T. *Human capital in the International Encyclopedia of Social Sciences*. M.: New York, 1968. Vol. 6. 350 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.002

УДК 316.346.32-053.6:001.89

ББК 60.543.172в64

П.А. АМБАРОВА,
А.О. СТАХЕЕВА**ВОВЛЕЧЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ
В ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ:
РОЛЬ АКТОРОВ ОБРАЗОВАНИЯ**P.A. AMBAROVA,
A.O. STANEEVA**INVOLVING STUDENTS
IN THE MOVEMENT OF THE FIRST:
THE ROLE OF EDUCATION ACTORS**

Вовлечение учащейся молодежи в деятельность общественно-государственных объединений выступает важной задачей государственной молодежной политики. Однако в современных условиях индивидуализации и атомизации социума сложно формировать интерес молодежи к участию в деятельности общественных организаций. Ресурсом активизации такого интереса и социальной активности молодого поколения выступают позиции и действия различных субъектов образовательных отношений. Среди них — педагоги и администрация образовательных организаций, региональные органы управления образованием, родители учащихся.

Цель статьи — рассмотреть деятельность ключевых акторов российского образования по вовлечению школьников и студентов организаций СПО в Движение Первых.

Эмпирической базой статьи выступают результаты социологического исследования «Активизация участия учащейся молодежи Свердловской области в общественно-государственной организации «Движение Первых»», проведенного в феврале-мае 2024 г.

Анализ данных показывает, что ключевую роль в информировании школьников и студентов о Движении Первых играют педагоги, а также классные руководители (кураторы). Значительно меньшую роль в информировании играют советники директоров по воспитанию и родители. Органы исполнительной власти не влияют на решение учащихся о вступлении в Движение Первых, однако их поддержка необходима педагогам и кураторам.

Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен замер интереса учащейся молодежи одного из субъектов Российской Федерации к ведущей общественно-государственной организации и определены причины его несформированности и неустойчивости. Кроме того, впервые раскрывается роль четырех акторов образования в активизации участия молодежи в Движении Первых, условия и возможности реализации потенциала их влияния на интерес школьников и студентов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных социологических данных для разработки практических рекомендаций органам управления Движения Первых, в частности, для создания Дорожной карты по вовлечению учащейся молодежи Свердловской области в Движение первых.

The involvement of students in the activities of public and state associations is an important task of the state youth policy. However, in modern conditions of individualization and atomization of society, it is difficult to form the interest of young people in participating in the activities of public organizations. The positions and actions of various subjects of educational relations serve as a resource for activating such interest and social activity of the younger generation. Among them are teachers and administrators of educational organizations, regional education authorities, and parents of students.

The purpose of the article is to examine the activities of key actors in Russian education to involve schoolchildren and students of educational institutions in the Movement of the First.

The empirical basis of the article is the results of a sociological study «Activation of the participation of students of the Sverdlovsk region in the public-state organization “Movement of the First”», conducted in February–May 2024.

Data analysis shows that teachers, as well as classroom teachers (curators), play a key role in informing schoolchildren and students about the Movement of the First. Parenting directors' advisers and parents play a much smaller role in informing. The executive authorities do not influence the decision of students to join the Movement of the First, but their support is necessary for teachers and curators.

The novelty of the study lies in the fact that for the first time, the interest of students from one of the subjects of the Russian Federation in a leading public and state organization was measured and the reasons for its lack of formation and instability were determined. In addition, for the first time, the role of the four actors of education in enhancing youth participation in the Movement of the First, the conditions and opportunities for realizing the potential of their influence on the interest of schoolchildren and students is revealed.

The practical significance of the study is related to the possibility of using the obtained sociological data to develop practical recommendations to the governing bodies of the Movement of the First, in particular, to create a Roadmap for involving students of the Sverdlovsk region in the Movement of the First.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учащаяся молодежь, общественные движения и организации, Движение Первых, акторы образования, молодежная политика

KEY WORDS: students, social movements and organizations, Movement of the First, actors of education, youth policy

ВВЕДЕНИЕ. Детско-юношеские общественные движения играют важную роль в формировании социально значимых качеств учащихся. Участие в общественных объединениях помогает им обогащать личный и социальный опыт, а также выстраивать межличностное и социальное взаимодействие. В современном обществе такие общественные объединения имеют большое значение для подготовки молодежи к активному участию в общественной жизни и реализации своего потенциала. Участие в детских и молодежных организациях позволяет молодым людям расширить кругозор, научиться работать в коллективе, развивать лидерские качества и принимать конструктивные решения.

Между тем, в отличие от советского периода истории страны, в современном российском обществе общественная активность и социальное участие молодежи показывают иные тренды и динамику развития. Атомизация и фрагментация социума и общественных отношений снижают интерес учащейся молодежи к массовым коллективным объединениям. Не случайно по данным ВЦИОМ, в 2022 г. 47% россиян замечали общественную активность молодежи и примерно столько же (45%) придерживались обратной точки зрения [7]. По официальным данным, число членов самого известного сегодня общественного Движения первых составляет около 5 млн чел. [8], в то время как численность российских школьников составляет 17 745 тыс. чел., учащихся организаций СПО — 3 560 тыс. чел. [3, с. 34]. Эти данные показывают, что далеко не все представители учащейся молодежи вовлекаются в деятельность Движения первых.

Прогнозирование развития данного масштабного общественно-государственного движения основывается на изучении интереса школьников и студентов организаций СПО к общественной жизни, детско-юношеским организациям в целом и конкретно — к Движению первых. При этом система управления организацией предполагает активное участие ключевых субъектов образования в деятельности по вовлечению в него молодежи, но не опирается в этом решении на достаточную информацию об их возможностях и готовности.

В связи с этой проблемой **ЦЕЛЬ** статьи состоит в рассмотрении деятельности ключевых акторов российского образования по вовлечению школьников и студентов организаций СПО в Движение первых. Анализ результатов эмпирического исследования проблемы предваряется обзором научных исследований, которые создают социокультурный контекст изучения вопроса.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ. Сейчас можно констатировать, что созданное летом 2022 г. Российское движение детей и молодёжи, переименованное в Движение первых, стало одним из ведущих субъектов реализации молодёжной политики в России. Оно имеет развитую сеть на уровне регионов, муниципальных образований, образовательных организаций.

Становлении новой формы работы с молодёжью в науке описывается многими учёными, среди них В.И. Борисенко и Е.Н. Чернышева [1], А.А. Ситнова [9], А.Г. Лазарева [4], В.В. Лобанов [5], Е.М. Харланова [10]. В работах этих авторов отмечается, что создание Движения первых стало новым этапом развития образовательной и молодёжной политики. В них показано, что в основе общественного движения — ориентиры на то, что уже было сформировано в истории России и Советского союза. Обновленная современная система воспитания без «партийного окраса» использует традиционные формы досуга, но их результативность достигается за счёт актуального содержания.

Так, В.В. Лобанов отмечает, что тенденция государственной регламентации ценностно-целевых установок педагогической деятельности в современной России из-за создания Движения Первых проявилась не только в массовой школе, но и во внешкольной работе. В работе В.В. Лобанова указывается, что цели Движения были сформулированы не самими детьми и в них явно заложена патерналистическая педагогика: «... вряд ли дети могут сформулировать потребность в воспитании патриотизма или предложить взрослым сделать за них выбор «правильного русла» активности» [5].

К основным проблемам, которые стоят перед государством и обществом в воспитании молодёжи, А.Г. Лазарева с соавторами относит: рост социальной инфантильности, социально-психологическая дезадаптация, связанная с неудовлетворённостью материальным статусом, конкурирующая форма взаимодействия в детско-молодёжной среде, усугубление противоречий между ценностными ориентирами у детей и родителей [4].

А.А. Ситнова в своей работе указывает, что детские общественные объединения в России, начиная с Всесоюзной пионерской организации 1922 г., играют важную роль в развитии патриотических чувств и гражданской ответственности у детей и подростков. В последние годы, с созданием Российского движения школьников в 2015 г. и Движения первых в 2022 г., усилилось внимание государства к молодёжи, что выражается в различных конкурсах, проектах и волонтерских инициативах, охватывающих значительную часть обучающихся. Современные организации, такие как РДДМ, уже интегрируют лучшие практики воспитания за пределами образовательных учреждений, способствуя развитию молодых граждан. В результате, воспитательная работа в образовательных учреждениях насыщается новыми содержательными подходами, отражая динамичную эволюцию государственной политики в отношении молодёжи [9].

А.Р. Яяев отмечает, что Движение первых не создавалось с нуля, а строилось на основе уже существующей системы молодёжной политики России, а нравственные ориентиры были заложены в Российской империи и Советском союзе [11]. О тесной связи государственной молодёжной политики и общественных движений пишет А.Г. Новиков. По его мнению, Движению первых сейчас оказывается поддержка и содействие со стороны государства в финансовых, организационных аспектах, координация в вопросах профессиональной ориентации и поддержка в подготовке специалистов, принимающих участие в работе организации. А в ответ Движение первых помогает в проведении государственной молодёжной политики, содействует воспитанию детей [6].

К 100-летию Всесоюзной пионерской организации в 1922 г. ВЦИОМ провел мониторинговое исследование, посвященное восприятию учителями и родителями создания общероссий-

ской организации воспитания школьников. Согласно данным исследования, 87% учителей и 92% родителей положительно оценивают деятельность советской пионерской организации. Положительно отнеслись бы к созданию общероссийской детской организации, сравнимой по масштабу с пионерским движением, 73% учителей и 81% родителей. Однако интересно отметить, что при ответе на вопрос о том, кто должен заниматься воспитательной работой школьников, обе группы респондентов считают, что лучше, чтобы воспитательной работой занимались несколько организаций, чем одна. Родители значительно больше поддерживают идею нескольких организаций (72%) по сравнению с педагогами (53%) [2].

В 2022 г. в Челябинской области было проведено исследование, в котором определялась включенность школьников в формальные общественные объединения. По его результатам был сделан вывод о том, что удовлетворенность самореализацией, целеустремленность, ощущение счастья выше у школьников, вовлеченных в деятельность детских общественных объединений, чем у тех, кто не принимает в них участие. При этом остаётся значительная доля школьников, не имеющих опыта участия в общественном движении. Авторами отмечается, что актуальным остаётся исследование причин этого и разработка практик, привлекающих молодёжь к участию в социально-значимых действиях [10].

В связи с большой заинтересованностью в выстраивании гармоничной системы воспитания детей и молодежи возникает вопрос: как педагоги и администрация образовательных организаций, региональные органы управления образованием и родители учащихся влияют на вовлечение школьников и студентов организаций СПО в Движение первых.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для изучения возможностей влияния ключевых акторов российского образования на вовлечение школьников и студентов организаций СПО в Движение первых в феврале-мае 2024 г. в Свердловской области было проведено социологическое исследование¹. В онлайн-опросе приняли участие 12 483 человек (в том числе 8 585 школьников и 3 898 студентов организаций СПО). Возраст участников варьировался от 14 до 20 лет, средний возраст составил 15,9. 58,6% опрошенных были женского пола, 41,4% были мужского пола. 68,8% опрошенных обучаются в школах, 31,2% в учреждениях СПО. 12% респондентов проживают в мегаполисе, 20,4% в крупных городах, 18,2% в средних городах, 22,9% в малых городах, 26,4% в поселках и селах. В полуструктуризованном интервью приняли участие 11 советников директоров по воспитательной работе. Структура вопросов, касающихся оценки способов вовлечения, в инструментарии онлайн-опроса и интервью была идентичной.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Мнение учащихся о роли акторов образования в принятии решений в отношении общественных организаций

Для понимания возможностей вовлечения учащейся молодежи в Движение первых важно определение мотивов вступления в эту организацию (табл. 1).

Таблица 1. Основные причины вступления школьников и студентов СПО в Движение первых, в % от числа ответивших

Причины	Студенты СПО	Школьники
Мне интересно участвовать в любых активностях	36,6	38,4
Предложили учителя	31,7	31,9
Обязали вступить	16,7	15,3
Позвали друзья	6,8	6,7
Все вступали, и я сделал(а) как все	5,7	6,2
Подсказали родители	2,5	1,5

¹ Исследование проведено магистрантами Уральского федерального университета при поддержке Министерства образования и молодёжной политики Свердловской области. В состав научного коллектива вошли: Д.И. Бакшеева, В.С. Мизева, М.Ю. Никулин, А.О. Стахеева. Научный руководитель П.А. Амбарова.

Согласно данным таблицы 1, главной причиной вступления в Движение и для школьников, и для учащихся СПО является личный интерес к общественным активностям. Достаточно большое число респондентов и в той, и другой группе опрошенных откликнулось на предложение учителей.

Тем не менее мы видим небольшую группу учащихся, которые вступили в общественную организацию по принуждению («обязали вступить»). Немногочисленны группы учащихся, которые пришли «за компанию». Предложения, поступившие от родителей, и вовсе нашли небольшой отклик.

В ходе исследования были выявлены ключевые источники информирования учащихся о Движении первых (табл. 2). Оказалось, что преподаватели являются наиболее значимыми в этом плане как для школьников, так и студентов. В своем мнении о Движении и принятии решений в отношении него молодежь в большей степени полагается на них.

Однако, если в группе студентов эти данные указывают на тесное взаимодействие между ними и преподавателями в процессе профессионального обучения, то у школьников — на особое значение преподавателей-классных руководителей. Для школьников они играют более заметную роль, чем все другие преподаватели.

Возможно, это происходит из-за формализованной структуры школьного образования, в которой классные руководители активно вовлечены в процесс и обучения, и воспитания.

Таблица 2. **Источники информирования учащихся о Движение первых, в % от числа ответивших***

Источники информации	Студенты СПО	Школьники
Преподаватели	50,8	47,8
Классный руководитель (куратор)	41,9	50,8
Социальные сети	31,4	28,1
Интернет	30,9	27
Мероприятия	22,6	19,2
Друзья, знакомые	21,1	22,2
Советник или заместитель директора по воспитательной работе	14,3	23,4
Телевидение	10,2	8,3
Родители, родственники	6,6	6,7

* Сумма ответов больше 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов

При этом данные таблицы 2 показывают, что небольшое количество респондентов, узнавших о Движении от советников директоров по воспитанию (примерно 18% опрошенных) или родителей (примерно 6,7% опрошенных).

Мы предполагали, что для учащейся молодежи важным является влияние референтных групп, в связи с чем задали вопрос о значении тех или иных субъектов социального окружения при принятии решения о вступлении в рассматриваемую общественную организацию (табл. 3, стр. 33).

Как видим, большая часть респондентов (независимо от уровня образования), предпочитает не прислушиваться к чужому мнению, что говорит о стремлении к самостоятельности и автономии в принятии решений.

Следующим по силе влияния выступает мнение учителей, в том числе классных руководителей (кураторов) и родителей. Мнение сверстников заняло третью позицию и у школьников, и студентов. А вот роль администрации образовательных организаций, в том числе советников директоров, оказалась у школьников более заметной у школьников, чем у студентов СПО, но все же не первостепенной.

Таблица 3. **Значение разных субъектов социального окружения школьников и студентов СПО для принятия ими решения о членстве в Движении первых, в % от числа опрошенных**

Чье мнение было значимым для Вас?	Студенты СПО	Школьники
Не стал(а) бы прислушиваться к чужому мнению	31,9	26,6
Родителей	12,6	12,1
Классного руководителя (куратора)	12,2	13,0
Преподавателей	11,2	10,1
Друзей из других школ, колледжей	9,5	9,0
Одноклассников, одноклассников	6,3	8,1
Советника (заместителя) директора по воспитанию	4,9	8,7
Директора образовательной организации	4,5	3,8
Старшеклассников, старшекурсников	3,8	5,0
Старших братьев или сестёр	3,1	3,6

Мнение советников директоров о значении различных акторов образования для вовлечения молодежи в общественные организации

В ходе интервью с советниками по воспитанию оценке была подвергнута деятельность различных субъектов образования по вовлечению учащихся в Движение первых. В таблице 4 (стр. 34) систематизированы скрипты, отражающие положительные и отрицательные оценки по каждому субъекту. При оценке деятельности администрации образовательной организации по вовлечению учащихся в Движение первых информанты отметили, что ее помощь сильно зависит от личности руководителя. Часть опрошенных выражала благодарность в адрес руководства за его активную позицию и работу в данном направлении. Другая часть информантов также отметила случаи и формального подхода к выполнению этой задачи. В случае, когда администрация была заинтересована в развитии Движения первых в своей организации, она предоставляла пространство (помещения), в котором представителям общественной организации можно встречаться с учащимися. Кроме того, позитивно настроенное руководство не на словах, а на деле полностью оказывало помощь в реализации программ Движения, поощряло педагогов и учащихся, принимающих участие в них.

При оценке деятельности педагогов организаций СПО по вовлечению учащихся в Движение первых респонденты отмечали противоположную ситуацию. Они отмечали, что педагоги, включая кураторов, играют ключевую роль в поддержании воспитательной среды, мотивируя студентов для участия в мероприятиях и конкурсах Движения. Однако некоторые из них оценивают данную работу как функцию службы социально-психологической помощи, не придавая должного значения личному взаимодействию и мотивации учащихся.

При оценке помощи родителей по вовлечению учащихся в Движение первых советники отметили большие трудности. Они считают, что выстраивание отношений с родителями дается им сложно, особенно с родителями студентов. Однако, если родителям интересна система поощрений для активностей детей, то они готовы мотивировать детей на участие в конкурсах и мероприятиях.

Работу федеральных и региональных органов управления Движением первых информанты оценили очень высоко. Они отметили, что представители управления общественной организацией всегда «на связи». Советники получают всю необходимую помощь и ответы на вопросы от региональных координаторов. Они также высоко оценили муниципальных кураторов, которые в свою очередь делают все и даже больше, чем необходимо, оказывая методическую помощь, в том числе в формате очных личных встреч. В то же время при оценке работы Министерства образования и молодежной политики Свердловской области опрошиваемые не смогли вспомнить конкретных примеров оказания помощи.

Таблица 4. **Оценки деятельности разных субъектов образования по вовлечению учащихся в деятельность Движения первых**

Субъекты образования	Положительные оценки	Отрицательные оценки
Администрация образовательной организации	«Благодарим директора ФИО, за активную включенность в деятельность движения, постоянную поддержку и участие в мероприятиях»	«Администрация не препятствует вовлечению учащихся в Движение» «Администрация помогает неохотно, есть ощущение, что сторонятся программ Движения, поверхностное» «Администрация в вовлечении участников играет роль информатора» «Администрация готова оказать мне любую помощь, но все варианты, которые были предложены мной ВОЗМОЖНО затрагивали учебный процесс, что недопустимо»
Педагоги	«Педагоги, особенно кураторы, это верные "друзья" учащихся, готовые во всех помочь, считают, что это очень важно, в плане развития воспитательной среды, мотивируют студентов участвовать в конкурсах, участвуют в акциях и мероприятиях Движения вместе с детьми»	«В основном помощи нет, либо слабая или формализованный подход. Из-за отсутствия разъяснительной работы чаще всего они считают, что это непосредственная работа отдела социально-психологической работы, у предметников есть свои конкурсы и олимпиады, куда им надо привлечь детей»
Родители	«Если родителям был интересен приз, например посещение Эрмитажа, то они мотивировали детей на участие в конкурсе рисунков»	«Только 20-25% родителей понимают значимость и необходимость привлечения детей к программе Движения» «Не многие дают разрешение на регистрацию, но не отказывают в участии детей в проектах и мероприятиях» «С родителями студентов работа выстраивается очень трудно. Родители считают, что ребята закончили школу и теперь могут сами самостоятельно решать вопросы вовлечения. И родителям необязательно принимать в этом участие»

Более 70% информантов считают достаточным уровень обеспеченности своей деятельности по вовлечению учащихся нормативными документами и методическими пособиями. 91% советников принимали участие в мероприятиях, посвященных Движению и организованных региональным Министерством образования. Они оценили их однозначно положительно.

ВЫВОДЫ. Анализ и обобщение данных исследования показывает, что ключевую роль в информировании школьников и студентов о Движении первых играют педагоги, а также классные руководители (кураторы). Значительно меньшее значение в этом процессе имеет деятельность советников директоров по воспитанию и родители.

Интервью с советниками позволило сделать вывод о том, что активность и поддержка со стороны администрации образовательных организаций существенно зависят от личностных характеристик руководителей. Эффективность вовлечения учащихся в Движение первых повышает заинтересованность и поддержка со стороны директоров. Роль педагогов в этом процессе, безусловно, важна, но зачастую формализована и недостаточно поддерживается.

Как показало исследование, образовательные учреждения испытывают сложности в выстраивании отношений с родителями. Это связано с тем, что последние проявляют небольшую активность в поддержке вовлечения детей в Движение первых. Родительские оценки, установки и активность в этом отношении зависят от понимания прагматических выгод от участия детей в мероприятиях Движения.

Оценка деятельности федеральных и региональных органов управления Движением Первых в целом положительна. Региональные координаторы и муниципальные кураторы обеспечивают необходимую методическую помощь и готовы оказать поддержку в решении вопросов. Хотя, как мы видим, наиболее высокие оценки получили представители непосредственно структур управления Движения. Министерство, несмотря на причастность к деятельности по вовлечению школьников и студентов в общественную организацию, имеет множество иных функций и проектов, поэтому его роль и значение несколько «размывается».

В заключение отметим, что интерес учащейся молодежи к общественным движениям и организациям и готовность участвовать в их деятельности, — результирующая влияния разных акторов системы образования. Несмотря на различия в оценки их влияния, значимости для формирования мнения и намерений молодежи в отношении «Движения первых», вклад каждого из них необходим как часть синергетического действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. Российское движение детей и молодежи: становление // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 26–28.
2. Возрождение пионерских традиций: мнение родителей и учителей. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozrozhdenie-pionerskikh-tradicii-mnenie-roditelei-i-uchitelei> (дата обращения: 07.08.2024).
3. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 416 с.
4. Лазарева А.Г., Королькова Ю.В., Шалыгина О.Н. Общероссийское общественно-государственное Движение детей и молодежи «Движение первых» — курс на консолидацию и объединение // Вестник Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования. 2023. № 17. С. 75–81.
5. Лобанов В.В. Ценностно-целевые установки общественно-государственного детского и молодежного движения в современной России // Ценности современного образования: новые исследования. Брянск: РИСО БГУ, 2023. С. 154–175.
6. Новиков А.Д. Правовая природа общественно-государственного движения Российского движения детей и молодежи «Движение первых» // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества независимых государств: сб. науч. тр. М.: МГПУ, 2023. С. 355–361.
7. Общественная активность молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 14.09.2024).
8. Путин заявил, что в «Движении первых» состоит уже почти 5 млн ребят. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19878367> (дата обращения: 14.09.2024).
9. Ситнова А.А. Детские общественные объединения: от пионерии к российскому движению детей и молодежи «Движение первых». История становления и развития // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 2. С. 142–151.
10. Харланова Е.М., Сиврикова Н.В., Буравова Н.В., Викулов К.В. Участие в общественных объединениях как фактор субъективного благополучия подростков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. № 3. С. 155–163.
11. Яев А.Р. Региональные особенности развития движения детей и молодежи: «Движение первых» в Республике Крым // Сохранение приоритетов профессионального образования как инструмент кадрового обеспечения региональной экономики. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 110–115.

REFERENCES

1. *Borisenko V.I., Chernysheva E.N. Rossijskoe dvizhenie detej i molodjozhi: stanovlenie* [Russian Movement of Children and Youth: Formation] // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2023. № 9. S. 26–28. (In Russian).
2. *Vozrozhdenie pionerskih tradicij: mnenie roditel'ej i uchitelej*. VCIOM [Revival of Pioneer Traditions: An Opinion of Parents and Teachers. VTsIOM]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozrozhdenie-pionerskikh-tradicij-mnenie-roditel'ei-i-uchitelei> (data obrashcheniya: 07.08.2024). (In Russian).
3. *Indikatory obrazovanija: 2024: statisticheskij sbornik* [Education Indicators: 2024: Statistical Yearbook]. Moscow: M.: NIU VSHE, 2024. 416 s. (In Russian).
4. *Lazareva A.G., Korolkova Y.V., Shalygina O.N. Obshherossijskoe obshhestvenno-gosudarstvennoe Dvizhenie detej i molodjozhi «Dvizhenie pervyh» — kurs na konsolidaciju i objedinenie* [Russian Public-State Movement of Children and Youth “Movement of the First” — A Course Toward Consolidation and Unification] // *Vestnik Stavropol'skogo kraevogo instituta razvitija obrazovanija, povyshenija kvalifikacii i perepodgotovki rabotnikov obrazovanija*. 2023. № 17. S. 75–81. (In Russian).
5. *Lobanov V.V. Cennostno-celevye ustanovki obshhestvenno-gosudarstvennogo detskogo i molodezhnogo dvizhenija v sovremennoj Rossii* [Value-Target Settings of Public-State Children's and Youth Movements in Modern Russia] // *Cennosti sovremennogo obrazovanija: novye issledovanija*. Brjansk: RISO BGU, 2023. S. 154–175. (In Russian).
6. *Novikov A.D. Pravovaja priroda obshhestvenno-gosudarstvennogo dvizhenija Rossijskogo dvizhenija detej i molodezhi «Dvizhenie pervyh»* [Legal Nature of the Public-State Movement of the Russian Movement of Children and Youth “Movement of the First”] // *Prioritety konstitucionnogo razvitija Rossii i stran Sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv: sb. nauch. tr.* Moscow: MGPU, 2023. S. 355–361. (In Russian).
7. *Obshhestvennaja aktivnost' molodezhi* [Social Activity of Youth]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (data obrashcheniya: 14.09.2024). (In Russian).
8. *Putin zajavil, chto v «Dvizhenii pervyh» sostoit uzhe pochti 5 mln rebyat* [Putin stated that nearly 5 million children are already members of the “Movement of the First”]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19878367> (data obrashcheniya: 14.09.2024). (In Russian).
9. *Sitnova A.A. Detskie obshhestvennye ob#edinenija: ot pionerii k rossijskomu dvizheniju detej i molodezhi «Dvizhenie pervyh»*. *Istorija stanovlenija i razvitija* [Children's Public Associations: From Pioneers to the Russian Movement of Children and Youth “Movement of the First”. History of Establishment and Development] // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva*. 2023. № 2. S. 142–151. (In Russian).
10. *Kharlanova E.M., Sivrikova N.V., Buravova N.V., Vikulov K.V. Uchastie v obshhestvennyh ob#edinenijah kak faktor sub#ektivnogo blagopoluchija podrostkov* [Participation in Public Associations as a Factor of Subjective Well-Being of Adolescents] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika*. 2023. № 3. S. 155–163. (In Russian).
11. *Yayaev A.R. Regional'nye osobennosti razvitija dvizhenija detej i molodezhi: «Dvizhenie pervyh» v Respublike Krym* [Regional Features of the Development of the Movement of Children and Youth: “Movement of the First” in the Republic of Crimea] // *Sohranenie prioritetov professional'nogo obrazovanija kak instrument kadrovogo obespechenija regional'noj jekonomiki*. Gatchina: Gosudarstvennyj institut jekonomiki, finansov, prava i tehnologij, 2023. S. 110–115. (In Russian).

2. СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

2. SOCIOLOGY OF YOUTH

10.69571/SSPU.2024.92.5.015

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172в682

Т.В. ДУРАН

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

T.V. DURAN

FORMATION OF HEALTHY LIFESTYLE OF MODERN YOUTH IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Одним из приоритетов современной государственной социальной политики в настоящее время является сохранение и укрепление здоровья населения, что подтверждает принятие целого нормативных документов, в которых задача сохранения и укрепления здоровья молодежи определена как приоритетная [14]. Однако, несмотря на повышенное внимание государства и общества к данной проблеме, наблюдается ухудшение здоровья населения в целом и молодежи, в частности. На основании результатов как вторичных социологических исследований, так и собственного эмпирического материала в статье проанализированы трактовки здорового образа жизни, который рассматривается с позиций биомедицинского, ценностного, деятельностного подходов. На основе данных эмпирических исследований выявлена мотивация студенческой молодежи к выбору здорового образа жизни. В статье рассмотрены идеи и концепции классиков социологической мысли (Г.Спенсера, М.Вебера, Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, Э. Гидденса и др.) о физическом воспитании личности в целом и здоровом образе жизни в частности, которые сохраняют свою актуальность для современного социологического знания.

One of the priorities of actual state social policy is the preservation and the strengthening of the health of the population, which is supported by the adoption of a whole of regulatory documents, in which the task of preserving and strengthening the health of young people is defined as a priority. However, despite the increased attention of the State and society to this problem, there is a deterioration in the health of the population in general and young people, in particular. Based on the results of both secondary sociological studies and our own empirical material, the article analyses the interpretations of a healthy lifestyle, which is considered from the standpoint of biomedical, value-based, and activity approaches.

The article examined the ideas and concepts of the classics of sociological thought (H. Spencer, M. Weber, E. Durkheim, G. Simmel, E. Giddens, etc.) about the physical education of the individual in general and a healthy lifestyle in particular, which remain relevant for modern sociological knowledge.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: здоровье, здоровый образ жизни, молодежь, ценность, мотив, спорт, физическая активность

KEY WORDS: health, healthy lifestyle, youth, value, motivation, sport, physical activity

ВВЕДЕНИЕ. В условиях информационного общества одной из актуальных проблем для современной молодежи выступает укрепление и сохранение собственного здоровья. Стремительное развитие компьютерных технологий привело к снижению физической активности молодежи, а смартфоны и гаджеты вытеснили физическую активность на свежем воздухе. В современном обществе здоровый образ жизни (ЗОЖ) является важным фактором укрепления здоровья, так как он является условием снижения частоты заболеваемости, создает физический и душевный комфорт, укрепляет общее физическое и моральное состояние. При этом молодежь является наиболее активной социально-демографической группой, подверженной различным рискам и нуждающейся в навыках формирования ЗОЖ. Однако не всегда желание вести здоровый образ жизни, несмотря на декларирование молодыми своих намерений, претворяется в жизнь. У современной молодежи сегодня существует расхождение между «пониманием необходимости ведения здорового образа жизни и реализацией данного понимания в поведении», что обусловлено недостаточно ответственным отношением к своему здоровью [5].

ЦЕЛЬ. Цель статьи заключается в теоретическом осмыслении сущностных характеристик здорового образа жизни и изучении мотивации студенческой молодежи к его выбору на основе анализа эмпирических данных.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составили идеи и концепции как классиков социологической мысли, таких как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, И. Гофман, Э. Гидденс, так и отечественных социологов нашего времени, в которых рассматриваются различные аспекты здоровья и здоровьесбережения молодежи (Н.Л. Антонова, Т.В. Карасева, Ю.П. Лисицын, А.В. Меренков, Е.В. Руженская, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов, Г.И. Царегородцев, Ю.А. Шумакова и др.). Эмпирической базой исследования послужили результаты вторичных социологических исследований по проблеме ЗОЖ, экспертные оценки российских ученых, представленные в научной литературе, специализированные научные периодические издания, а также результаты собственно эмпирического исследования, проведенного автором.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАУЧНАЯ НОВИЗНА. Мультипарадигмальность современного социологического знания обусловила отсутствие единого понимания здоровья и здорового образа жизни как социального феномена. Вопросам здоровья и здорового образа жизни уделяли внимание как представители классической (Г. Спенсер, М. Вебер, Ф. Гиддингс, Э. Дюркгейм), так и современной социологии.

Основоположником институционального подхода к физическому воспитанию является английский социолог Г. Спенсер. Он полагал, что в процессе эволюции живые организмы должны адаптироваться к условиям окружающей среды. Он считал, что выживают только те, кто смог подстроиться под изменяющуюся природу. Г. Спенсер подчеркивал важность адаптации к условиям окружающей среды для обеспечения выживания. В контексте здорового образа жизни это означает необходимость учета таких факторов, влияющих на здоровье, как питание, физическая активность, сон и т.д.

Исследуя проблемы воспитания и образования современного ему общества, Г. Спенсер развивал идею о том, что любое воспитание должно иметь своей целью не только духовное, но и физическое развитие личности. Он полагал, что даже в «современном» ему воспитании его физическая сторона игнорируется, «подвергается такому забвению, что в результате получается физическое и духовное ослабление как самих воспитываемых, так и их потомства» [16]. Сегодня эти идеи Спенсера не теряют своей актуальности, так как в современном обществе здоровье рассматривается как условие оптимальной и успешной жизнедеятельности человека.

Весьма значима и актуальна идея М. Вебера о здоровом образе жизни как о личностном ресурсе: люди должны стремиться к рациональному отношению к здоровью с прицелом на дальнейшее развитие своей личности путем повышения энергии и работоспособности [3].

Эмиль Дюркгейм в своих трудах раскрывает тему здорового образа жизни через идеи о социальной солидарности, разделении труда и роли коллективных представлений в обществе. Французский социолог считал, что общество основано на социальной солидарности — чувстве принадлежности к группе или обществу. Социальная солидарность способствует поддержанию порядка и стабильности в обществе, а также обеспечивает его членам чувство безопасности и уверенности. Рассмотрение ориентации на здоровый образ жизни в данном случае означает, что коллективные представления о здоровье, его достижениях и поддержании, о здоровом образе жизни могут влиять (и действительно влияют) на индивидуальное поведение людей. Например, если существует (и постоянно и настойчиво воспроизводится) представление о том, что курение вредно для здоровья, то немалая доля людей с большой вероятностью будет избегать пристрастия к курению..

Э.Дюркгейм доказывал, что коллективные представления играют важную роль в формировании индивидуального поведения людей. Коллективные представления — это общие идеи и ценности, разделяемые членами общества, влияющие на то, как люди воспринимают реальность и принимают решения о бытии в ней. Коллективные представления о здоровом образе жизни как цели и жизненной ценности могут формировать взгляды индивидов на суть и смысл здорового образа жизни, на то, какие действия следует предпринимать для его достижения и поддержания.

Американский социолог Т.Парсонс рассматривает здоровый образ жизни в рамках концепции социальных систем и идеи о том, что здоровье является одним из основных элементов поддержания стабильности общества. Общество — сложная система, состоящая из множества взаимосвязанных подсистем, одной из которых является подсистема здравоохранения, «отвечающая» за поддержание здоровья населения. Социальные институты, такие как семья, образование и здравоохранение, играют важную роль в формировании и поддержании здорового образа жизни. Важна идея Т.Парсонса, что здоровье — это не только физическое состояние человека, но и его социальное и психологическое благополучие [13]. Он подчеркивал, что здоровье является одной из основных ценностей общества, которая способствует поддержанию социальной стабильности, и выделял особую роль социальных институтов в поддержании здоровья общества, считая, что семья, образование, здравоохранение и другие социальные институты должны объединить усилия для формирования и поддержания здорового образа жизни населения.

Для понимания исследуемого феномена значим подход И.Гофмана, раскрывающего проблематику здорового образа жизни через концепцию «драматургического подхода» [6] и идею о том, что люди постоянно играют социальные роли, чтобы произвести определённое впечатление на других. Гофман считал, что жизнь подобна театру, где люди играют различные роли и создают определённые образы для других людей. Исходя из этого, получается, что люди могут использовать ведение здорового образа жизни (регулярные занятия спортом, физкультурой, отказ от «вредных привычек», ориентацию на здоровое питание и др.) как инструмент для создания определённого своего образа в глазах окружающих. Они могут стремиться быть здоровыми и успешными, чтобы получить признание и уважение со стороны других людей. И.Гофман также исследовал процесс самопрезентации — то, как люди представляют себя другим людям, утверждал, что самопрезентация является важным аспектом социального взаимодействия и может влиять на восприятие других людей. С этой точки зрения представление себя другим как ведущего здоровый образ жизни — важный аспект самопрезентации. (Например, индивид может регулярно посещать для этого фитнес-зал, участвовать в спортивных мероприятиях, делиться своими спортивными достижениями, рецептами здорового питания, носить спортивную одежду). В трудах И.Гофмана здоровый образ жизни рассматривается как составляющая более широкой концепции социального взаимодействия и самопрезентации.

Влияние социальных норм и ожиданий на поведение субъектов действия применительно к выбору здорового образа жизни проявляется в том, какие виды действий, поведения и его образцов выбираются либо осуждаются, определяются как характерные для здорового образа жизни. Например, в некоторых культурах курение может считаться признаком мужественности, а в других — вредной привычкой. Таким образом, подчёркивается роль социальных норм, ожиданий и взаимодействия с другими людьми в формировании и поддержании здорового образа жизни.

В трудах Э.Гидденса проблематика здорового образа жизни раскрывается на основе теории структуризации и идеи о том, что люди активно формируют свою жизнь в рамках существующих структур и институтов. Общество состоит из множества взаимосвязанных структур и систем, которые определяют поведение людей. Социальные институты, такие как семья, образование и здравоохранение, играют важную роль в его формировании и поддержании: образовательные учреждения могут пропагандировать здоровый образ жизни среди молодёжи, а медицинские учреждения — предоставлять информацию о профилактике заболеваний и здоровом образе жизни [7].

Таким образом, в современном обществе, где здоровье, активное долголетие являются ключевыми условиями оптимальной жизнедеятельности личности, идеи классиков социологической мысли приобретают новое звучание.

Изучение отечественных источников, посвященных проблематике здорового образа жизни, позволяет выделить три основных подхода к рассматриваемому феномену: биомедицинский, ценностный, деятельностный.

С позиций биомедицинского подхода здоровье трактуется как нормальное функционирование организма и его систем. Возрастание в последние годы интереса к социологии здоровья как самостоятельной области научного знания связано с отказом от понимания здоровья чисто в медицинском ключе. В современном обществе речь идет о новой социальной парадигме здоровья в связи с массовым переходом болезней в хронические. В этой ситуации актуализируются вопросы профилактики, превентивной политики по охране труда и здорового образа жизни. По мнению П.Д. Тищенко, в новых социальных условиях болезни становятся подвижными, происходит когнитивный сдвиг — индивиды через коммуникации воспринимают образ здоровья и выбирают те или иные практики, предпринимая действия по заботе о нем. В свою очередь, здоровый образ жизни представляет собой способ сохранения и развития здоровья человека [17].

В рамках ценностного подхода к исследованию здоровья и здорового образа жизни делает акцент на характеристике здоровья как ценности для успешной деятельности человека, его участия в жизни общества. В общественных науках ценность обычно трактуется как субъективное отражение в сознании индивида важных для него жизненных ориентиров. Наиболее распространённой трактовкой категории ценности в социальных науках является понимание, предложенное американским психологом М. Рокичем. М. Рокич определяет ценности как «устойчивое убеждение в том, что определенный образ поведения или конечного состояния для индивида или общества предпочтительней, чем противоположный образ поведения или конечного состояния» [8]. Им была предложена классификация ценностей, согласно которой все ценности могут быть разделены на две группы: терминальные (ценности — цели) и инструментальные (ценности-средства).

Отечественный социолог В.А. Ядов, ориентируясь на трактовку категории ценности М.Рокичем, также классифицирует ценности на терминальные и инструментальные. Исследуя диспозиционную структуру и ценностные ориентации, он указывает на то, что ценность здоровья, как и другие терминальные ценности, имеют нормативный аспект и «предполагают введение определенных рамок в повседневную жизнедеятельность», таких как «не вредить своему здоровью и укреплять его» [20]. Однако для современной молодежи здоровье является не только терминальной, но и инструментальной ценностью. Инстру-

ментальный характер здоровья проявляется в его определении как средства для достижения других целей. Молодежь как социально-демографическая группа имеет свои ценности. Для нее здоровье как инструментальная ценность является средством построения своей карьеры и жизненной траектории.

В.П. Засыпкин и Г.Е. Зборовский, исследуя удовлетворенность студентов жизнью как аспект их социального благополучия, называют наиболее значимые для студентов жизненные ценности, которые заняли первые пять мест в их представлениях. Среди них: здоровье, семья и дети, материальные блага и деньги, работа по душе, общение с друзьями [10]. Здоровье как жизненную ценностную основу студенческого благополучия назвали 17,6% студентов, семью и детей — 13,9%, материальные блага и деньги — 12,7%, работу по душе — 9% и общение с друзьями — 7,2%. [11]. Эмпирическое исследование благополучия вузовской молодежи ХМАО-Югры В.П. Засыпкина подтверждает, что для нее здоровье является важнейшей ценностью: его студенты поставили на первое место (82,9% опрошенных) [9].

Наряду с биомедицинским и ценностным подходами в научной литературе распространена деятельностная интерпретация здорового образа жизни. Так, Н.Л. Антонова под ЗОЖ понимает рутинизированные формы и способы жизнедеятельности индивидов и групп, направленные на профилактику болезней и укрепление здоровья [1].

Основоположники деятельностного подхода к здоровому образу жизни Ю.П. Лисицын и Г.И. Царегородцев понимают под ним такой способ жизнедеятельности, который направлен на сохранение и улучшение здоровья людей как условие и предпосылку существования и развития других сторон образа жизни [19].

Основными составляющими здорового образа жизни как способа жизнедеятельности выступают: здоровое питание; закаливание; занятия физической культурой; отказ от вредных привычек. Правильное питание обеспечивает организм необходимыми питательными веществами, которые позволяют ему эффективно функционировать. Здоровая диета должна быть разнообразной и сбалансированной, а также следовать установленному режиму питания с приёмами пищи в одно и то же время каждый день. Питание многих современных людей не соответствует этим принципам. Чрезмерное потребление соли, недостаток витаминов, овощей и фруктов, а также склонность, особенно среди молодёжи, к фастфуду приводит к проблемам с лишним весом.

Регулярные занятия физической активностью и спортом улучшают адаптационные способности организма, делают его более выносливым и увеличивают мышечную силу. Отказ от вредных привычек в структуре ЗОЖ направлен на искоренение таких пагубных привычек, как курение, употребление спиртных напитков. Закаливание позволяет организму лучше адаптироваться к условиям внешней среды. Оно выступает средством профилактики от негативных последствий охлаждения организма. Во всей своей совокупности эти составляющие позволяют человеку в современном обществе успешно достигать поставленных целей и задач, обеспечивают активную и продолжительную жизнь, помогают профилактике различных заболеваний.

Исследование здорового образа жизни современной молодежи предполагает выявление мотивации к нему у данной социальной группы. По мнению Т.В. Карасевой и Е.В. Руженской, мотивация к выбору здорового образа жизни представляет собой сочетание внутренних и внешних стимулов, побуждающих человека заниматься деятельностью, направленной на поддержание здоровья [12].

В своих исследованиях Карасева Т.В., Руженская Е.В., классифицируя мотивы и факторы, побуждающие к ЗОЖ, выделяют пять групп: мотивы, связанные с образом жизни; мотивы, связанные с личностно-профессиональным развитием; мотивы, связанные с социальным окружением; прагматические мотивы; гедонистические мотивы.

Анализ данных вторичных социологических исследований по проблемам здорового образа жизни российской студенческой молодежи позволяет обозначить снижение у моло-

дежи мотивации к здоровому образу жизни в целом и к физическим занятиям в частности. В качестве причин этого отечественные исследователи указывают следующие:

- 1) отсутствие опыта рационального использования средств физической культуры для активизации деятельности организма у большинства студентов [2];
- 2) низкий уровень сформированности у молодежи ценностного отношения к физической культуре и спорту [15];
- 3) отсутствие потребности в ведении здорового образа жизни [4].

Результаты социологических исследований демонстрируют декларирование молодёжью своего стремления к здоровью при отсутствии обеспечения практики здорового образа жизни в реальности. Подобный диссонанс, по мнению Ж.Т. Тощенко, обусловлен существующими нормами рыночных отношений современного общества [18].

По результатам авторского эмпирического исследования¹, проведенного в 2024 г., выявлено, что студенческая молодежь г. Екатеринбурга недооценивает ценность своего здоровья и его важность для будущей жизнедеятельности, не понимает значимости здорового образа жизни для поддержания своего здоровья². На вопрос: «Считаете ли Вы, что здоровый образ жизни положительно влияет на общее самочувствие?» только 44% опрошенных отметили, что такое влияние безусловно существует.

Физическая активность студенческой молодежи г. Екатеринбурга может быть оценена как средняя, о чем свидетельствует небольшой процент тех, кто регулярно занимается физическими упражнениями. Менее четверти опрошенных (16%) занимаются физическими упражнениями ежедневно, 37% — несколько раз в неделю, остальные редко — 36% занимаются ими несколько раз в месяц и 11% вообще не занимаются физическими упражнениями.

Наиболее распространёнными поведенческими практиками в структуре ЗОЖ студенческой молодежи г. Екатеринбурга являются: регулярное выполнение физических упражнений, правильное питание, сон, посещение медицинских учреждений, отсутствие вредных привычек. Однако только небольшая часть из них реализуют в своей повседневной жизни эти практики. Так, только четверть опрошенных (25%) занимаются спортом регулярно — ежедневно и несколько раз в неделю. Наиболее популярными видами физической активности у молодёжи являются кардиотренировки (бег, плавание) (37%), силовые тренировки (24%), групповые занятия (йога, аэробика) (20%), активный отдых (пешие прогулки, походы) (19%). Иными словами, студенты осознают значимость выбора здорового образа жизни и соответствующих практик, но не готовы следовать этому выбору и воплощать его в повседневные практики.

Негативные моменты в вопросе заботы о своем здоровье, такие как вредные привычки, не теряют своей актуальности. Результаты проведённого нами исследования показали, что только 31% студентов почти никогда не употребляет алкоголь, 39% употребляют его раз в месяц, 10% опрошенных принимают регулярно (несколько раз в неделю) и 20% иногда (раз в неделю).

Результаты исследования показали, что среди вредных привычек, негативно влияющих на здоровье студенческой молодежи, следует отметить чрезмерное употребление фастфуда и неправильное питание в целом. Большинство студентов редко, но всё-таки употребляют фастфуд (43%), 22% злоупотребляют и только 8% его совсем не употребляют.

Помимо вредных привычек фактором, препятствующим студентам вести здоровый образ жизни, является стресс. Почти половина (43%) опрошенных испытывают стресс иногда,

¹ В анкетировании принимали участие 153 человека. Из них 50 студентов Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС), 42 студента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), 32 студента Гуманитарного университета (ГУ), 29 студентов Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (УрГЮУ). Выборка носила стихийный характер, были опрошены наиболее доступные респонденты, курс и направление подготовки обучающихся не имели значения.

² В статье были использованы материалы выпускной квалификационной работы Саввина К.А. «Здоровый образ жизни в системе ценностных ориентаций молодежи», выполненной под нашим руководством.

41% респондентов испытывают стресс часто, 9% постоянно, и только 7% почти никогда. В силу того, что стресс оказывает негативное влияние на человеческий организм, тем более на молодой организм, в формировании ЗОЖ у молодежи важно делать акцент на его снижение. Отсутствие такой важной составляющей, как управление стрессом, формирование стрессоустойчивости, влечет за собой не только ухудшение физического состояния и снижение работоспособности, но и ухудшение психологического состояния.

Полученные данные свидетельствуют о том, что доминирующими мотивами к ЗОЖ для респондентов являются желание улучшить свое физическое здоровье (31%), а также стремление повысить свою работоспособность (32%) и желание выглядеть лучше (28%). То есть в данном случае речь идет о мотивах, связанных с образом жизни, в частности, с бережным отношением к здоровью, стремлением к красоте, хорошей физической форме. Студенческая молодежь все же склонна к тому, чтобы ответственно подходить к своему здоровью в силу его значимости для различных видов жизнедеятельности. Подтверждением тезиса является то, что на первом месте в оценке мотивации к ведению ЗОЖ находится «поддержание работоспособности» (32%). Мотивы, связанные с социальным окружением, являются менее значимыми для респондентов: только 9% процентов респондентов отметили влияние окружения. Недостаток активности молодежи в здоровом образе жизни обусловлен не только отсутствием мотивации, но и нехваткой денег и времени.

ВЫВОДЫ. В современном научном знании отсутствует единое понимание здоровья и здорового образа жизни. Значимую роль в изучении здорового образа жизни сыграли идеи и концепции, развитые классиками социологической мысли: идеи Г. Спенсера о физическом воспитании, Э. Дюркгейма о социальном здоровье как важнейшей детерминанте переживаний личности, рассмотрение М. Вебером здоровьесберегающего поведения как особого вида целерационального поведения и др. Анализ современной литературы по проблемам здоровья и ЗОЖ показал, что данные категории исследуются с позиций различных подходов: медицинского, аксиологического, деятельностного.

Анализ ценностных ориентаций современной студенческой молодежи показал, что здоровье, наряду с такими ориентациями, как материальное благополучие, карьера, семья является для нее ведущей ценностью. Однако это не находит отражения в их повседневной жизни. Для молодежи здоровье является одновременно и терминальной, и инструментальной ценностью. Как инструментальная ценность оно служит средством построения своей карьеры и жизненной траектории. Результаты эмпирических социологических исследований указывают на то, что ценность здоровья занимает далеко не лидирующие позиции в сознании студентов. Молодое поколение не считает важным и необходимым соблюдать здоровый образ жизни. В первую очередь опасения вызывает именно молодежь. «Спутниками» повседневной жизни современной российской молодежи являются стресс, недостаточная физическая активность, пагубные привычки (злоупотребление алкоголем, курение). На снижение ориентации к ЗОЖ также влияют нехватка двигательной активности у студентов.

В заключение отметим, что здоровый образ жизни должен настроить молодежь на то, что они сами творцы своего будущего. Поэтому необходима не только широкая пропаганда здорового образа жизни на государственном уровне, но и реализация мероприятий по формированию здорового образа жизни на уровне различных образовательных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н. Л., Меренков А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 2. С. 88-100.
2. Аралова А. Ю., Потапова Ю. О., Бельчинский В. В. Здоровый образ жизни как основа для занятий физической культурой и спортом. Структура и основные пути формирования здорового обра-

- за жизни у спортсменов и физкультурников // Молодежный инновационный вестник. 2017. Т. 6. № 2. С. 271–273.
3. Бариева А.А. Веберовская научно-исследовательская программа в медицинской социологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2009. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veberovskaya-nauchno-issledovatel'skayaprogramma-v-meditsinskoy-sotsiologii> (дата обращения: 16.06.2024).
4. Бондаренко А.А. Физическая культура и спорт как условие повышения уровня здоровья студенческой молодежи // Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве. 2016. № 10. С. 117–121.
5. Бояк Т.Н. О формировании здорового образа жизни молодежи в современных условиях // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. № 11. С. 257–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni-molodezhi-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 16.08.2024).
6. Вахштайн В. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. № 4. С. 104–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgicheskaya-teoriya-irvinga-gofmana-dva-prochteniya> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
8. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. — М., 1999. — С.385.
9. Засыпкин В.П. Благополучие и безопасность в оценках студенческой молодежи (региональный срез) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (82). С. 60–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchie-i-bezopasnost-v-otsenках-studencheskoy-molodezhi-regionalnyy-srez> (дата обращения: 23.09.2024).
10. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е. Благополучная ли жизнь студентов северного региона, или о чем говорят данные социологического исследования? // Высшее образование в России. 2022. № 8–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchna-li-zhizn-studentov-severnogo-regiona-ili-o-chyom-govoryat-dannye-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 22.09.2024).
11. Зборовский Г.Е., Засыпкин В.П. Роль ближайшего окружения студентов в поддержке их социального благополучия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 4. С. 194–210.
12. Карасева Т.В., Руженская Е.В. Особенности мотивации ведения здорового образа жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 5. С. 23–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-vedeniya-zdorovogoobraza-zhizni> (дата обращения: 11.06.2024).
13. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.Я. Белановского. — М.: Академический проект, 2002.
14. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. N 3081-р Об утверждении «Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/>
15. Саракаева С.А., Сокаев Х.М. Основные направления повышения у подростков устойчивой мотивации к здоровому образу жизни // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 317–320.
16. Спенсер Г. Статьи о воспитании. Спб., 1914.
17. Тищенко П.Д. Здоровье: философско-антропологический аспект // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М: Институт человека Российской академии наук, 2003. 288 с.
18. Тощенко Ж.Т. Ценности молодежи и молодежная политика: как соединить их вместе? Пленарное заседание «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации». URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_plen/045_2013_plen.pdf

19. Шумакова Ю.А. Здоровый образ жизни // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 297–301. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhizni-1> (дата обращения: 16.09.2024)].
20. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013. 376 с.

REFERENCES

1. Antonova N.L., Merenkov A.V. *Kul'tura zdorov'esberezhenia studencheskoi molodezhi* [Culture of health saving student youth: contradictions of formation and development] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. 2019. № 2. S.88–100. (In Russian).
2. Aralova A.YU., Potapova YU.O., Bel'chinskij. *Zdorovyy obraz zhizni kak osnova dlya zanyatij fizicheskoy kul'turoy i sportom. Struktura i osnovnye puti formirovaniya zdorovogo obraza zhizni u sportsmenov i fizkul'turnikov* [Healthy lifestyle as a basis for physical culture and sports. Structure and main ways of formation of healthy lifestyle in athletes and physical fitness] // *Molodezhyu innivatsionny vestnik*. 2017. T. 6. № 2. S. 271–273. (In Russian).
3. Barieva A.A. *Veberovskaya nauchno-issledovatel'skaya programma v meditsinskoy sotsiologii* [Weber Research Program in Medical Sociology] // *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2009. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veberovskaya-nauchno-issledovatel'skaya-programma-v-meditsinskoy-sotsiologii> (data obrashcheniya: 16.06.2024). (In Russian).
4. Bondarenko A.A. *Fizicheskaya kul'tura i sport kak uslovie povysheniya urovnya zdorov'ya studencheskoy molodezhi* [Physical culture and sport as a condition for improving the health of student youth] // *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v mirovom uchebno-vospitatel'nom prostranstve*. 2016. № 10. S. 117–121. (In Russian).
5. Boyak T.N. *O formirovanii zdorovogo ovraza zhizni molodezhi v sovremennykh usloviyakh* [On the formation of a healthy lifestyle for young people in modern conditions] // *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2017. № 11. S. 257–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni-molodezhi-v-sovremennykh-usloviyakh> (data obrashcheniya: 16.08.2024). (In Russian).
6. Vakhshchajtjn V. *Dramaturgicheskaya teoriya Irvinga Gofmana: dva prochteniya* [The Dramatic Theory of Irving Hoffman: Two Readings] // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2003. № 4. S.104–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgicheskaya-teoriya-irvinga-gofmana-dva-prochteniya> (The Dramatic Theory of Irving Hoffman: Two Readings: 27.09.2024). (In Russian).
7. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Society: Outline of the theory of structure]. M.: Akademicheskiiy proekt, 2005. 528 p. (In Russian).
8. Dzheri D. *Bol'shoi tolkovyy sotsiologicheskiiy slovar'*. M., 1999. 385 p. (In Russian).
9. Zasyppkin V.P. *Blagopoluchie i bezopasnost' v otsenках studencheskoy molodezhi (regional'yu srez)* [Zasyppkin V.P. Well-being and safety in student youth assessments (regional breakdown)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 1 (82). P. 60–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchie-i-bezopasnost-v-otsenках-studencheskoy-molodezhi-regionalnyy-srez> (data obrashcheniya: 23.09.2024). (In Russian).
10. Zasyppkin V.P., Zborovskiy G.E. *Blagopoluchna li zhizn' studentov severnogo regiona, ili o chem govoryat dannye sotsiologicheskogo issledovaniya?* [Is the life of students in the northern region good, or what does the sociological research show?] // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2022. № 8–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopoluchna-li-zhizn-studentov-severnogo-regiona-ili-o-chyom-govoryat-dannye-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (data obrashcheniya: 22.09.2024). (In Russian).
11. Zasyppkin V.P., Zborovskiy G.E. *Rol' blizhayshego okruzheniya studentov v poddergke ix sotsial'nogo blagopoluchiya* [The role of inner circle in supporting students' social well-being] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemi obrazovaniya, nauki i kul'turi*. 2023. T. 29. № 4. P. 194–210. (In Russian).
12. Karaceva T.V., Ruzhenskaya E.V. *Osobennosti motivatsii vedeniya zdorovogo obraza zhizni* [Features of motivation to lead a healthy lifestyle] // *Problemi gigeni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*. 2013.

- № 5. P. 23–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-vedeniya-zdorovogoobraza-zhizni> (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian).
13. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About the social systems]. M: Akademicheskii proekt, 2002. (In Russian).
14. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24 noyabrya 2020 g. N 3081-r «Ob utverzhdenii «Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v RF na period do 2030 goda»*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/> (data obrashcheniya: 29.09.2024). (In Russian).
15. Sarakaeva S.A., Sokaev K.H. M. *Osnovnye napravleniya povisheniya u podrostkov ustoychivoy motivatsii k zdorovomu obrazu zhizni* [Main areas of improvement in adolescents' sustainable motivation to a healthy lifestyle] // *Baltiyskiy gumanitarniy zhurnal*. 2018. T. 7. № 2 (23). P. 317–320. (In Russian).
16. Spenser G. *Stat'i o vospitanii* [Articles on parenting]. Spb., 1914. (In Russian).
17. Tishchenko P.D. *Zdorov'e: filosofsko-antropologicheskiiy aspekt* [Health: philosophical-anthropological aspect] // *Zdorov'e cheloveka: sociogumanitarnie i mediko-biologicheskie aspekty*. Moskva: institut cheloveka Rossiyskoy akademii nauk, 2003. 228 p. (In Russian).
18. Toshchenko ZH. T. *Tsennosti molodegi i molodegnaya politika: kak soedinit' ix vmeste?* [Youth values and youth politics: how to connect them together?] Plenarnoe zasedanie «Dialog kul'tur: tsennosti, smisli, kommunikatsii». URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_plen/045_2013_plen.pdf (In Russian).
19. Shumakova Yu.A. *Zdorovyy obraz zhizni* [healthy lifestyle] // *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 2010. № 11. P. 297–301. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhizni-1> (дата обращения: 16.09.2024). (In Russian).
20. Yadov V.A. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and social behavior prediction of the person: Dispositional concept]. M., 2013. 376 p. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.008

УДК 316.346.32-053.6:304.3

ББК 60.543.172-6в682

Л.В. ВАСИЛЬЕВА,
М.В. МАСЛАКОВА,
И.В. ТОЛСТОУХОВА

КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

L.V. VASILYEVA,
M.V. MASLAKOVA,
I.V. TOLSTOUKHOVA

CULTURE IN THE LIFE OF STUDENTS

В статье анализируется и раскрывается современная культура, ее влияние на мировоззрение и ценности молодежи. Как показывает опыт, культура ориентирует людей на определенные поведенческие стандарты, создает стимулы и мотивы их действий, поступков, считающихся в данном социальном сообществе нормальными, естественными, правильными. В связи с этим авторы провели социологический опрос среди студентов, с целью изучить мнение молодежи о современной культуре. В результате определили, что социальные сети, интернет и новые технологии играют важную роль в распространении современной культуры, что культура влияет на будущее общества и студенческую среду, через развитие и продвижение новых идей и инноваций. Студенты считают нужным принимать участие в разных мероприятиях, которые, формируют чувство гражданской причастности и гордости за свою страну, ее историю и культуру. Авторы выделяют и подчеркивают, что изменяющаяся культурная действительность, каждый раз обуславливает новые параметры жизненного пути нового поколения. Ценностное отношение современной российской молодёжи к культуре существенно изменяется под влиянием её жизненных ситуаций, поэтому необходимо обеспечить связь ценностного отношения к культуре с изменяющимися смысло-жизненными ориентациями молодых людей.

The article analyzes and reveals modern culture, its influence on the worldview and values of youth. As experience shows, culture orients people to certain behavioral standards, creates incentives and motives for their actions, actions that are considered normal, natural, and correct in this social community. In this regard, the authors conducted a sociological survey among students in order to study the opinion of young people about modern culture. As a result, it was determined that social networks, the Internet and new technologies play an important role in the dissemination of modern culture, that culture influences the future of society and the student environment through the development and promotion of new ideas and innovations. Students consider it necessary to take part in various events that form a sense of civic engagement and pride in their country, its history and culture. The authors highlight and emphasize that the changing cultural reality determines new parameters of the life path of a new generation every time. The value attitude of modern Russian youth to culture changes significantly under the influence of their life situations, therefore it is necessary to ensure the connection of the value attitude to culture with the changing meaning-life orientations of young people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная культура, молодежь, искусство, культурные события, подрастающее поколение.

KEY WORDS: modern culture, youth, art, cultural events, the younger generation.

ВВЕДЕНИЕ. Культура как основная часть жизни человека во всем мире остается главной составляющей общественного развития, способствующая формированию и ста-

новлению личности. Она выступает ключевым аспектом в жизни современного общества. Культура зарождается и обогащается в различные периоды развития общества и представляет собой лучшее, что было создано на протяжении всей истории развития человечества. В ней сосуществуют и взаимодействуют традиции и новаторство, прогрессивные и регрессивные тенденции, приобретение и накопление положительного опыта. Благодаря этому в ней соединяется прошлое, настоящее и будущее [5, с. 31].

Сегодня человечество оказалось перед вызовом техногенной цивилизации, которая существенно изменила картину мира и привела к изменениям в сфере культуры [7]. Вследствие этого встает вопрос о необходимости пересмотреть и изменить культурные ориентиры, нормы и ценности и, в первую очередь, отношение к человеку. Несомненно, культура является для человечества особой доминантой, ей необходимо пересмотреть отношение к человеку не как к средству, а как к главной цели. Важно осознать, что наука, образование, экономика, политика, право должны существовать как часть культуры, нести в себе глубокие гуманистические ценности, и только в этом контексте будущее человечества может быть определено культурными факторами.

В результате очередной раз необходимо обратить особое внимание на подрастающую молодежь, от которой зависит будущее страны и на которой лежит ответственность за сохранение культурного наследия нации.

ЦЕЛЬ статьи исследовать мнение студентов о современной культуре и её различные формы проявления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Сегодня социокультурное пространство характеризуется противоречивыми тенденциями: последовательным отходом от культурных стандартов, на которых воспитывались предыдущие поколения в сторону, новых образцов культурной жизни; поиском новых форм, соответствующих современной динамичной жизни; распадом однозначных образцов «правильного» и «неправильного», «должного» и «нужного», «высокого» и «низкого», «элитарного» и «массового» в культуре и стремлением найти новые идеалы, критерии, потребность в которых остро возникает в связи с обоснованием своих ценностей.

Как пишет Л.Н. Шабатура: «В современном обществе универсальные ценности подвергаются мощному отрицательному давлению под воздействием многих факторов. Утрате ценностей способствует отход от духовных традиций, несоблюдение преемственности, вестернизация культур, а также, в частности, массовый характер современного общества, усложнение условий человеческого бытия в целом» [10, с. 70].

В конце XX века на фоне стремительного цивилизационного обустройства комфорта, бытового уклада и окружающей среды в целом человечество устремилось на тотальное удовлетворение потребностей, в основном материальных в силу того, что они в эпоху рыночных отношений стали более значимыми [11, с. 44]. В результате чего у значительной части молодежи произошла смена форм досуга, становятся значимыми потребление культурных продуктов «по интересам». Это способствует новому образу жизни и культурной специфике современной молодёжи.

Кроме того, как подчеркивает Абоимова И.С. и др. [1] снижение культурного уровня подрастающего поколения произошло в результате таких проблем, как: исчезновение значительной части культурно-досуговых учреждений, а вместе с ними бесплатные кружки; произошла потеря национальной идентичности, под влиянием западной культуры и мышления.

Учитывая эти проблемы и происходящие события, подрастающее поколение постепенно стало отдаляться от тех моральных и культурных принципов, что были ранее. Проводимые социологические исследования, показывают о переходе молодежи в «глобальную сеть», влияние рекламы и средства массовой информации, которые призывают людей быть открытыми и уникальными [6]. Рекламные слоганы вроде «будь не как все» стали стимулировать молодежь выделяться, подчеркивая тем самым, что в данный момент уже не популярно выделяться своими способностями и талантами, поэтому многие предпочитают показывать

свою индивидуальность через внешний вид [9]. Современные субкультуры также являются проявлением этой особенности.

Авторы статьи констатируют, что при всем разнообразии имеющихся определений о современной культуре можно подчеркнуть ее целостное значение, которое проявляется в ее связи с духовной сферой индивидуума и общества, а также отражает уровень развития как отдельного человека, так и общества в целом.

Как бы не рассматривали сегодня современную культуру у нее есть свое ядро которое формирует облик, «лицо» общества и передается от поколения к поколению, аккумулируясь и реализуясь в устной речи и письменности, культурных памятниках и эталонных произведениях искусства, в образцах общепринятой деятельности.

Но несмотря на вышесказанное, наблюдается тенденция, что современная молодежь живет своей собственной жизнью, окружением и умело адаптируется быстро меняющиеся мире. Их интересы, ценности и культурные запросы сильно отличаются от предыдущих поколений [8]. Вместе с тем, чтобы утвердить себя в обществе, молодому поколению необходимо определить свои реальные возможности и понять, на что они способны. Они также должны иметь четкое представление о мире, систематизировать свои ценности и убеждения в политике, морали и эстетике.

И как считают С.Г. Гутова и Д.И. Смоков, сформировать новый тип культуры молодого поколения, с чувством принадлежности с определенной нации и государству, напрямую связано со спецификой современного российского общества. Ведь «проблемы, которые обозначились сегодня в рамках молодежной культуры, производны от процессов, происходящих в общественном сознании россиян» [2, с. 110].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. В связи с этим на базе Тюменского индустриального университета (ТИУ) был проведен онлайн — опрос студентов технических направлений с первого по четвертый курс, раскрывающий оценку современной культуры в глазах обучающейся молодежи. Опрос был проведен в апреле 2024 года, в нем приняло участие 108 человек, в возрасте от 18 до 23 лет, из них студенты мужского пола — 56%, женского — 44%.

Для опрашиваемых студентов основным источником информации о современной культуре является социальные сети (70%), фильмы (21%), книги (7%), музеи (2%). Ответ очевиден, сегодня вся жизнь взаимосвязана с глобальной сетью, через нее осуществляется поиск, обмен информацией, всевозможные покупки, общение, знакомство и др. Можно отметить, что все общение молодого поколения перенеслось из реального мира в виртуальное пространство, в частности в социальные сети.

Сегодня исследователи социальных сетей не приходят к однозначному ответу, приносят ли они больше вред или пользу в жизни подрастающего поколения [3, с. 64]. При этом сходятся, что умеренное пользование социальными сетями способствует саморазвитию человека, но без внимания их оставлять тоже нельзя. Кроме того, опрашиваемые студенты (97%) практически все отмечают, что социальные сети, интернет и новые технологии играют важную и ключевую роль в распространении современной культуры среди молодежи.

На вопрос «Какие виды искусства вы считаете наиболее актуальными в современной культуре?». Ответы распределились следующим образом: музыка (33%), кино (31%), изобразительное искусство (14%), театр (13%), литература (9%). Как видим на первых местах самые массовые и популярные виды искусства музыка и кино, которые становятся для молодежи средством познания окружающего мира и самопознания.

Большая половина опрашиваемых (78%) считает, что современная культура оказывает влияние на мировоззрение и ценности; не оказывает никакого влияния, отметили (19%) и затруднились ответить (3%). Действительно культура определяет наши взгляды на мир, формирует идеалы, ценности, помогает нам развиваться, формировать самосознание и осознанность. К тому же именно благодаря культуре осуществляется передача социального опыта

и именно она располагает механизмом трансляции всего богатейшего опыта, накопленного человечеством.

На вопрос: «Какое современное направление в искусстве, по вашему мнению, наиболее интересное?». Ответы распределились следующим образом: стрит-арт (34%); префоманс (29%); инсталляция (20%); граффити (17%).

Сегодня стрит-арт пользуется большим интересом и вниманием. Это многогранное искусство, которое отличается огромным разнообразием жанров и идей. В нем нет строгих правил и норм, а предпочтение отдается свободе творчества. Это уличное искусство всегда доступно для широкой аудитории, оно позволяет обычным людям выразить свои мысли и привлечь внимание зрителей.

В ходе опроса было выявлено, что современная культура по мнению опрошенных может влиять на будущее общества и студенческую среду, через развитие и продвижение новых идей и инноваций (40%); через расширение границ и создание более толерантной и инклюзивной среды (19%); через создание новых форм коммуникации и социального взаимодействия (15%); все вышеперечисленное (26%). Исходя из этого, устанавливаем, что творческие и инновационные проявления культуры через искусство, музыку, литературу, могут вдохновлять студентов на новые идеи и подходы к решению многих значимых проблем.

Культурные события, которые интересны и поддерживаются студентами, распределились следующим образом:

- научные события, посвященные актуальным вопросам в сфере социальных, экономических, экологических и других областей (37%). Они дают возможность познакомиться с новыми инновациями, исследованиями в данных областях и студенты благодаря этим мероприятиям расширяют знания и применяют их в профессиональной деятельности;
- международные фестивали, конкурсы и съезды (37%). Участие в таких событиях дает возможность познакомиться с представителями других культур, обменяться опытом и знаниями, а также расширить профессиональный и социальный круг общения;
- события, связанные с искусством и культурным наследием (27%). Например: посещение выставок, музеев, театров или концертов позволяет студентам погрузиться в мир искусства и получить новые впечатления. При этом у посетителей развивается эстетическое восприятие, формируется духовный потенциал личности и появляется вдохновение для новых творческих и профессиональных идей.

И на последний вопрос «Что, по вашему мнению нужно сделать, чтобы сохранить культурное наследие?». Ответы распределились так:

- активно изучать и пропагандировать культурное наследие (32%).

Для сохранения культурного наследия необходимо с раннего детства вовлекать подрастающее поколение в мир творчества. Организовывать и проводить занятия, использовать современные информационные технологии, например: интерактивная выставка, мультимедийные проекты, виртуальные экскурсии, направленные на нравственно-эстетическое, патриотическое воспитание, что поможет сформировать интерес и уважение к истории своего народа;

- проводить своевременную реставрацию и консервацию объектов культурного наследия (20%).

На сегодняшний день очень много памятников культуры нуждаются в реставрации. В связи с этим требуется вовремя проводить восстановление таких объектов, чтобы они могли прослужить будущим поколениям как можно дольше. Это включает в себя не только обновления фасада памятников, но и сохранение их исторической и культурной ценности;

- укреплять законодательную базу в области охраны культурного наследия (18%).

Необходимо грамотно разработать свод законов, которые будут защищать памятники культуры от разрушения, вандализма и незаконного вывоза за границу. Также следует предусмотреть систему наказаний за нарушение этих законов;

— все вышеперечисленное (30%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты считают нужным и необходимым активно принимать участие в мероприятиях разного уровня, не только интересные и значимые для культурного наследия, но и для повышения патриотизма и гордости за свою родину, народ, ее историю существования. Все культурные мероприятия должны быть направлены на духовно-эстетическое и нравственное формирования сознания молодежи.

ВЫВОДЫ. Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем, что современная молодежь проявляет большой интерес к различным областям творчества, благодаря доступности лучших образцов мирового и отечественного искусства. Мы можем заметить их заинтересованность в проявлении патриотизма, любовь к родине, милосердие. Они хотят жить в свободной и процветающей стране, где каждый гражданин может иметь достойную жизнь. Для этого они активно участвуют в развитии страны, например, волонтерство, участие в конкурсах и олимпиадах.

Рассматривая культуру как средство человеческой самореализации, можно выявить новые неисчерпаемые импульсы, идеи, способные оказывать воздействие на исторический процесс, на самого человека. Основное отличие современной молодежи, которое можно направить в нужное русло — это их готовность к действию, гибкость мышления, способность воспринимать новое, изменять окружающий мир. При этом надо донести, что культура, включая все свое богатство является ориентиром в жизни и стержнем поведения личности. Сегодня как никогда, но именно сегодня необходимо активно популяризировать культурное наследие среди молодежи, чтобы они стали серьезными, целеустремленными и идейными людьми, готовыми посвятить свою жизнь изучению и развитию важных вопросов в области науки и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абоимова И.С., Бакшеев А.И., Александрова И.Б., Ракитянская А.И. Анкудинов Н.В. Культура современной молодежи: социальный аспект и основные тенденции развития// Социология. 2023. № 3. С. 257-262.
2. Гутова С.Г., Смоков Д.И. Молодежная культура в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры: сборник материалов Всероссийской молодежной научно-исследовательской конференции, посвященной году культуры и году науки в России / под ред. Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2014. С. 107-111.
3. Дыжова А.А. Социальные сети в жизни современной молодежи: социологический анализ // Современная наука. 2021. № 6. С. 64-67.
4. Затолокин А.А. Экстремизм и молодежная политика// Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 188-190.
5. Игнатова В.А., Игнатов С.Б. Методология постиндустриальной эпохи в ракурсе устойчивого развития// Культура и антикультура: логика, аксиология, диалектика: коллективная монография. Тюмень: ТИУ, 2017. С. 30-32.
6. Кочнова К.А. Речевая культура интернет-среды // Актуальные проблемы обучения русскому языку, культуре речи и дисциплинам специализации. Нижний Новгород. 2014. С. 78-80.
7. Мазаева Т.А. Культура как драйвер мира и стабильности// Духовное лидерство и креативная экономика: международный форум: URL: <https://anchr.ru/2024/05/vystuplenie-tamary-mazaevoy-na-mezhdunarodnom-forume-briks/> (дата обращения: 20.05.2024)
8. Мещерякова В.Г. Современная молодежь и культура// Система ценностей современного общества. 2015. № 41. С. 155-159.
9. Пучкова Д.В. Динамика современной молодежной культуры: тенденции и противоречия // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/10/58022>.

10. Шабатура, Л.Н. Социально-философское осмысление культуры, её роли и значения // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 15(269). С. 68–71.
11. Шабатура Л.Н. Феномен культуры — определяющий фактор развития личности и общества// Культура и антикультура: логика, аксиология, диалектика: коллективная монография. Тюмень: ТИУ, 2017. С. 44–49.

REFERENCES

1. Aboimova I.S., Baksheev A.I., Aleksandrova I.B., Rakityanskaya A.I. Ankudinov N.V. *Kul'tura sovremennoj molodezhi: social'nyj aspekt i osnovnye tendencii razvitiya* [Culture of modern youth: social aspect and main development trends]// Sociologiya. 2023. № 3. S. 257–262. (In Russian).
2. Gutova S.G., Smokov D.I. *Molodezhnaya kul'tura v sovremennom russijskom obshchestve: problemy i perspektivy* [Youth culture in modern Russian Society: problems and prospects]// Innovacionnyj potencial molodezhi: formirovanie novogo tipa kul'tury: sbornik materialov Vserossijskoj molodezhnoj nauchno issledovatel'skoj konferencii, posvyashchennoj godu kul'tury i godu nauki v Rossii / pod red. D.YU. Narkhova. — Ekatermburg, 2014. S. 107–111. (In Russian).
3. Dyzhova A.A. *Social'nye seti v zhizni sovremennoj molodezhi: sociologicheskij analiz* [Social networks in the life of modern youth: a sociological analysis]// Sovremennaya nauka. 2021. № 6. S. 64–67. (In Russian).
4. Zatolokin A.A. *Ekstremizm i molodezhnaya politika* [Extremism and youth policy]// Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (31). S. 188–190. (In Russian).
5. Ignatova V.A., Ignatov S.B. *Metodologiya postindustrial'noj epohi v rakurse ustojchivogo razvitiya* [Methodology of the post-industrial era from the perspective of sustainable development]// Kul'tura i antikul'tura: logika, aksiologiya, dialektika: kollektivnaya monografiya. Tyumen': TIU, 2017. S. 30–32. (In Russian).
6. Kochnova K.A. *Rechevaya kul'tura internet-sredy* [Speech culture of the Internet environment]// Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku, kul'ture rechi i disciplinam specializacii. Nizhnij Novgorod. 2014. S. 78–80. (In Russian).
7. Mazaeva T.A. *Kul'tura kak drayver mira i stabil'nosti* [Culture as a driver of peace and stability] // Dukhovnoe liderstvo i kreativnaya ehkonomika: mezhdunarodnyj forum. URL: http://www.isprras.ru/pics/Fi1e/Rus_Be1/br-361-382.pdf. (data obrashheniya: 20.05.2024). (In Russian).
8. Meshcheryakova V.G. *Sovremennaya molodezh' i kul'tura* [Modern youth and culture] // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2015. № 41. S. 155–159. (In Russian).
9. Puchkova D.V. *Dinamika sovremennoj molodezhnoj kul'tury: tendencii i protivorechiya* [The dynamics of modern youth culture: trends and contradictions] // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2015. № 10: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/10/58022>. (In Russian).
10. Shabatura, L.N. *Social'no-filosofskoe osmyslenie kul'tury, eyo roli i znacheniya* [Socio-philosophical understanding of culture, its role and significance] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 15(269). S. 68–71. (In Russian).
11. Shabatura L.N. *Fenomen kul'tury — opredelyayushchij faktor razvitiya lichnosti i obshchestva* [The phenomenon of culture is a determining factor in the development of personality and society] // Kul'tura i antikul'tura: logika, aksiologiya, dialektika: kollektivnaya monografiya. Tyumen': TIU, 2017. S.44–49. (In Russian).

3. СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

3. SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.005

УДК 316.74:001

ББК 60.561.9л3

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

**НАУЧНАЯ ШКОЛА КАК СУБЪЕКТ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ**

G.E. ZBOROVSKY

**SCIENTIFIC SCHOOL AS A SUBJECT
OF SCIENTIFIC ACTIVITY
AT THE UNIVERSITY***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда**№ 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>**The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation**№ 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>*

Введение. Актуальность исследования научных школ в вузах страны в целом и Уральского федерального округа (УрФО), в частности, особенно ощущается в последние годы. Она обусловлена возрастанием их роли и значения в разработке и использовании университетского научного пространства. Сами ученые, педагоги и представители системы управления вузовской наукой проявляют к этой проблеме повышенный интерес вследствие активизации деятельности научных школ. Объектом исследования в статье выступают научные школы вузов УрФО. Предметом исследования является характеристика вузовских научных школ и возможность их превращения в ведущего субъекта университетской научной деятельности.

Цель исследования — анализ возможностей и проблем развития института научных школ в вузах УрФО и превращения их в ведущего субъекта научной деятельности.

Результаты и научная новизна. Дана характеристика научной школы в вузе. Рассмотрена история и методология исследования университетских научных школ. Выявлены основные субъекты вузовской научной деятельности, показывается соотношение роли и значения научной школы и иных субъектов научной деятельности. Определены возможности превращения научной школы в ведущего субъекта научной деятельности в вузе. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые поставлена и обоснована возможность становления научной школы в вузе в качестве ведущего субъекта научной деятельности и показаны пути решения этой проблемы.

Introduction. The relevance of the research of scientific schools in universities of the country as a whole and the Ural Federal District (UFD in particular) has been felt in recent years due to the increasing role and importance of their role in the development and use of the university scientific space. It is not very clear how this space can be developed and used. Scientists themselves and representatives of the university science management system are showing increased interest in this problem due to the intensification of the activities of scientific schools. The object of the research in the article is the scientific schools of the universities of the UFD. The subject of the study is the characteristics of university scientific schools and the possibility of their transformation into a leading subject of university scientific activity.

The purpose of the study is to analyze the possibilities and problems of the development of the institute of scientific schools in the universities of the UFD and their transformation into a leading subject of their scientific activity.

Results and academic novelty. The characteristics of the scientific school at the university are given. The history and methodology of research of university scientific schools are considered. The main subjects of university scientific activity are identified, the correlation of the role and importance of the scientific school and other subjects of scientific activity is shown. The possibilities of turning a scientific school into a leading subject of scientific activity at a university are determined. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time the possibility of establishing a scientific school in a university as a leading subject of scientific activity has been posed and justified, and ways to solve this problem have been shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная школа, субъект научной деятельности, вузы Уральского федерального округа, история и методология исследования научной школы

KEY WORDS: scientific school, subject of scientific activity, universities of the Ural Federal District, history and methodology of scientific school research

ВВЕДЕНИЕ. Научная деятельность, наряду с образовательной и общественной, составляет содержание одной из трех основных миссий высшего учебного заведения. Вузы ранжируются по трем основным параметрам: качеству образования, уровню научной работы, вкладу в жизнь общества (включая регион и страну). Нет смысла полемизировать по вопросу о том, какие параметры являются наиболее, а какие наименее значимыми. Необходимо признать, что все они связаны друг с другом, и показатели каждого из них сказываются на статусе университета.

Это не означает, что нельзя рассматривать достижения и проблемы в реализации каждой миссии порознь. В нашей статье рассматривается в качестве центральной проблема реализации второй миссии университета, а именно обеспечения в вузе высокого уровня и качества научных исследований за счет развития в нем научных школ. Цель статьи мы видим в том, чтобы обратить внимание, во-первых, на сферу научной деятельности и активность ее субъектов, во-вторых, на формирование и развитие института научных школ в вузах УрФО в качестве ведущего субъекта (как реального, так и потенциального) научной деятельности. Разумеется, мы рассматриваем те вузы, в которых такие школы существуют. Их отсутствие свидетельствует лишь о необходимости формирования научных школ. А это процесс длительный, трудоемкий, затратный, требующий создания особых условий, но необходимый для достижения нового для вуза уровня развития.

Объектом исследования являются научные школы в вузах УрФО, предметом — выявление возможностей превращения научных школ в центральный субъект вузовской научной деятельности.

По данным Мониторинга деятельности организаций высшего образования РФ, в 2023 г. на территории УрФО работало 88 организаций высшего образования, в том числе 41 филиал, 1 федеральный университет, 1 национальный исследовательский университет, 5 участников Программы «Приоритет-2030» (в том числе 3 участника проекта «5-100»). В пяти субъектах РФ (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областях, Ханты-Мансийском автономном округе), расположенных на территории округа, функционирует 47 вузов. Самостоятельных вузов нет только в одном регионе — Ямало-Ненецком автономном округе, в нем работает лишь несколько их филиалов.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ВУЗЕ. Трактовок центрального понятия статьи — научной школы — в литературе немало. Одна из причин такого положения вещей состоит в том, что существует несколько разновидностей научных школ. Главной среди них является академическая научная школа. Поскольку термин «академическая» сродни по содержанию термину «научная», в таком сочетании проявляется известная тавтологичность.

Научные школы существуют не только в сфере непосредственно научного творчества, главным образом, в академических учреждениях. Они имеют место в экономике (промышленности прежде всего), военной, космической сферах, в области культуры и т.д. Особой сферой функционирования научных школ, причем одной из наиболее развитых, является высшее образование, его научное пространство, которое и представляет главный интерес в данной статье.

Специфика авторского подхода к изучению научных школ заключается в акценте на научные школы в вузе. Это не значит, что иные виды и разновидности научной школы нам не интересны. Конечно, знание об их деятельности важно для развития научных исследований в университетах, тем более что научные школы в вузах тесно связаны с некоторыми другими видами научных школ. При этом особенно интенсивные связи сближают вузовские научные школы с академическими, вплоть до того, что представители последних нередко работают и совмещают свою научную деятельность в академических учреждениях и университетах.

Остановимся на одном из видов вузовских научных школ, который больше других отвечает потребностям исследования научной школы социально-гуманитарного характера, а именно — социологической научной школы. Но вначале дадим общую трактовку вузовской научной школы. Под ней будем понимать инструмент и способ развития науки в высшем учебном заведении с целью создания определенной научной концепции, ее реализации в процессе научных исследований и соответствующих научных практик, профессионального развития участников научной школы, а также подготовки научных и педагогических кадров.

Научная школа представляет собой единство системы взглядов в той или иной отрасли (или смежных отраслях) научного знания и научного сообщества, члены которого придерживаются этих взглядов. Соответственно, научную социологическую школу будем характеризовать как единство системы идей и взглядов в отрасли (или смежных отраслях) социологического знания и социологического сообщества, члены которого придерживаются этих идей.

Особенность функционирования научной школы в вузе, которой не обладает никакой другой вид научной школы, состоит в том, что она базируется на деятельности и взаимодействии представителей трех социальных и в то же время образовательных общностей — научно-педагогических и научных работников (НПР) как «ядра» научной школы, административно-управленческих работников (АУР) как ее управленческого механизма, студентов и аспирантов как участников деятельности научной школы под руководством НПР и АУР.

С одной стороны, научные школы включают в себя индивидуальных представителей НПР, АУР, студенчества, либо их отдельные группы, объединенные общими научными целями, интересами, направлениями исследований, публикациями, научными семинарами и конференциями. С другой стороны, сами вновь создаваемые или уже существующие научные школы действуют в поле определенных научно-организационных структур, пользуются (могут и должны пользоваться) поддержкой университетского управления, в том числе материальной и финансовой. Речь идет о создании лабораторной базы, закупке необходимого оборудования, дополнительной оплате труда, что требует специального обоснования.

Значимой проблемой вузовских научных школ является их взаимодействие с управленческими структурами университетов, поскольку не всегда и далеко не всем научным школам уделяется должное внимание. Иногда их работа пущена просто на «самотек». В ряде случаев происходит лишь документальное (по сути дела, искусственное) формирование научной школы, что называется, для отчетности, на бумаге («для галочки»).

Одной из причин такой ситуации является нечеткость критериев и границ понятия научной школы. Следует согласиться с мнением Л.А. Козловой, которая пишет, что «в понимании термина "научная школа" на уровне нормативных документов наблюдается неопределенность. Сложилась ситуация, когда из-за отсутствия четких критериев для идентификации научных школ, а также стремления к дополнительному финансированию, повышению престижа они появляются там, где их фактически нет, то есть в порядке формального назначения, самопровозглашения. Это окончательно убивает идею поддержки наиболее перспективных научных

объединений. И, конечно, наносит урон репутации науки и профессионального сообщества» [8, с. 62]. В ряде вузов происходит искусственное формирование так называемых научных школ в результате использования тех или иных, «по случаю» полученных ресурсов — выигранных грантов, государственных заданий, хозяйственных договоров [13]. Появление научных школ таким путем — ничто иное, как желание усилить конкурентные позиции вуза. В ряде вузов наблюдается и стремление жить прошлыми заслугами, использовать громкое в науке имя основателя школы (часто уже ушедшего из жизни), притом, что в ее работе может наблюдаться инерция и застой [10].

Далее коротко остановимся на специфике научной школы социально-гуманитарного характера и более конкретно — социологической научной школы. Для появления и функционирования такого вида научной школы необходимо наличие нескольких обстоятельств. В хронологическом плане это период, занимающий около 20–30 лет, т.е. тот срок, когда школа должна сформироваться как некое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое формальное либо неформальное сообщество и проявить себя в той или иной сфере науки. Это должен быть такой период времени, когда в деятельности школы могут проявить себя представители не одного, а по меньшей мере двух-трех поколений ученых.

Научная школа должна характеризоваться наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), общих профессионально-этических установок ее представителей, центра для обмена научными идеями и проведения творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов, конференции, семинары), в ряде случаев — совместного проведения научного исследования.

Важной характеристикой научной школы является особая, присущая ей исследовательская конфигурация, отличающаяся определенной теоретической и методологической рамкой, направленностью проблем, спецификой методического инструментария и иных аспектов фундаментального и прикладного исследования.

Говоря о специфике интересующей нас научной школы, следует отметить социальную и научную востребованность результатов ее деятельности. Более того, научная значимость разработок научной школы должна получить общественное признание в публикациях, апробации результатов, подтверждении полученных данных. В итоге должны появиться обстоятельства, свидетельствующие о заинтересованности в работе научной школы университетских управленческих структур и их готовности к оказанию ей финансовой помощи и поддержки.

Наконец, особенностью научной школы является ее развитие за счет включения в нее научной молодежи, что особенно характерно для вузов, в которых она (школа) выполняет функцию ресурса высшего образования. Как уже отмечалось, для научной школы социально-гуманитарного характера существенную роль играет наличие в ее структуре представителей нескольких поколений. Школа «проходит» через их жизнь, вовлекая научную молодежь, из которой вырастают кандидаты и доктора наук, «разбегающиеся» к «соседям в чуждые пределы» и распространяющие там новые идеи. Этим научная школа отличается от обычного научного коллектива, который создается на определенный период времени ради решения какой-то одной научной задачи. Научные школы, в отличие от временных научных коллективов, характеризуются традициями, авторитетом руководителя-основателя, преемственностью поколений, особым качеством и плотностью научных коммуникаций.

Естественно, каждая научная школа обладает определенными ресурсами, которые в своей совокупности и взаимосвязи обуславливают ее реальные возможности, достижения и потенциал, а также место, роль и значение в системе университетской науки. Однако вопрос о ресурсах научной школы требует специального рассмотрения, которое будет предпринято в заключительном разделе статьи.

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ. Более глубокая, чем представленная выше, трактовка научной школы требует анализа ее истории и методологии исследования. Для начала обратимся к эволюции понятия «научная школа». В таком виде, в каком мы используем его сегодня, т.е. в лингвистическом и смысловом сочетании двух слов, оно стало распространяться в начале XX столетия, а широко популярным оказалось в его середине. При этом первая часть термина («научная») появилась значительно позже (более чем на 2,5 тысячи лет), чем вторая («школа»).

Истоки школы следует искать, по всей видимости, в Древней Греции. В том понятии школы, какое возникло в античности, мы видим форму передачи идей и знаний через учеников, от поколения к поколению (школы Пифагора, Платона, Аристотеля и др.). Античные школы были философскими и педагогическими и решали задачи образования и обучения [3].

В истории научной мысли первые научные школы возникли в эпоху Возрождения и создавались по образцу художественных школ. В основу их жизни была положена форма организации коллективной научной деятельности, а предметом изучения служил, помимо современного состояния науки, сам метод исследования. Уже в то время, но еще больше в XVIII–XIX вв., научная школа чаще всего выступала в двух ипостасях — научного течения и научной группировки. В XIX в., ближе к его концу, дифференциация научных школ происходила путем деления на научные направления либо научные коллективы. Наиболее активное развитие научных школ в мире происходило в XX в. и продолжается сейчас. Это касается и нашей страны [1].

Говоря коротко об истории возникновения социологических школ, отметим начало этого процесса в конце XIX в. Критериев выделения таких школ было три: национальная специфика и национальная принадлежность школы, территориально-географический и содержательно-именной критерии. Зачастую они заимствовали друг у друга некоторые смежные характеристики и переплетались. Так, говоря о критерии национальной специфики, отметим американскую, французскую, германскую, итальянскую, российскую и иные школы. Вместе с тем, в рамках каждой из этих школ, в соответствии с именами их лидеров, целесообразно выделять отдельные направления. Описывая конкретные школы и направления внутри них, мы тут же будем прибегать к содержательно-именной трактовке той или иной школы и направления и при необходимости давать им характеристику.

В этой связи приведем далее примеры таких школ и направлений. В рамках американской социологической школы выделим творчество У. Самнера, Л. Уорда, Ф. Гиддингса, Дж. Мида, французской — Г. Тарда, Г. Лебона, Э. Дюркгейма, итальянской — В. Парето, германской — Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Зомбарта, российской — М. Ковалевского, Е. де Роберти, Н. Данилевского, П. Сорокина. Каждый из названных мыслителей олицетворял собой лидерство в том или ином направлении развития социологической мысли либо даже возглавлял социологическую школу.

Поскольку объектом нашего исследования являются научные школы вузов УрФО, мы не можем не коснуться вопроса об истории появления научных социологических школ в этом макрорегионе Российской Федерации. При этом нами используется понятие Большого социологического Урала (БСУ) как того социологического пространства, которое предшествовало социологическому пространству УрФО.

Если социологическое пространство УрФО (возникло с появлением соответствующего федерального округа) включает в себя развитие социологической науки и социологического образования в шести его регионах — Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах, то понятие аналогичного пространства БСУ (его становление происходило в 1960–1970-е гг.) добавляет к названным регионам Оренбургскую область, Пермский край, республики Башкортостан и Удмуртию. Именно в тот период (около 60–70 лет назад) происходило становление Уральской социологической школы. Для фиксации этого процесса мы используем описанный выше территориальный

критерий, который ориентирует на выделение и рассмотрение масштабной и значимой в СССР, а затем и России Уральской социологической школы. В хронологическом аспекте ее появление происходит на рубеже 1960-х — начале 1970-х гг. и первоначально связано с развитием социологии в Свердловской области. Основателем и бессменным лидером школы вплоть до своей смерти в 1997 г. был профессор Л.Н. Коган. Вслед за социологической школой в Свердловской области к Уральской социологической школе вскоре присоединились социологи Башкирии (Башкирская социологическая школа) и Пермской области/крае (Пермская социологическая школа). Лидерами этих школ стали профессора Н.А. Аитов и З.И. Файнбург.

В современной литературе часто лидерами Уральской социологической школы, особенно на первом этапе ее становления и развития, называют всех трех ученых, но все же предпочтение среди них отдается Л.Н. Когану, 100-летие со дня рождения которого торжественно отмечалось в Уральском федеральном университете в марте 2023 г. [2; 5; 11]. Организационным и содержательным подтверждением появления и развития Уральской социологической школы стали регулярно проводящиеся с 1976 г. по сию пору Уральские социологические чтения, в которых принимают участие социологи БСУ и многочисленные гости (в том числе зарубежные). Их доклады и выступления публикуются в сборниках научных статей.

Будучи созданной на рубеже 1960–1970-х гг., Уральская социологическая школа заявила о себе целым рядом особенностей.

Во-первых, в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» отечественной социологии — вузовской, академической, производственной (заводской), причем между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до исчезновения заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи. Заводская социология на Урале, по существу, была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили «на ноги».

Во-вторых, на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания, чему в значительной степени способствовали региональные власти. Ее представители принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Такая работа способствовала росту популярности социологии, обеспечивала ей своего рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, которые пропагандировали работу социологов в печати, по радио, телевидению. Несмотря на отсутствие в стране в тот период социологического образования и профессионально подготовленных через него кадров специалистов, на предприятиях вводились социологические должности и структуры (лаборатории, секторы, бюро и даже отделы и службы).

В-третьих, Уральская социологическая школа, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, имела явно выраженные приоритеты среди них, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологических исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, свободного времени, политических процессов [4, с. 846–847].

В XXI в., после смерти в 1990-е гг. всех трех лидеров Уральской социологической школы, стал заметным процесс ее фрагментации и возникновения на его основе социологических школ как территориального характера, так и связанных содержательно либо с именем лидера, либо с предметной характеристикой школы. В качестве примеров можно привести социологические школы исследования образования (Тюмень, Г.Ф. Шафранов-Куцев), труда (Пермь, М.А. Слюсарянский), социальных общностей (Екатеринбург, Г.Е. Зборовский), культуры и личности (Екатеринбург, Ю.Р. Вишневский и А.В. Меренков).

Сегодня у нас есть более чем достаточные основания говорить о наличии не только социологических школ в макрорегионе УрФО. Научные школы реально существуют в большинстве вузов округа и представляют самые различные отрасли научного знания. Однако их

статус, роль, значение в научной жизни университетов неодинаковы. Конечно, существенно различаются и количественные характеристики школ в вузах. Так, в Уральском федеральном университете сегодня работает 27 научных школ. Это и инженерно-технические (13), и естественно-научные (7), и гуманитарные (7) школы. Их деятельность подробно освещена на страницах специального, ярко иллюстрированного издания [9]. В ведущих вузах округа (Южно-Уральском национальном исследовательском университете, Тюменском государственном университете, Тюменском индустриальном университете, Уральском медицинском университете, Магнитогорском техническом университете, Уральском горном университете и ряде других) также успешно работает ряд научных школ. В отдельных вузах их немного, иногда буквально единицы. Но создание научных школ и обсуждение этого процесса в некоторых вузах округа продолжает идти, хотя и разными темпами.

Необходимость научных школ в вузах УрФО практически не оспаривается, но для их формирования требуется наличие некоторых условий, о которых далее будет специально сказано. Сейчас же рассмотрим важный вопрос о методологии исследования научных школ.

Методология нашего исследования связана с авторской трактовкой научной школы, учитывающей ее социологическую (более широко — социально-гуманитарную) специфику. Это обстоятельство нужно специально подчеркнуть, поскольку существуют особенности возникновения, формирования, функционирования, развития и исчезновения школ в разных науках. Наряду с общими чертами, имеют место и различия. Некоторые из них обусловлены как раз спецификой науки и вуза, определяющей принадлежность школы.

Конечно, важно, чтобы создаваемая в вузе научная школа была связана с именем ее лидера, научным профилем исследований, которые ведутся под его руководством. Но не менее значимо, чтобы этот профиль отвечал специфике, интересам и потребностям вуза, в котором школа существует. Разумеется, эта методологическая рекомендация не является абсолютно обязательной. Но если вуз технический, то предпочтение техническому профилю научной школы вытекает из содержания университетских образовательных программ и особенностей научных исследований. Точно такая же позиция справедлива и в отношении научной школы гуманитарного вуза, где, конечно, может существовать техническое или экономическое направление исследований, но приоритетнее социо-гуманитарный вектор научной школы.

Наконец, есть вузы, которые поддерживают любые типы научных школ. Речь идет о современных университетах, которые развивались с учетом интеграции естественно-научного, инженерно-технического и социо-гуманитарного профилей научных школ. Чуть выше приводился пример Уральского федерального университета, в котором сосуществуют 27 ведущих научных школ всех названных профилей. Эта ситуация стала следствием объединения 15 лет назад в Уральский федеральный университет двух вузов — Уральского государственного университета (классического) и одного из крупнейших в стране Уральского политехнического университета. Таких примеров в стране немало. Нельзя не привести в качестве еще одного возникновения в 1990-е гг. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», который превратился в один из крупнейших и ведущих вузов страны и обладает большим количеством научных школ самого разного профиля.

Методология исследования научной школы включает в себя важный вопрос о ее месте в системе научного знания и научной деятельности. Говоря о первом, следует отметить характер научной школы, тесно связанный с характером научного знания: теоретический или эмпирический, фундаментальный или прикладной. Существует позиция, согласно которой научная школа должна воплощать в характере производимого ею научного знания все четыре его базовые характеристики. С нашей точки зрения, это идеальный вариант научной школы. Наиболее распространены иные ее варианты, комбинирующие в создаваемом научном знании различные его аспекты, причем, как правило, не все. Так, научные социологические школы, специализирующиеся на создании эмпирического знания, уделяют минимальное значение формированию теоретического, тем более, фундаментального знания.

Научные школы создаются либо в границах отдельных наук, либо на стыке пограничных сфер научного знания. Поэтому мы говорим, с одной стороны, о научных школах в рамках конкретных отраслей социально-гуманитарного знания (в социологии, психологии, педагогике, культурологии, истории и т.д.), с другой — о научных школах, имеющих отношение не к одной, а нескольким, смежным отраслям этого знания.

Основным методологическим подходом к изучению научной школы является общностный подход. В его основе — узловое понятие социальной общности, впервые разработанное в научной литературе Ф. Тённисом в книге 1887 г. [12]. Он рассматривает три вида социальной общности, находящихся в тесных отношениях взаимосвязей между собой, — родство, соседство, дружба. «Все три вида общности, — пишет социолог, — теснейшим образом связаны между собой как во времени, так и в пространстве, а стало быть, и в человеческой культуре и ее истории в целом, и во всех отдельных ее феноменах и их развитии» [12, с. 25].

Однако интересно отметить, что Тённис понимает под общностями не столько какие-то объединения (группы) населения, людей, сколько те характеристики, которые их сближают (родство, соседство, дружба). В трактовке общности у немецкого социолога не рассматриваются ее конкретные субъекты. Эта трактовка изменилась позднее, уже в XX в., когда содержание понятия общности (социальной общности) приобрело существенно иные характеристики.

У В.А. Ядова социальная общность определяется как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [14, с. 17–18]. При этом важно отметить, что взаимосвязь не обязательно является непосредственной. Она может проявляться опосредованно, через сходство, единство задач, интересов людей, относящихся к определенной социальной общности.

Данное определение социальной общности не может быть единственным и универсальным. Его можно принимать как пригодное лишь для определенной части ее трактовок. Дело в том, что рассматривать социальную общность только через взаимосвязь индивидов означает сузить диапазон различных ее форм до тех, которые построены на наличии реальных отношений и взаимодействий между людьми.

Что свидетельствует о наличии социальной общности? Назовем такие признаки, как относительно схожие условия жизни и деятельности, идентификация и самоидентификация людей, наличие общих социокультурных, экономических, территориальных, этнических, профессиональных и иных характеристик [6, с. 109–110]. Социальная общность характеризуется наличием нескольких, конкретизирующих ее разновидностей. Среди них социальные сообщества, профессиональные сообщества, профессионально-образовательные сообщества и т.д. Именно к профессиональным сообществам относятся интересующие нас научные школы.

Все характеристики профессионального (социально-профессионального) сообщества в той или иной степени присущи как научным школам, так и их основным участникам в вузах — общностям научно-педагогических работников. Вместе с тем последним свойственны и характеристики научно-образовательной общности. Под ней мы понимаем «взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой научно-образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь, образовательными общностями» [7, с. 155].

ВЫЯВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕВРАЩЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ВЕДУЩЕГО СУБЪЕКТА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ.

Как показывает изучение опыта отдельных научных школ в вузах страны и УрФО, для понимания положения, статуса, отношения к ним имеет смысл сравнивать их с аналогичными

характеристиками других коллективных (групповых) субъектов научной деятельности. С этой целью перечислим вначале этих субъектов. Помимо самих научных школ, это межвузовские, межкафедральные и кафедральные научные группы, междисциплинарные коллективы штатных научных работников, научные коллективы, созданные для выполнения научных грантов, хозяйственных договоров, государственных заданий, образовательные и научно-образовательные сообщества, студенческие научные общества и молодежные научные коллективы, научные кружки и неформальные творческие объединения, создающиеся по принципу «ad hoc» (обсуждению вновь возникающих научных проблем).

В качестве критерия для сравнения научных школ с перечисленными выше субъектами вузовской научной деятельности целесообразно использовать их ресурсную основу. Основными ресурсами выступают прежде всего образовательные и научно-образовательные общности вуза. Выше мы их называли: это НПП, АУР и студенты. Главным ресурсом, «ядром» научной школы и многих других коллективных субъектов научной деятельности выступают НПП (научно-педагогические и научные работники). Важную часть ресурсов человеческого капитала составляют также АУР и не менее 15–20% студентов, занимающихся научными исследованиями в составе научных коллективов.

Помимо человеческих ресурсов, концентрирующих человеческий, интеллектуальный, научный капитал (представителей образовательных общностей, в первую очередь НПП), к ресурсам научной деятельности мы относим иные их виды. Это исследовательский, публикационный ресурсы, ресурс научно-педагогической квалификации, ресурс научных коллективов, образовательно-педагогический, коммуникативный, темпоральный, социально-демографический, морально-идеологический, символический, наставнический ресурсы.

Критерием выделения названных ресурсов стало их соответствие основным видам научной деятельности, осуществляемым ее субъектами. Реально возникает ситуация, когда, с одной стороны, наличие научных школ в вузе выступает одним из ресурсов высшего образования в целом и конкретного университета, с другой стороны, существует ряд ресурсов (в том числе названные выше), тесно связанных с наличием научных школ и характеризующих их деятельность.

Проведенное сравнение не оставляет никаких сомнений в том, что положение научных школ в вузе, как правило, ничем существенно не отличается от положения других коллективных субъектов научной деятельности. Разве что участие в работе школы является для ее лидера и рядовых членов этой общности скорее символическим, чем каким-либо иным ресурсом. Автор статьи, являясь на протяжении многих лет основателем и лидером ведущей научной социологической школы УрФУ по исследованию социальных общностей, на своем опыте может подтвердить, что ни разу ни он, ни один из членов его научной группы не был ни морально, ни материально отмечен руководством университета как лидер или участник ведущей научной школы. Единственное, что было сделано спустя пять лет ее работы, — заслушан и одобрен на заседании Ученого Совета доклад о деятельности школы (на доклад было отпущено 5 минут времени и не было задано ни одного вопроса).

Сравнивая ресурсы научной школы с ресурсами иных субъектов научной деятельности, мы вправе задать вопрос: учитывают ли административно-управленческие структуры вузов реальное значение, действительную и потенциальную роль научных школ в развитии университетской (и не только) науки? Если да, то какие их достижения и как учитываются? Какая система стимулов при этом используется? «Работают» ли какие-либо меры поощрения деятельности научных школ, хотя бы моральные? Насколько распространенной является материальная поддержка научных командировок в научные организации России и зарубежных стран? Информированы ли об этом участники научных школ, их лидеры? Наше исследование, проведенное среди представителей научных школ вузов УрФО, показало низкий уровень их стимулирования (и морального, и материального) по сравнению с участниками иных научных коллективов, которые время от времени получали определенное вознаграждение за плодотворную научную работу.

Между тем не возникает сомнений в том, что работа научной школы, если она ведется добросовестно и приводит к заметным позитивным результатам, обязательно должна стимулироваться в масштабах университета. В любом вузе должно существовать официально утвержденное «Положение о научной школе», в котором в особом разделе должны быть прописаны правила поощрения участников научных школ (равно как и санкции за невыполнение требований «Положения»). Наличие такого «Положения» и соблюдение его положений, безусловно, будет способствовать повышению роли научной школы, превращению ее в ведущего субъекта научной деятельности в вузе.

ВЫВОДЫ. Анализ проблемы вузовских научных школ показал значительные различия в их развитии и поддержке этого процесса со стороны университетского управления. Во многом решение этой проблемы зависит от уровня развития вуза, его финансирования, качества научных исследований и публикаций. Научные школы, с одной стороны, являются следствием научной работы в вузе, с другой — фактором, способствующим ее активизации, получению значимых научных и кадровых результатов.

Формирование и развитие научных школ в вузах — это равнодействующая ряда факторов. Во-первых, это результат взаимодействия НПР, АУР и студентов при доминировании НПР и готовности двух других общностей их поддержать. Во-вторых, это согласование стратегии создания научных школ административно-управленческим персоналом и научно-педагогическими работниками. В-третьих, это составленный детальный и реалистичский план формирования и развития научных школ на основе учета интересов как основной научно-образовательной общности — НПР, так и всех коллективных субъектов научной деятельности в вузе. В-четвертых, это план работы научных школ, направленный на развитие не только университетского научного пространства, но и различных сфер деятельности региона.

По нашему мнению, становление и развитие в вузе научных школ должно стать основным внутренним «университетским проектом» на длительный период времени. Вместе с тем его важная особенность состоит в том, что он содержит в себе кадровую проблему, основанную не только на инбридинге, но и на внешнем приглашении серьезных ученых создать и возглавить отдельные научные школы.

Созданные в рамках отдельных вузов внутренние университетские проекты формирования и развития научных школ вполне могут быть представлены для рассмотрения, защиты и принятия решения о практическом воплощении в жизнь благодаря поддержке общественных научных организаций, стейкхолдеров, органов власти регионального и федерального уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведущие научные школы России. Справочник. М.: Янус-К, 1998. 624 с.
2. Вишневский Ю.Р. Несостоявшееся интервью с Учителем о социологии культуры // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 14–20.
3. Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). М.: Московский гуманитарный университет, 2003. 69 с.
4. Зборовский Г.Е. История социологии: классический и современный этапы. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2003. 872 с.
5. Зборовский Г.Е. Л.Н. Коган и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 3–13.
6. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 304 с.
7. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 147–180.
8. Козлова Л.А. «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник Института социологии. 2014. № 3. С. 45–65.

9. Научные школы Уральского федерального университета: энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 512 с.
10. Павельева Т. Ю. Научные школы и мобильные коллективы: вариативные пути организации науки // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 50–58.
11. Павлов Б. С. К истории эмпирических исследований молодых рабочих на Урале // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 21–25.
12. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
13. Шмидт Ю. Д., Крохмаль Л. А., Ивашина Н. В. О финансировании государственных заданий вузам на выполнение научно-исследовательских работ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 119–135.
14. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995. 328 с.

REFERENCES

1. *Vedushhie nauchnye shkoly Rossii. Spravochnik* [The leading scientific schools of Russia. Guide]. M.: Janus-K, 1998. 624 s. (In Russian).
2. Vishnevsky Ju. R. *Nesostojavsheesja interv'ju s Uchitelem o sociologii kul'tury* [A failed interview with a Teacher about the sociology of culture] // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. № 3. S. 14–20. (In Russian).
3. Grezneva O. Ju. *Nauchnye shkoly (pedagogicheskij aspekt)* [Scientific schools (pedagogical aspect)]. M.: Moskovskij gumanitarnyj universitet, 2003. 69 s. (In Russian).
4. Zborovsky G. E. *Istorija sociologii: klassicheskij i sovremennij etapy* [The history of sociology: classical and modern stages]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t, 2003. 872 s. (In Russian).
5. Zborovsky G. E. *L. N. Kogan i otechestvennaja sociologija* [L. N. Kogan and Russian sociology] // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. № 3. S. 3–13. (In Russian).
6. Zborovsky G. E. *Teorija social'noj obshhnosti* [Theory of social community]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t, 2009. 304 s. (In Russian).
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. *Nauchno-pedagogicheskie rabotniki kak social'naja obshhnost' v menjajushih uslovijah akademicheskogo razvitiya* [Research and pedagogical staff as a social community in changing conditions of academic development] // Obrazovanie i nauka. 2022. T. 24. № 5. S. 147–180. (In Russian).
8. Kozlova L. A. «Nauchnaja shkola» v nauchnoj politike i social'nom issledovanii [«Scientific school» in scientific policy and social research] // Vestnik Instituta sociologii. 2014. № 3. S. 45–65. (In Russian).
9. *Nauchnye shkoly Ural'skogo federal'nogo universiteta: jenciklopedija* [Scientific schools of the Ural Federal University: encyclopedia]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2020. 512 s. (In Russian).
10. Pavel'eva T. Ju. *Nauchnye shkoly i mobil'nye kollektivy: variativnye puti organizacii nauki* [Scientific schools and mobile collectives: variable ways of organizing science] // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 6. S. 50–58. (In Russian).
11. Pavlov B. S. *K istorii jempiricheskikh issledovanij molodyh rabochih na Urale* [On the history of empirical research of young workers in the Urals] // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. № 3. S. 21–25. (In Russian).
12. Tjonniss F. *Obshhnost' i obshhestvo: osnovnye ponjatija chistoj sociologii* [Community and society: basic concepts of pure sociology]. M.: Fond Universitet; SPb.: Vladimir Dal', 2002. 451 s. (In Russian).
13. Shmidt Ju. D., Krohmal' L. A., Ivashina N. V. *O finansirovanii gosudarstvennyh zadaniy vuzam na vypolnenie nauchno-issledovatel'skih rabot* [On financing state tasks for universities to carry out research work] // Zhurnal Noj ekonomicheskoy associacii. 2021. № 2. S. 119–135. (In Russian).
14. Jadov V. A. *Sociologicheskoe issledovanie: metodologija, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods]. Samara: Samarskij un-t, 1995. 328 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.012

УДК 316.422:378

ББК 60.561.9р31

Г.С. ОСТАПЧЕНКО,
Э.М. ШАРИПОВА**ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ**G.S. OSTAPCHENKO,
E.M. SHARIPOVA**THE PROBLEM OF THE VALUE
OF HIGHER EDUCATION:
MODERN RUSSIAN REALITIES**

В настоящее время экономика России переживает трансформационный период, связанный с рядом тенденций, как внешнего, так и внутреннего воздействия. К внешним относятся вопросы повышения конкурентоспособности предприятий на отечественной и мировой арене, а к внутренним — инновационная деятельность всех субъектов экономики. Не осталась в стороне и сфера высшего образования. Сегодня она находится в поиске оптимальной модели, пережив отказ от советского образования, присоединение к Болонской системе и уход от нее, а так же переход на новую систему. Несмотря на попытки государства модернизировать эту сферу, отечественные исследователи выявили, что последние 15 лет спрос на получение высшего образования падал.

Цель исследования: выявление причин падения ценности высшего образования в современном обществе обусловлена актуальностью исследования. Авторами проведен сравнительный анализ на основе статистических данных, а также собственное исследование, базирующееся на показателях Тюменского индустриального университета.

Методологической основой исследования послужил подход современных социологов Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, которые придерживаются теории ценностного сдвига. Практическая значимость работы заключается в осмыслении проблемы снижения ценности высшего образования, имеющее не только теоретическое, но и практическое значение для формирования корректной политики российских вузов, а также для формирования комплексов мероприятий по привлечению обучающихся и пропаганде высшего образования в обществе для осознанного восприятия российским обществом ценности высшего образования, его актуальных и профессиональных предпочтений, адаптации граждан к обществу, а также готовности к труду и конкурентоспособности на рынке труда.

At present Russia's economy is currently undergoing a transformation period associated with a number of external and internal trends. External issues include increasing the competitiveness of enterprises in the domestic and global arenas, and internal issues include innovative activities of all economic entities. The sphere of higher education has not remained on the sidelines either. Today, it is in search of an optimal model, having survived the rejection of Soviet education, joining and leaving the Bologna system, as well as the transition to a new system. Despite the state's attempts to modernize this sphere, domestic researchers have found that the demand for higher education has been falling over the past 15 years.

The aim of the study: identifying the reasons for the decline in the value of higher education in modern society is due to the relevance of the study. The authors conducted a comparative analysis based on statistical data.

The methodological basis of the study was the approach of modern sociologists Ronald Inglehart and Christian Welzel, who adhere to the theory of value shift. The practical significance of the work lies in the comprehension of the problem of declining value of higher education, which has

not only theoretical but also practical significance for the formation of correct policy of Russian universities, as well as for the formation of complexes of measures to attract students and promote higher education in society for the correct perception of Russian society of the value of higher education, its actual and professional preferences, the adaptation of citizens to society, as well as the readiness to work and competitiveness of the society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ценность высшего образования, падение спроса, инновационное общество.

KEY WORDS: value of higher education, falling demand, innovative society.

ВВЕДЕНИЕ. Значимость высшего образования была неоспорима в советском обществе. Стремление родителей дать детям высшее образование признавалось как необходимость и возможность получить престижную профессию, как повышение конкурентоспособности на рынке труда, ведущая к социальной мобильности и позволяющая подняться по карьерной лестнице. Однако, постсоветский период развития малого бизнеса и современные реалии пошатнули эту уверенность. В настоящее время современная молодежь все чаще озвучивает мнение о том, что значимость высшего образования преувеличена [11, с. 289]. Исходя из этого, серьезной педагогической и социальной проблемой становится потеря его ценности.

Проблемы зависимости высшего образования от государственной политики отражены в трудах зарубежных ученых Г. Крюкен [9] и Х. И Криссоху [18]. Вопросы изменения отношения общества к значимости высшего образования рассмотрены отечественными исследователями Барковой А.С., Беляевым С.А., Гаязовым А.С., Касумовой Г.А. [2, 3, 4, 6]. О росте спроса на среднеспециальное образование написано в трудах Константиновского Д.Л., Мальцевой В.А. [7, 10] и другими.

ЦЕЛЬ исследования: выявление причин падения ценности высшего образования в современном обществе обусловлена актуальностью исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве теоретической основы исследования авторами использованы опросы ведущих российских социологических центров. Методологической основой исследования является подход современных социологов Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, которые полагают, что при переходе общества на более высокий уровень развития меняются его доминирующие ценности. Ценности самовыражения вытесняют ценности самовывживания, а традиционные предпочтения заменяются на секулярно-рациональные ценности, где большее значение имеет свобода, прерогатива личностных интересов перед общественными.

По их мнению «ценностная ориентация» социума имеет примордиальное значение в формировании и постепенном развитии демократических институтов. Модернизация является движущей силой человеческой эволюции, в ходе которой изменения в социально-экономическом пространстве проецируются на социокультурную сферу, предоставляя опции для развития личной независимости, гендерного равенства и демократии. Такие условия дают возможность для формирования «общества нового типа», ведущего людей к либерализации в разных траекториях развития [19, с. 342].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В советское время вузы рассматривались как один из основных путей совершенствования профессионально-квалификационной структуры общества. Главной функцией высшей школы социализма являлось обеспечение потребности народного хозяйства в высококвалифицированных кадрах [5, с. 159]. Подготовка специалистов в вузах должна была осуществляться «...на основе соединения обучения с общественно полезным трудом» [8, с. 128].

В постсоветский период введения Болонской системы в российское образование реформы, связанные с изменением структуры обучения в вузах, привели не к усилению достижений советского образования, а к его регрессу. Социологи отмечали, что в мировом рейтинге

по уровню и качеству человеческого капитала начиналось неуклонное падение престижа российского высшего образования. В 2003 году по показателю востребованности высшего образования Россия занимала уже 14-е место, в 2005–26-е, в 2007–41-е, а в 2008–54 [5, с. 200].

Изменения в современном мире, связанные с развитием информационных технологий и их стремительное проникновение в повседневную жизнь, общество и экономику, создали ситуацию, которую можно назвать кризисной для образования. Людям стал доступен большой объем информации, появились новые технологии обучения, которые позволили радикально пересмотреть программы обучения, что порой безосновательно и спонтанно разрушает позитивный опыт прошлого. Большой скачок произошел в период пандемии 2020–2021 годов, когда учебные заведения были вынуждены в ускоренном режиме внедрять и применять новые технологии и методы дистанционного обучения, что не могло не отразиться на качестве образовательного процесса, поскольку вузы не были готовы к этому переходу не технически, ни методически. Профессорско-преподавательский состав был вынужден работать не имея должной подготовки, оказавшись в стрессовой ситуации.

В настоящее время статус высшего образования неоднозначен, существует некая неопределенность престижа высшего образования, поскольку не определены его перспективы, востребованность и значимость в будущем.

По данным доклада ФИРО РАНХиГС (Федеральный Институт Развития Образования Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации) «Российское образование в контексте международных индикаторов» среднее профессиональное образование имеют 44% россиян старше 24 лет, дипломы специалистов и магистров у 55% [12, с. 12]

Исследования ВЦИОМ (Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения) подтверждают эти результаты [13]. Существующие тенденции являются логическим следствием осуществляемой государством политики по увеличению контингента со средним специальным образованием для заполнения рынка рабочих специальностей. Ситуация усугубляется тем, что достаточно продолжительное время российское общество испытывает перенасыщение невостребованными специалистами, имеющими дипломы высшего образования.

Однако отмеченная тенденция к снижению значимости высшего образования является неоднозначной. С развитием общества, его модернизацией и индустриализацией поменялись и ценности профессий. Сегодня можно говорить о падении престижа производительного труда среди современной молодежи. Во-первых, на рынке труда появилось множество новых профессий, где долговременный образовательный процесс не требуется, например, такие должности, как веб-дизайнер, копирайтер, мастера бьюти индустрии и др. Эта тенденция объясняется как склонностью молодых людей к новому, вызывающему их интерес направлению, так и более доступным и легким обучением, с меньшей отдачей.

Информатизация общества в свою очередь также оказала большое влияние на изменение спроса на профессии на рынке труда. Возникло увеличение спроса на специалистов по компьютерной технике, поскольку IT технологии проникли во все сферы социальной жизни. Конкурс на эти специальности в вузах с каждым годом растет. Таким образом, можно утверждать, что система высшего образования, по законам системогенетики, меняет свои внутренние и внешние связи, вводит новые свойства и меняется как организационная структура». [1, с. 6]

Другой причиной, объясняющей возникшие тенденции является фриланс. Такая форма профессиональной деятельности, когда ломается привычная схема «Работодатель — исполнитель» развивается в России в быстром темпе. Несмотря на сложности точного статистического подсчета, Росстат сообщает, число работников в неформальном секторе экономики в третьем квартале 2023 года выросло до 14,2 млн, и составляет 19,1% от общей численности занятых. [16].

Вышеперечисленные тенденции оказывают влияние не только на ценность высшего образования в России, они проецируются и на формирование самого социума, общественного сознания и его социокультурные потребности. Согласно подходу Рональда Инглхарта:

модернизация непосредственно влияет на процесс человеческого развития, формирует общество нового типа, предоставляя различные векторы для саморазвития, независимые от потенциального получения диплома о высшем образовании [19, с. 350].

Сложившаяся ситуация, на первый взгляд, демонстрирует отрицательное отношение к высшему образованию. Однако при этом, исследовательские программы показывают, что: — 60% руководителей высшего звена ощущают недостаток образования; — 54% опрошенных, не имеющих высшего образования, сожалеют об его отсутствии. По исследованию «Работа.ру» и «СберПодбор» наличие высшего образования у потенциальных сотрудников является преимуществом для большей части российских работодателей. На это обращают внимание 75 процентов опрошенных [15].

Данные исследований указывают на то, что для работодателей все же предпочтительно наличие диплома о высшем образовании своих сотрудников, а многие работающие люди сожалеют о том, что не получили высшее образование в свое время.

Вышеизложенное дает основание утверждать то, что поле, на котором современное образование осуществляет свою деятельность в новых реалиях, это беспрецедентная инновационная площадка, которая не существовала и не могла существовать несколько десятилетий, даже и несколько лет назад по объективным причинам. Реформы, осуществляемые в настоящее время ориентированы на создание новой системы образования для интеграции в современное общество с инновационной мобильной экономикой. Подобная экономическая модель уже практикуется в мире и в нашей стране. В таких условиях кардинальным образом изменятся и целевые установки, и содержательные характеристики, и организационные подходы в образовании.

Авторами было проведено практическое исследование. Цель данного анализа — деятельность Тюменского индустриального университета (ТИУ) за последние 5 лет в рамках популяризации высшего образования и поиска новых форм для привлечения абитуриентов.

Значимость высшего образования, современное состояние рынка труда свидетельствует о том, что получение высшего образования является одной из ведущих форм инвестирования в социальный капитал.

Рассмотрим этот вывод на примере выбора абитуриентами вуза и специальностей. Численность студентов Тюменского индустриального университета (ТИУ) растёт. По данным на август 2024 года, в вузе учатся более 30 000 человек.

Согласно данным в сентябре 2018 года студентами тюменских вузов стали 10 838 человек. Об этом сообщили в Департаменте по общественным связям, коммуникациям и молодежной политике Тюменской области. Максимальное количество первокурсников было в Тюменском индустриальном университете, получили допуск к обучению — 5 062 новых студентов, из которых 2 903 выбрали очную форму обучения, 2 159 — заочно. В приоритете у первокурсников технические специальности — 5 557 человек, рекордное количество специальностей по этому направлению традиционно представлено в ТИУ. 1 379 человек изучают естественно-научные дисциплины, в пользу гуманитарных направлений — 2 959 человек. Творческие специальности Тюменского института культуры выбирают лишь 109 человек. Самым востребованным направлением подготовки в Тюменском индустриальном университете стало «Строительство», на эту специальность заявили 2 506 выпускников» [14].

В 2020 в ТИУ поступили — 2361 человек, а в 2021 году — 2542 абитуриента, в 2022 году так же 2542 [17].

В 2023 году более 14 000 юношей и девушек стали студентами тюменских вузов. Наиболее популярными специальностями оказались экономика, медицина, информационные технологии и строительство.

Итоги приемной кампании 2023 года свидетельствуют о росте интереса к высшему образованию в Тюменской области и успешной работе вузов по организации приема новых студентов. Так, прирост первокурсников в этом году превысил 2000 человек [14].

В 2024 году Тюменский индустриальный университет принял рекордное количество заявлений — 8954 на программы высшего образования. Это на 2500 заявлений больше чем в 2023-м. Это говорит о том, что технические специальности становятся все более востребованными.

Абитуриенты приехали из 41 региона России, среди которых такие удаленные уголки страны, как Калининградская область, Сахалинская область, Дагестан, Республика Крым, ЛНР и другие. Кроме того, вуз имеет возможность принимать абитуриентов из ближнего и дальнего зарубежья: Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Ливан, Китай, страны Африки.

Как было сказано выше, вызовы времени и глобализация определяют направления модернизации образовательной деятельности перед вузами.

Одним из способов модернизации образовательного процесса, вызванного вызовами времени явилось создание Института Дополнительного Дистанционного Образование (ИДДО), Его возникновение способствовало увеличению количества студентов, занятости профессорско-преподавательского персонала, а также расширению возможности непрерывного образования и формирования единой цифровой образовательной среды. При этом благодаря дистанционным технологиям обучаться можно без отрыва от места работы или учебы — что является одним из приоритетов молодежи. Так Тюменский индустриальный университет на базе ИДДО предлагает более 300 программ, отвечающих вызовам времени и требованиям современного рынка труда [17].

Такой образовательный формат привлекает абитуриентов — в 2020 г. абитуриенты подали в ТИУ в совокупности более 18000 заявлений, что на 2000 больше, чем в 2019 году. При этом более 700 абитуриентов выбрали дистанционный формат обучения. Согласно официальной странице ИДДО от 16 августа 2023 план приёма на дистанционную форму обучения в 2023 году — 570 мест, из них 160 в магистратуру, а от 16 августа 2024 на дистанционное обучение по программам высшего образования в ТИУ принято более 2000 заявлений. В 2024 году показатели еще более значительно увеличились — 630 мест, из них 180 в магистратуру [17].

В перспективе на 2025 год ожидается уже примерно 3000 слушателей [17].

Формирование обновленной новой модели высшего образования неуклонно связано с представлениями российской молодёжи о ее ценностях и качестве. Диплом о профессиональной переподготовке или дополнительное профессиональное образование без отрыва от основной учебы — еще один «бонус» студентам ТИУ. Программа рассчитана для студентов 3-5 курсов, а для профессиональной переподготовки период обучения: март 2024 — январь 2025. Форма обучения: заочная с применением дистанционных технологий (занятия в формате видеоконференции; защита очная, предоставляется справка вызов). Выдаваемый документ: диплом о профессиональной переподготовке (дополнительный диплом к основному, который дает право заниматься новым видом профессиональной деятельности).

Таким образом, анализируя результаты исследования можно сделать следующие **ВЫВОДЫ:**

- развитие и реформирование высшего образования связано с влиянием общественных изменений, в том числе и глобальных. Согласно подходу Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, эволюционные изменения закономерны. Сфера образования коррелятивна законам развития цивилизации, основными догмами которых являются: рост общего уровня образованности населения; повышение требований к уровню профессиональной квалификации граждан; становление системы образования и др.;
- формирование обновленной новой модели высшего образования неуклонно связано с представлениями российской молодёжи о ее ценностях и качестве;
- несмотря на неоднозначные данные социологических опросов о значимости высшего образования, современное состояние рынка труда свидетельствует о том, что получе-

ние высшего образования является одной из ведущих форм инвестирования в социальный капитал;

- трансформация представлений о востребованности высшего образования обуславливает необходимость проведения дальнейших социологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева П.М. Трансформация роли высшего образования в обществе: обобщение социальных процессов начала XII века // Современное педагогическое образование. 2023. № 8. С. 6–10.
2. Баркова А.С. Получение высшего образования и успех на рынке труда: современные российские реалии // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 1. С. 37–45.
3. Беляев С.А. Обесценивание престижа высшего образования как фактор снижения численности обучающихся на заочной форме обучения // БГЖ. 2021. № 1. С. 41–48.
4. Гаязов А.С. Новые условия развития и новые тенденции современного образования // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 1. С. 11–18.
5. Дзиов А.Р. Высшая школа как социальный институт производства. Монография. Москва: Акад. Естествознания, 2012. 239 с.
6. Касумова Г.А. Организация образовательного процесса в аграрном университете в условиях дистанционного и гибридного обучения на примере курса «Культура речи и делового общения» // АПК: инновационные технологии. 2020. № 4. С. 51–56.
7. Константиновский Д.Л. Среднее vs высшее // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 2. С. 6–26.
8. Конохова А.С. Об укреплении связи высшей школы с жизнью (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 1. С. 126–132.
9. Крюкен Г. Учить «Новым, новым предметам» // Социология образования. 2004. № 8. С. 16–17.
10. Мальцева В.А. Необходимый маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 1042.
11. Новодерова А.П. Обесценивание значимости высшего образования среди современной молодежи как педагогическая проблема // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 288–292.
12. Российское образование в контексте международных индикаторов — 2021: сравнительный анализ развития образования в России и странах ОЭСР. Монография. Москва: Дело, 2021. 58 с.
13. Сайт «ВЦИОМ». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring?clid=dd9d39dc> (дата обращения: 18.08.2024).
14. Сайт МКРУ Тюмень URL: <https://tumen.mk.ru/social/2023/11/09/v-tyumeni-zapustili-dva-ekspressmarshruta-2.html> (дата обращения: 26.10.2024).
15. Сайт «Работа.ру». URL: <https://press.rabota.ru/75-rabotodateley-obraschayut-vnimanie-na-nalichie>— (дата обращения: 18.05.2024).
16. Сайт «Росстат». URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 18.08.2024).
17. Сайт Тюменского индустриального университета. URL: <http://ddo.tyuiu.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/kalendaruyu-plan/> (дата обращения: 27.10.2024).
18. Chryssochoou X. & Barrett M. Civic and Political Engagement in Youth Findings and Prospects // Zeitschrift fur psychologiejournal of psychology. 2017. Vol. 400. Pp. 291–301.
19. Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. 2003. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis. // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 440. Pp. 341–379.

REFERENCES

1. Alekseeva P.M. *Transformaciya roli vy'sshego obrazovaniya v obshhestve: obobshhenie social'ny'x processov nachala XII veka* [Transformation of the role of higher education in Society: summarising the

- social processes of the early twelfth century] // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023. № 8. S. 6–10. (In Russian).
2. Barkova A.S. *Poluchenie vy'sshego obrazovaniya i uspek na ry`nke truda: sovremennyye rossijskie realii* [Obtaining Higher Education and Success in the Labor Market: Modern Russian Realities] // *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2024. № 1. S. 37–45. (In Russian).
 3. Belyaev S.A. *Obescenivanie prestizha vy'sshego obrazovaniya kak faktor snizheniya chislennosti obuchayushhixsya na zaochnoj forme obucheniya* [Impairment of the prestige of higher education as a factor in the decline in the number of part-time students] // *BGZh*. 2021. № 1 S. 41–48. (In Russian).
 4. Gayazov A.S. *Novyye usloviya razvitiya i novyye tendencii sovremennogo obrazovaniya* [New conditions of development and new trends in modern education] // *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 2010. № 1. S. 11–18. (In Russian).
 5. Dzirov A.R. *Vy'sshaya shkola kak social'nyj institut proizvodstva* [Higher school as a social institution of production]. Monografiya. Moskva: Akad. Estestvoznaniya, 2012. 239 s. (In Russian).
 6. Kasumova G.A. *Organizatsiya obrazovatel'nogo processa v agrarnom universitete v usloviyax distantsionnogo i gibridnogo obucheniya na primere kursa «Kul'tura rechi i delovogo obshheniya»* [Organization of the educational process in an agricultural university in the context of distance and hybrid learning using the example of the course "Culture of speech and business communication"] / G.A. Kasumova // *APK: innovatsionnyye tekhnologii*. 2020. № 4. S. 51–56. (In Russian).
 7. Konstantinovskij D.L. *Srednee vs vy'sshee* [Secondary vs higher education] // *Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya*. 2020. T. 29, № 2. S. 6–26. (In Russian).
 8. Konoxova A.S. *Ob ukreplenii svyazi vy'sshej shkoly s zhizn'yu (reforma sistemy vy'sshego obrazovaniya SSSR v 1958 g.)* [On strengthening the connection between higher education and life (reform of the higher education system of the USSR in 1958)] // *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2015. № 1. S. 126–132. (In Russian).
 9. Kryukov G. *Uchit' «Novyye, novyye predmetam»* [Teach «New, New Subjects»] // *Sociologiya obrazovaniya*. 2004. № 8 S. 16–17. (In Russian).
 10. Mal'ceva V. A. *Ne-obxodnoj manevr, ili Bum sprosa na srednee professional'noe obrazovanie v Rossii* [A Necessary Maneuver, or a Boom in Demand for Secondary Vocational Education in Russia] // *Voprosy obrazovaniya*. 2021. № 2. S. 1042. (In Russian).
 11. Novoderova A.P. *Obescenivanie znachimosti vy'sshego obrazovaniya sredi sovremennoj molodyozhi kak pedagogicheskaya problema* [Undervaluing the importance of higher education among today's youth as a pedagogical problem] // *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2023. T. 12, № 1. S. 288–292. (In Russian).
 12. *Rossiyskoe obrazovanie v kontekste mezhdunarodnykh indikatorov — 2021: cravnitel'nyj analiz razvitiya obrazovaniya v Rossii i stranax OE`SR* [Russian Education in the Context of International Indicators — 2021: Comparative Analysis of Education Development in Russia and OECD Countries]. Monografiya. Moskva, Delo, 2021. 58 s. (In Russian).
 13. *Sajt «VCIOM»*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring?clid=dd9d39dc> (data obrashheniya: 18.08.2024). (In Russian).
 14. *Sajt «MKRU. Tyumen»*. URL: <https://tumen.mk.ru/social/2023/11/09/v-tyumeni-zapustili-dva-ekspresmarshruta-2.html> (data obrashheniya: 26.10.2024). (In Russian).
 15. *Sajt «Rabota.ru»*. URL: <https://press.rabota.ru/75-rabotodateley-obraschayut-vnimanie-na-nalichie>— (data obrashheniya: 18.05.2024). (In Russian).
 16. *Sajt «Rosstat»*. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (data obrashheniya: 18.08.2024). (In Russian).
 17. *Sajt Tyumenskogo industrial'nogo universiteta*. URL: <http://ddo.tyuiu.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/kalendar-myy-plan/> (data obrashcheniya: 27.10.2024). (In Russian).
 18. Chryssochoou X. & Barrett M. *Civic and Political Engagement in Youth Findings and Prospects* // *Zeitschrift fur psychologiejournal of psychology*. 2017. Vol. 400. Pp. 291–301. (In English).
 19. Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. *The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis*. // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 440. Pp. 341–379. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.007

УДК 316.354

ББК 60.55-3

И.В. ЛЕГОСТАЕВА

**ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ
КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
УНИВЕРСИТЕТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

I.V. LEGOSTAEVA

**EVOLUTION OF METHODOLOGICAL
APPROACHES TO THE STUDY
OF UNIVERSITY CORPORATE CULTURE:
THEORETICAL REVIEW**

Категория «корпоративная культура» сегодня по праву считается междисциплинарной, а сам феномен активно изучается отечественными и зарубежными учеными. До середины XX века корпоративная культура находилась в фокусе внимания исследователей, сосредоточившихся исключительно на организациях экономического профиля и эмпирическим путем доказавших прямую корреляцию экономической эффективности и доминирующего типа корпоративной культуры организации. Фокус внимания смещается на рубеже XX-XXI вв., культурно-идеологическая и социально-экономическая трансформация общества порождает научный интерес к исследованию корпоративной культуры образовательных организаций через призму антропологического подхода. Современные университеты характеризуются динамичной корпоративной культурой, сущностное содержание которой становится объектом прагматического, феноменологического, семиотического, философского, функционального, подходов, признанных классическими. Появление инновационных с точки зрения выявления функционального потенциала корпоративной культуры подходов детерминирует необходимость их более глубокого изучения.

Цель авторского исследования заключается в теоретическом анализе и систематизации методологических подходов к изучению феномена корпоративной культуры университета в контексте их эволюционного развития.

Методологическая база исследования представлена общесоциологическими методами, ретроспективный анализ позволил выявить особенности трансформации категории «культура» в результате смены общественных формаций, культурная парадигма формировалась на основе господствующей в обществе идеологии и доминирующих групповых ценностей, от универсальной культуры труда до академической культуры классического университета. Эволюция теоретико-методологических подходов к изучению корпоративной культуры университета изложена в авторской интерпретации как последовательный, многоэтапный процесс: от предпосылок к появлению первых постулатов культуры до формирования альтернативных направлений прикладных исследований.

Обобщение теоретических положений по вопросам классификации и систематизации подходов к изучению корпоративной культуры университета детерминировало вывод о непротиворечивости классических и современных подходах, перманентно растущем интересе к введению антропологического, лингвистического, коммеморативного подходов к интерпретации культуры образовательных организаций.

Научная новизна исследования заключается в выявлении возможностей инновационных подходов в раскрытии социокультурного, эвристического потенциала корпоративной культуры современного университета.

Практическое значение представляет разработанная автором классификация подходов к исследованию корпоративной культуры, построенная по принципу комплементарности, позволяющая существенно расширить возможности использования функционала культуры образовательных учреждений.

The category of «corporate culture» today is rightfully considered interdisciplinary, and the phenomenon itself is actively studied by domestic and foreign scientists. Until the mid-20th century, corporate culture was the focus of attention of researchers who focused exclusively on economic organizations and empirically proved a direct correlation between economic efficiency and the dominant type of corporate culture of the organization. The focus of attention shifts at the turn of the 20th-21st centuries, the cultural-ideological and socio-economic transformation of society gives rise to scientific interest in the study of the corporate culture of educational organizations through the prism of an anthropological approach. Modern universities are characterized by a dynamic corporate culture, the essential content of which becomes the object of pragmatic, phenomenological, semiotic, philosophical, functional approaches recognized as classical. The emergence of innovative approaches from the point of view of identifying the functional potential of corporate culture determines the need for their deeper study.

The purpose of the author's research is to theoretically analyze and systematize methodological approaches to the study of the phenomenon of university corporate culture in the context of their evolutionary development. The methodological basis of the study is presented by general sociological methods; a retrospective analysis made it possible to identify the features of the transformation of the category "culture" as a result of changes in social formations; the cultural paradigm was formed on the basis of the dominant ideology in society and dominant group values, from the universal work culture to the academic culture of the classical university. The evolution of theoretical and methodological approaches to the study of university corporate culture is presented in the author's interpretation as a consistent, multi-stage process: from the prerequisites for the emergence of the first postulates of culture to the formation of alternative areas of applied research.

A generalization of theoretical positions on the classification and systematization of approaches to the study of corporate culture of a university determined the conclusion about the consistency of classical and modern approaches, a permanently growing interest in the introduction of anthropological, linguistic, commemorative approaches to the interpretation of the culture of educational organizations. Scientific novelty lies in identifying the possibilities of innovative approaches in revealing the sociocultural, heuristic potential of the corporate culture of a modern university.

The classification of approaches to the study of corporate culture developed by the author, based on the principle of complementarity, is of practical importance, allowing for a significant expansion of the possibilities for using the functionality of the culture of educational institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпоративная культура, университетская корпорация, методология исследования культуры, феноменологический подход, прагматический подход, культурная парадигма.

KEY WORDS: corporate culture, university corporation, culture research methodology, phenomenological approach, pragmatic approach, cultural paradigm.

ВВЕДЕНИЕ. На сегодняшний день дефиниция «корпоративная культура» получила широкое распространение в научной литературе, в корпоративных средствах массовой информации, обретая все новые концептуальные и коннотационные грани, однако, объектом социологических исследований корпоративная культура начала выступать лишь с середины 20 века. Безусловно, до официального появления рассматриваемого термина, подлежала анализу преимущественно культура субъектов экономического профиля с разных ракурсов: типа господствующей культуры, взаимосвязи культуры и доминирующих паттернов трудового поведения, особенностей психологического климата в организации и др.

Свой вклад в теоретико-методологические основы изучения корпоративной культуры внесли К. Гирц, Т. Парсонс, М. Альберт, М. Мескон, П. Друкер, А. Петтигрю, сосредоточившие свое внимание на взаимосвязи уровня конкурентоспособности организаций и доминирующих ценностных ориентаций, составляющих ядро культуры, и опытным путем доказавших свое инновационное на тот период видение ключевой роли корпоративной культуры в завоевании лидирующих позиций компании в отрасли и эффективном позиционировании [6].

Не остались в стороне и проводили свои теоретические изыскания в области культуры организации отечественные ученые, у истоков стоял руководитель Центрального института труда А.К. Гастев, основоположник идеи изучения культуры в рамках производственного процесса, ученый неоднократно подчеркивал, что «культура труда индивида не что иное, как условие формирования и развития культуры его производительности» [2].

Период с 1920-1990-е гг. характеризуется доминированием в научных кругах точки зрения, согласно которой корпоративная культура является категорией научной организации труда и рассматривается через призму советской идеологии, в научных трудах А. Алексеева, В. Ольшанского, С. Белановского все чаще появляются понятия «культура труда», «культура производства», эмпирические исследования посвящаются выявлению степени влияния на производственный процесс таких детерминант, как корпоративная идеология, психологический климат, коллективное влияние, лидерство [3].

В российской практике менеджмента категория «корпоративная культура» появляется в первой половине 1990-х гг., актуализируя исследовательский интерес и, как следствие, появление научных трудов по рассматриваемой тематике О.С. Виханского, А.И. Пригожина, В.А. Спивака, В.С. Щербины, Ю.П. Аверина, Т.О. Соломанидиной, В.А. Ядова и др. Последние десятилетия теоретико-методологическая база исследований корпоративной культуры значительно обогатилась различными направлениями: специфика корпоративной культуры организаций некоммерческого профиля, культуры университетских корпораций, особенности становления культуры государственных учреждений, возможности функционирования организаций с разными типами корпоративной культуры и др. Внимания заслуживают труды таких исследователей, как Л.В. Карташова, Т.В. Никонова, Т.Н. Персикова, М. Мазниченко, А.А. Рычкова, К.М. Ушаков, П.Н. Шихирева, Н.Н. Могутнова.

Идеологическая и социально-экономическая трансформация общества детерминировала интерес к исследованиям корпоративной культуры с точки зрения антропологического подхода, все чаще в фокусе внимания находятся субъекты, осуществляющие образовательную деятельность. Рубеж XX–XXI вв. знаменуется начальной стадией в изучении корпоративной культуры университетов, что в свою очередь формирует необходимость разработки и адаптации методологической базы [12, с. 107]. Обозначим основные факторы, детерминирующие актуальность изучения корпоративной культуры университета (рис. 1).

Следует отметить, что вектор развития корпоративной культуры университета, как показывает ретроспективный анализ научной литературы [4, 12] менял свое направление в зависимости от господ-

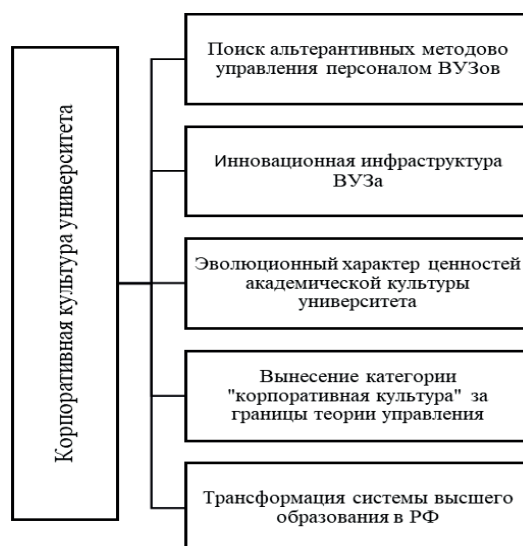

Рис. 1. Детерминанты актуальности изучения корпоративной культуры университета (составлено автором)

ствующей социально-экономической формации, в рамках которой можно проследить трансформационные сдвиги в доминирующих в обществе ценностных ориентациях и установках, в господствующей идеологии, в трудовых отношениях и преобладающей форме собственности. Сменяя одна другую, формация провоцирует новый виток развития производственных отношений, завязанных на культурных базисах общественного строя, создавая благоприятную среду для формирования корпоративной культуры. Характеристики культуры в рамках формационного подхода представлены на рисунке 2.

Существующие концепции корпоративной культуры, в том числе образовательных организаций, постоянно пополняются теоретическими и методологическими положениями различных направлений науки, что предопределяет инновации в подходах к сущностному пониманию и эмпирической составляющей в исследовании культуры организаций. Становится очевидной необходимость систематизации имеющихся и выявления диапазона возможностей новых подходов, что и обусловило научный интерес автора к рассматриваемой теме.

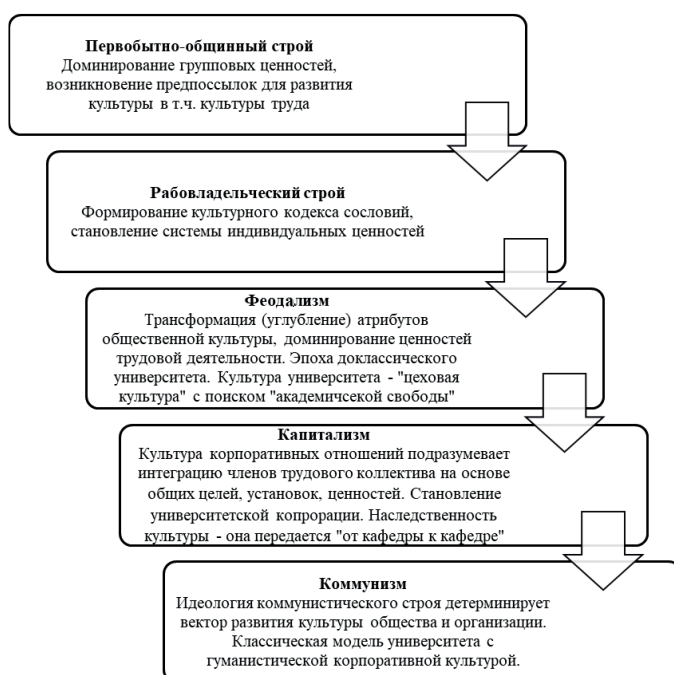

Рис. 2. Трансформация культуры в результате смены формаций

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в теоретическом анализе и систематизации методологических подходов к изучению феномена корпоративной культуры университета в контексте их эволюционного развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Объект исследования представлен материалами теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов, касающихся вопросов особенностей практического применения и классификации классических и обладающих научной новизной методологических подходов к изучению феномена корпоративной культуры университета. Методологическая база исследования включает общесоциологические теоретические методы, в том числе метод ретроспективного анализа, обобщение теоретических положений, системный метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Анализ теоретико-методологических источников позволяет констатировать доминирующее влияние классических подходов к изу-

чению корпоративной культуры университета, среди них можно выделить: функциональный, интерпретационный, ценностно-нормативный, прагматический, психологический. Представители функционального подхода (Э. Шейн, Л. Смирнич, А. Рэдклиф-Браун) представляют корпоративную культуру совокупностью взаимосвязанных уровней и элементов, каждый из которых подлежит исследованию. Функционирование культуры, как живого организма, обеспечивается реализацией ее базовых функций: социокультурной, аксиологической, коммуникативной, образовательной.

Интерпретационный подход, получивший широкое распространение в конце 90-х начале 2000-х гг. в Америке, характеризует университетскую корпорацию с позиции трех возможных перспектив в отношении сложившейся практики корпоративной культуры: интегрированной (объединение существующих субкультур в одну доминирующую), равноуровневой (преобладание влияния субкультур) и фрагментарной (отсутствие выраженного доминирующего типа культуры); базируется на культурном плюрализме и множественной интерпретации культурных проявлений в современном университете [15]. Исследования корпоративной культуры, в основу которых положен философско-мировоззренческий подход, включают оценку таких категорий, как «корпоративная этика», «аксиологические ориентации», «творческий потенциал работника», «социальные практики, преобразующие корпоративную среду», модификаций данного подхода является аксиологический. Современные исследователи нередко прибегают к синтезу двух обозначенных подходов в исследовании корпоративной культуры университетских корпораций [10]. Ценностно-нормативный подход (А. Кромби, Л. Элдридж) следует рассматривать с позиции концентрации внимания исследователя на выявлении каузальной связи между преобладающими в педагогических и студенческих сообществах инструментальными ценностями и декларируемых в нормативных актах (Корпоративный Кодекс, Кодекс этики) ценностными установками, формирующимися на их основе поведенческими паттернами [7, с. 132]. Ценностные стратегии члена педагогического или студенческого сообщества зачастую вынужденно ассимилируют и постепенно интегрируются в корпоративную среду университета, декларируемые ценности которой условно преобладают в устоявшейся культурной парадигме.

Психологический подход к изучению корпоративной культуры (Н. Аллен, В. Флетчер, Ф. Джонс, Т.Ю. Базаров) строится на пристальном внимании к социально-психологическим особенностям образовательной деятельности, психологическим характеристикам и климату образовательной среды (процесса), проводятся параллели выше обозначенных параметров с достижением профессиональных результатов и карьерным ростом. Основоположники подхода подчеркивают дуализм в воздействии корпоративной культуры на организационное поведение и влияние человеческого фактора на трансформацию сложившейся с течением времени культуры [8, с. 17]. Посредством психологических механизмов, процесс интериоризации нормативно-правовых элементов корпоративной культуры университета протекает в восприятии членов коллектива непринужденно, экстериоризация индивидуальных культурных проявлений, мировоззренческих аспектов, личностных убеждений отражается в преобладающем, как правило, в рамках определенных типов и видов субкультуры (структурные подразделения университета, кафедры, профессорско-преподавательские сообщества, студенческие группы).

Доминирующий на сегодняшний день в научных исследованиях феномена корпоративной культуры подход — прагматический, получивший свое развитие в трудах как зарубежных авторов: К. Шольц, Т. Питерс, М. Армстронг, Э. Браун, М. Алвессон, Р.Э. Куинн, А. Фурнхам, так и представителей отечественной школы — В.А. Спивак, М. Макаrenchенко, А.И. Наумов, М. Козлов, Э. Капитонова, О.С. Виханский. Прагматический подход характеризуется восприятием корпоративной культуры в качестве базисного атрибута университетской корпорации, динамическая природа которого приводит к трансформации отдельных элементов культуры с течением времени. Последователи концепции в своих научных трудах доказали тезис о возможности управления и корректировки корпоративной культуры, направлении стратегии ее реализации по пути достижения максимальной эффективности деятельности организации.

Вариативность прагматического подхода проявляется при попытке исследователей определить детерминанты доминирующего в организации типа корпоративной культуры. Ю. Одегов, В. Томилов, В. Сате, Г. Морган в качестве детерминант формирования культуры выделяют базовые ценности (статичный характер) и ценностные представления (динамичный, ситуативный характер), органично встраиваемые в культурное ядро университета. Р. Карпов, Б. Карлофф, П. Штерн культурной доминантой считают корпоративный климат, имеющий характерные социокультурные признаки как для педагогического, так и для студенческого сообществ, и его производную — корпоративный этикет. Нормы корпоративного этикета закрепляются в Корпоративном Кодексе университета, в Этическом кодексе студентов, в Правилах взаимодействия со стейкхолдерами, могут формироваться стихийно и не иметь формального закрепления, что характерно для межличностной коммуникации представителей студенческого сообщества.

Альтернативой прагматическому подходу выступает феноменологический подход, аккумулирующий постулат статичности корпоративной культуры университета и восприятие культуры как качественного фундамента; исходящий из органической природы корпоративной культуры, составляющей квинтэссенцию университетской корпорации. Приверженцы данного подхода (Э. Джакус, П. Бергер, Т. Лукман, Э.Д. Сильверман, М. Луи, О. Родин) сформулировали его концептуальную основу, как аксиому «корпоративная культура — социальная реальность, насыщенная поведенческими паттернами, продуцируемыми индивидами, — идеологическими носителями принципов, языка, творческого потенциала». В рассматриваемом контексте прямое управление культурой современного университета представляется затруднительным так как она сама является детерминантной стиля лидерства и доминирующих направлений менеджмента. Опосредованное влияние на носителей культуры представляется продолжительным, трудоемким процессом, аккумулирующим ментальную сферу личности, требующим синергетического подхода и введении мифотворчества в коммуникационную стратегию.

Рассмотренные методологические подходы целесообразно отнести к группе макро-социологических, позволяющих посредством качественного и количественного инструментария провести комплексную оценку корпоративной культуры университета, сущностное содержание рассматриваемых концепций можно характеризовать как взаимодополняющее (рис. 3).

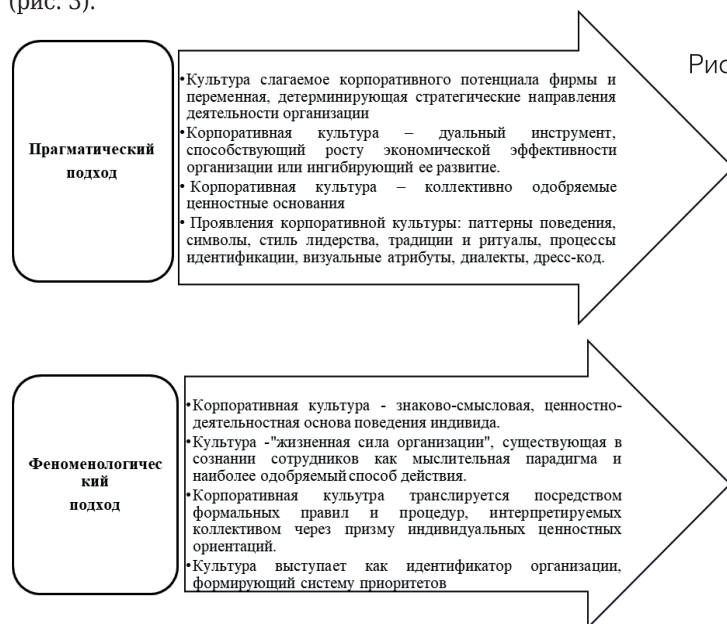

Рис. 3. Основные смысловые доминанты прагматического и феноменологического подходов к изучению корпоративной культуры (составлено автором).

Современный, наделенный новаторским видением подход — лингвистический, в его основе лежит предположение о наличии уникальной языковой среды и языковой коммуникации, свойственной отдельному учебному заведению. Такие авторы, как Ю.В. Данюшина, К.В. Ахраменко, Н.Н. Трошина, Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова, и др., подкрепляя полученные эмпирические данные базовыми теориями психолингвистов (Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, А.А. Леонтьев) констатируют, что корпоративная культура детерминирует языковое сознание членов университетской корпорации, наделяя используемую систему языковых средств дополнительным смыслом. Исследуя корпоративную культуру университета с позиции лингвистики, мы можем провести параллели с семиотическим подходом (Э.Н. Севумян, А.А. Селютин, Т.И. Романюк), указав на неоспоримое преимущество, а именно возможность выявления коммуникативных барьеров и специфических параметров существующих субкультур (иностранцы обучающиеся, студенты, участвующие в программах по обмену) [11, с. 61–64].

Практический интерес представляет классификация подходов к исследованию корпоративной культуры, построенная по принципу комплементарности. Социально-психологический подход акцентирует внимание исследователя на внутриорганизационных коммуникациях (способы, средства, алгоритмы выстраивания обратной связи, наиболее часто используемые в университетской корпорации между структурными подразделениями) и детерминантах поведенческой мотивации (механизмы формирования потребностей, гедонистические паттерны). Культурологический подход во главу угла ставит социокультурную среду университета, рассматривая ее, как базовый элемент корпоративной культуры, динамическую, саморазвивающуюся систему, включающую психологический климат, корпоративную идеологию, сообщества и объединения социокультурного характера, педагогические технологии и др. [9, с. 88]. Социально-управленческий подход интерпретирует корпоративную культуру университета через призму человеческого фактора (формирование корпоративной идентичности и лояльности педагогического и студенческого сообщества, приращение человеческого и интеллектуального капитала), характеризуя ее в качестве инструмента, регулирующего направления университетского менеджмента. Основные методологические положения подхода целесообразно рассматривать посредством выявления особенностей формирования корпоративной культуры организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

В основу некоторых методологических подходов к изучению корпоративной культуры университета положены дифференцированные способы синтеза знаний. Типологизация корпоративной культуры — идентификационный признак универсалистского подхода, декларирующего идентичность основных параметров культуры для организаций одного профиля деятельности. Наиболее распространенный вариант инструментария для проведения исследований: диагностическая методика (ОСР), опросники (Хенди и ОСИ). Стандартизированные опросники позволяют выявить корреляционную зависимость параметров культуры структурных подразделений (институтов, кафедр) университетской корпорации, при этом нивелируя признак уникальности корпоративной культуры, контекст ее формирования [1, с. 90]. Исключает из своего тезауруса стандартизированность и типизацию при исследовании корпоративной культуры идиосинкразический подход, декларирующий идею многомерности и многоаспектности культуры университета.

Эволюцию теоретико-методологических оснований изучения корпоративной культуры организации можно условно разделить на три этапа, характеристики которых представлены на рис. 4 [2, 13, 14].

Особого внимания заслуживает коммеморативный подход, его реализация в корпоративной культуре университета на сегодняшний день является малоизученным вопросом, однако, процесс институализации высших учебных заведений детерминирован коллективной памятью, процесс идентификации членов педагогического и студенческого сообществ тесно связан с восприятием корпоративной символики и атрибутики, процесс формирования

имиджевых характеристик (для внутренней аудитории и внешней — стейкхолдеров) строится на разработке корпоративной айдентики (сувенирная продукция, логотип) [5, с. 151].

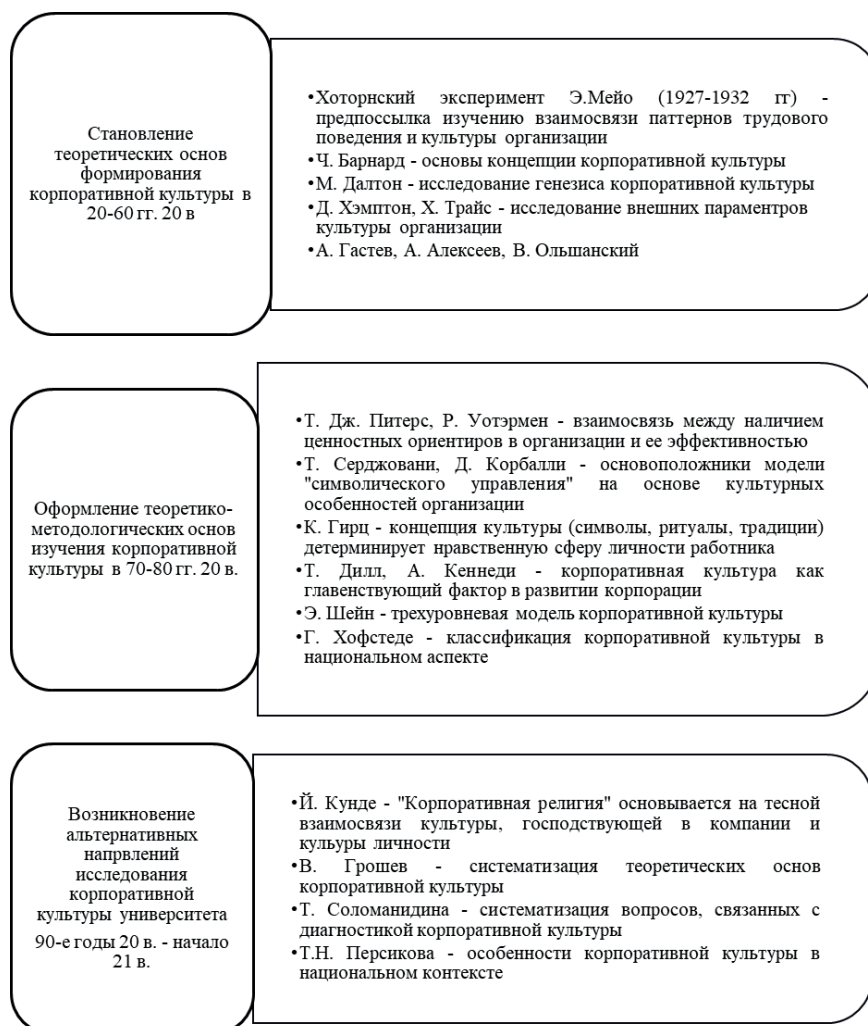

Рис. 4. Эволюция теоретико-методологических оснований изучения корпоративной культуры (составлено автором)

Целенаправленное формирование коммеморативного пространства университета обеспечивает преемственность традиций академической культуры, возрождение университетских ценностей, поддерживает оптимальный баланс «старого» и «нового» в транслировании образовательных приоритетов на широкую аудиторию. Галереи славы, памятные места, музейные комплексы, корпоративные издания, корпоративный сторителлинг, мемориальные лаборатории, все эти составляющие коммеморативных практик сегодня в разных вариациях присутствуют в стенах российских университетов. Таким образом, исследование корпоративной культуры с позиции коммеморативных практик позволит существенно расширить возможности использования функционала культуры образовательных учреждений.

ВЫВОДЫ. Проведенный теоретический анализ методологических подходов к изучению корпоративной культуры университета позволил сделать ряд выводов. Во-первых, актуальность вопросов, связанных с теоретико-методологическими аспектами корпоративной

культуры субъектов образовательной деятельности, детерминирована рядом факторов: трансформацией системы высшего образования в РФ, вытеснением категории «корпоративная культура» за рамки теории управления, инновационным характером инфраструктуры современного университета, поиском альтернативных методов управления персоналом организаций высшего образования, эволюционным характером ценностей академической культуры университета.

Во-вторых, парадигма корпоративной культуры университетской организации складывалась на основе экономических, социальных, культурных, ценностных результатов смены общественных формаций, что нашло непосредственное отражение в теоретических подходах к пониманию феномена корпоративной культуры: от восприятия в качестве «инструмента достижения экономической эффективности» до «аксиологической основы жизнедеятельности организации».

В-третьих, рассмотренные классические подходы к изучению корпоративной культуры университета (прагматический, феноменологический и их вариации) не теряют научной значимости, их качественный и количественный инструментарий перманентно вводится в практику верификации дифференцированных проявлений корпоративной культуры (динамика изменения корпоративной культуры университета, регулирование поведенческих паттернов, усиление идентификационной составляющей, использование корпоративной атрибутики для формирования имиджевых характеристик университета, реализация технологий сторителлинга и коммеморативных практик и пр.).

В-четвертых, необходимо отметить, что последнее десятилетие актуализировался научный интерес к методологическим подходам, сущностным ядром которых выступает антропологический критерий. Научная новизна исследования заключается в подтверждении гипотезы о невозможности изучения корпоративной культуры университета без ее носителя (студенческое и преподавательское сообщества, административно-управленческий персонал вуза) и выявлении доминирующей роли антропологического, лингвистического, коммеморативного подходов в теоретическом и методологическом обогащении базы исследования, необходимости их дальнейшей апробации, что позволит раскрыть инновационный, социокультурный, эвристический потенциал корпоративной культуры современного университета.

Подводя итог проведенному исследованию, целесообразно отметить, что авторская позиция по вопросу наиболее приемлемых для развития корпоративной культуры университета в современных условиях подходов, заключается в рекомендации акцентировать внимание на ценностно-ориентированном подходе, который позволит актуализировать аксиологические компоненты личности как обучающихся, так и членов профессорско-преподавательского состава; лингвистическом подходе, способствующем качественной интерпретации восприятия корпоративной культуры университетской корпорации как светского заведения, в стенах которого обучаются представители разных стран. Наряду с выделенными, коммеморативный подход заслуживает особого статуса, как способ развития корпоративной сферы университетов через призму сохранения культурного наследия и культурного кода образовательных организаций высшего уровня.

Практический интерес представляет классификация подходов к исследованию корпоративной культуры, построенная по принципу комплементарности и выявление особенности дифференцированных подходов, лежащих в основе изучения корпоративной культуры университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархатова В.В. Методологические подходы к исследованию организационной культуры // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 89-91.
2. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда / А.К. Гастев; под ред. Н.М. Бахрах. — 3-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2011. 480 с.

3. Корпоративная культура. Проблемы и тенденции развития в мире и в России / отв. ред. Н.И. Дряхлов. — М.: Наука, 2011. 507 с.
4. Кукушкин С.Н. Эволюция модели организации в общественно-экономических формациях // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № (4). С. 3–18.
5. Ландина Л.В. Коммеморативные практики в корпоративной культуре УВО: (на примере БГУКИ) // Культура. Наука. Творчество: XVI Международная научно-практическая конференция (Минск, 12 мая 2022 г.): сборник научных статей / Белорусский государственный университет культуры и искусств, Белорусская государственная академия музыки, Белорусская государственная академия искусств; [редкол.: Н.В. Карчевская и др.]. Минск, 2022. Вып. 16. С. 150–154.
6. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. — М.: Дело, 1992. 702 с.
7. Могутнова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 130–136.
8. Перекрестова В.А., Фурсова П.В. Корпоративная культура и ее роль в жизни организации // Человек. Социум. Общество. 2020. № 8. С. 15–21.
9. Петров А.В., Карасева, К.С. Основные теоретические подходы к исследованию современной корпоративной культуры труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2. С. 86–92.
10. Равочкин Н.Н., Григашкина С.И. Философские основания корпоративной культуры современных организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 124–135.
11. Севумян Э.Н. Понятия «корпоративная культура» и «организационная культура»: социально-философский анализ // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being, 2017. Vol. 6. Is. 5A. С. 61–68.
12. Юрина Е.А., Гулиус Н.С. Трансформация корпоративной культуры университета: социологические и лингвистические методы диагностики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 21 (2). С. 106–121.
13. Barnard C.I. The Functions of the Executive. Harvard University Press: Cambridge, MA, 1938. 376 p.
14. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov. McGraw-Hill, 2010. 576 p.
15. Martin J. Culture in Organization. Three perspectives. Oxford University Press. New York, 1996. 244 p.

REFERENCES

1. Barhatova V.V. *Metodologicheskie podhody k issledovaniyu organizacionnoj kul'tury* [Methodological approaches to the study of organizational culture] // Molodoj uchenyj. 2020. № 21 (311). S. 89–91. (In Russian).
2. Gast K. *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda* [How to work: A practical introduction to the science of labor organization] / A.K. Gastev; pod red. N.M. Bahrah. — 3-e izd. — М.: Editorial URSS, 2011. 480 s. (In Russian).
3. *Korporativnaya kul'tura. Problemy i tendencii razvitiya v mire i v Rossii* [Corporate culture. Problems and development trends in the world and in Russia] / отв. ред. Н.И. Дряхлов. — М.: Наука, 2011. 507 s. (In Russian).
4. Kukushkin S.N. *Evolyuciya modeli organizacii v obshchestvenno-ekonomicheskikh formacijah* [Evolution of the organization model in socio-economic formations] // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2018. № (4). S. 3–18. (In Russian).
5. Landina L.V. *Kommemorativnye praktiki v korporativnoj kul'ture uvo: (na primere BGUKI)* [Commemorative practices in the corporate culture of UVO: (on the example of BGUKI)] // Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Minsk, 12 maya 2022 g.): sbornik nauchnyh statej / Belorusskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv, Belorusskaya gosudarstvennaya akademiya muzyki, Belorusskaya gosudarstvennaya akademiya iskusstv; [redkol.: N.V. Karchevskaya i dr.]. Minsk, 2022. Vyp. 16. S. 150–154. (In Russian).

6. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management] / M. Meskon, M. Al'bert, F. Hedouri. — M.: Delo, 1992. 702 s. (In Russian).
7. Mogutnova N.N. *Korporativnaya kul'tura: ponyatie, podhody* [Corporate culture: concept, approaches] // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. № 4. S. 130–136. (In Russian).
8. Perekrestova V.A., Fursova P.V. *Korporativnaya kul'tura i ee rol' v zhizni organizacii* [Corporate culture and its role in the life of the organization] // Chelovek. Socium. Obshchestvo. 2020. № 8. S. 15–21. (In Russian).
9. Petrov A.V., Karaseva K.S. *Osnovnye teoreticheskie podhody k issledovaniyu sovremennoj korporativnoj kul'tury truda* [Basic theoretical approaches to the study of modern corporate work culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2015. № 2. S. 86–92. (In Russian).
10. Ravochkin N.N., Grigashkina S.I. *Filosofskie osnovaniya korporativnoj kul'tury sovremennykh organizacij* [Philosophical foundations of corporate culture of modern organizations] // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2022. № 3 (35). S. 124–135. (In Russian).
11. Sevumyan E.N. *Ponyatiya «korporativnaya kul'tura» i «organizacionnaya kul'tura»: social'no-filosofskij analiz* [The concepts of «corporate culture» and «organizational culture»: socio-philosophical analysis] // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being, 2017. Vol. 6. Is. 5A. S. 61–68. (In Russian).
12. Yurina E.A., Gulius N.S. *Transformaciya korporativnoj kul'tury universiteta: sociologicheskie i lingvisticheskie metody diagnostiki* [Transformation of the university corporate culture: sociological and linguistic diagnostic methods] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. № 21 (2). S. 106–121. (In Russian).
13. Barnard C.I. *The Functions of the Executive*. Harvard University Press: Cambridge, MA, 1938. 376 p. (In English).
14. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov. McGraw-Hill, 2010. 576 p. (In English).
15. Martin J. *Culture in Organization: Three perspectives*. Oxford University Press. New York, 1996. 244 p. (In English).

4. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

4. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.001

УДК 316.74:373:001.89

ББК 60.561.9в64

П.А. АМБАРОВА,
С.С. ЛЕНКО

УПРАВЛЕНИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВОМ
В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

P.A. AMBAROVA,
S.S. LENKO

MEDIA SPACE MANAGEMENT
IN THE MUNICIPAL PRESCHOOL
EDUCATION SYSTEM

Актуальность исследования медиапространства дошкольного образования обусловлена необходимостью выявления возможностей управления им. Медиапространство рассматривается как «территория», на которой происходит согласование интересов субъектов дошкольного образования — органов местного самоуправления, дошкольных учреждений, родителей, государственных и некоммерческих организаций, с ними взаимодействующих. Проблема исследования заключается в том, что это медиапространство может стать конфликтогенным в том случае, если у его субъектов отсутствуют сформированные медиакомпетенции и понимание «законов» его функционирования. Цель статьи заключается в выявлении проблем управления медиапространством в муниципальной образовании. Ключевые вопросы: трактовка понятия и структуры медиапространства дошкольного образования; характеристика медиапространства дошкольного образования г. Лысьвы Пермского края; оценка барьеров управления медиапространством дошкольного образования. Эмпирическая база статьи — исследование, проведенное в 2022–2023 гг. методами анализа документов и полуструктурированного интервью. Элементами медиапространства дошкольного образования предложено рассматривать СМИ, интернет-форумы, социальные сети, чаты мессенджеров, сайты управления образованием и дошкольных учреждений. В качестве проблем управления медиапространством выделены: низкий уровень медиакомпетенций сотрудников органов власти и детских садов, отвечающих за сайты и паблики; невнимание к проблемам дошкольного образования в СМИ, сосредоточение интерактивного взаимодействия с родителями исключительно во фрагментированном пространстве мессенджеров. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов для выработки эффективной медиаполитики в системе дошкольного образования.

The relevance of the study of the media space of preschool education is due to the need to identify the possibilities of its management. The media space is considered as a “territory” where the interests of subjects of preschool education (local governments, preschool organizations, parents, government and non-profit organizations) coordinate. The problem of the study lies in the fact that this media space can become conflictogenic if its subjects lack well-formed media competencies and an understanding of the “laws” of its functioning. The purpose of the article is to identify the problems of media space management in a municipality. Key issues: interpretation of the concept and structure of the media space of preschool education; characteristics of the media space of preschool education in Lysva, Perm Region; assessment of barriers to managing the media space of preschool education. The empirical basis of the article is a study conducted in 2022–2023 using methods of

document analysis and semi-structured interviews. It is proposed to consider the media, Internet forums, social networks, chats of messengers, web-sites of education management and preschool institutions as elements of the media space of preschool education. The following problems of media space management are highlighted: the low level of media competence of government staff and kindergartens responsible for websites and public; inattention to the problems of preschool education in media, the concentration of interactive interaction with parents exclusively in the fragmented space of messengers. The practical significance of the study lies in the possibility of using results to develop an effective media policy in the preschool education system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиапространство, система дошкольного образования, управление медиапространством, паблики, мессенджеры, сайты, медиакомпетенции

KEY WORDS: media space, preschool education system, media space management, public, messengers, websites, media companies

ВВЕДЕНИЕ. Современная система образования вместе с активным освоением информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) интенсивно «присваивает» и формирует медиапространство. Этот процесс охватил не только уровень высшего, среднего профессионального, но и школьного и дошкольного образования. При этом система дошкольного образования делает это медленнее других. В то же время дошкольные образовательные учреждения (ДОУ), а также органы управления ими подпадают под законы, предписывающие внедрение ИКТ в различные направления их деятельности, а в последние годы — ведение официальных пабликов в социальных сетях. Родители воспитанников ДОУ, как и другие группы российских родителей, наращивают свою активность, субъектность, в том числе посредством медиакоммуникаций. Кроме того, к дошкольному образованию стали проявлять интерес различные государственные организации (школы, центры дополнительного образования для детей, музеи, библиотеки) и социально ориентированные НКО. Таким образом, медиапространство становится площадкой, где встречаются интересы самых разных субъектов дошкольного образования. Здесь не только они артикулируются, но и согласовываются или входят в конфликт.

Медиапространство живет по собственным законам, согласно которым оно формируется и развивается относительно независимо от системы управления. Дошкольное образование выступает объектом для системы местного самоуправления, соответственно, и медиапространство попадает в фокус его внимания, но с трудом регулируется в определенных своих сегментах. Кроме того, у сотрудников органов местного самоуправления и ДОУ, в функционал которых входит ведение сайтов и социальных сетей, не всегда достаточно временных и компетентностных ресурсов для качественного регулирования медиапространства. Даже крупные муниципалитеты не всегда могут позволить себе ставки для специалистов, специализирующихся на поддержке и продвижении сайтов и пабликов. Тем более не могут это сделать небольшие города и поселки, тем не менее имеющие развитую сеть ДОУ.

Описанная проблема определила **ЦЕЛЬ** исследования — выявить основные проблемы и возможности управления медиапространством в муниципальном образовании. Логика и структура статьи образована рассмотрением трех вопросов. Прежде всего, мы остановимся на теоретической трактовке понятия и структуры медиапространства дошкольного образования. Далее рассмотрим характеристику медиапространства дошкольного образования конкретного муниципалитета — г. Лысьвы Пермского края, являющегося примером типичного небольшого российского города. И, наконец, представим оценку барьеров управления медиапространством дошкольного образования.

Новизна исследования связана, во-первых, с изучением проблем управления медиапространством системы дошкольного образования — на теоретическом и эмпирическом уровне. Данный вопрос мало разработан в социологии коммуникаций и социологии управления. Во-вторых, новизна заключается в авторской трактовке понятия «управление медиапространством

дошкольного образования» и предложенной структуре его элементов и субъектов. В-третьих, определенный вклад в развитие научного знания об управлении медиапространством вносит изучение кейса одного из российских городов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Эмпирическую основу статьи образуют результаты исследования, проведенного в течение 2022–2023 гг. в муниципальном образовании «Лысьвенский городской округ». Объектом исследования выступило медиапространство системы дошкольного образования г. Лысьва Пермского края. Предметом исследования — муниципальные практики управления медиапространством в системе дошкольного образования.

В ходе исследования были применены методы анализа документов и полуструктурированного интервью. Метод анализа документов использовался в двух вариантах. Первый — традиционный анализ документов, в качестве которых выступил контент сайтов Управления образования администрации и ДООУ г. Лысьвы, а также нормативно-правовые акты, регулирующие медиадетальность органов власти и государственных образовательных учреждений. Второй — метод контент-анализа, с помощью которого анализировался контент местных СМИ, пабликов, мессенджеров, форумов как элементов медиапространства дошкольного образования города.

Метод полуструктурированного интервью решал такие исследовательские задачи, как: 1) выявление наличия/дефицита специалистов по ведению пабликов и сайта; 2) определение наличия/дефицита у них необходимых компетенций (информационно-коммуникативных; цифровых; технических; правовых); 3) выявление мнения о качестве официальных страниц в социальных сетях; 4) идентификация проблем специалистов, ведущих официальные страницы и способов, которыми они решают данные проблемы. В качестве информантов (n=10) выступили представители администрации и ДООУ г. Лысьва, в чьи полномочия входят вопросы ведения сайтов, пабликов, чатов в мессенджерах.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Большая часть научной литературы по теме нашего исследования посвящена применению ИКТ и цифровых технологий в сфере образования [11; 13]. Они указывают на технологический прогресс, который способствует не только формированию потребности в наполнении процесса управления образовательной организацией новыми ИКТ, но и овладению их руководителями новыми компетенциями для реализации управленческой деятельности на высоком уровне. В работе И.А. Пфаненштиль и М.П. Яценко определены перспективные направления развития управления современной системой образования с помощью офисных прикладных программ и ИКТ [12].

Немногочисленная группа работ рассматривает проблемы новых технологий, затрагивая и вопросы медиапотребления и медиакоммуникаций, в сфере дошкольного образования. Так, И.Ф. Ключникова анализирует развитие ДООУ через новые подходы в управлении, в том числе с использованием новейших технологий. Такое управление, по ее мнению, подразумевает реализацию процессов принятия решения в нестандартных ситуациях [3]. А авторы монографии «Цифровые технологии в дошкольном образовании» освещают различные аспекты внедрения цифровых технологий в дошкольное образование, выделяя основные их преимущества и недостатки [5]. В данной работе проанализированы результативность и эффективность использования новых коммуникационных и информационных инструментов.

Достаточно хорошо проработаны исследователями различные аспекты взаимодействия в медиапространстве. Так, В.А. Хворова рассматривает особенности взаимодействия в современной медиасреде, ориентированной на молодежную аудиторию [16]. Автор обращает внимание на важность правильной конструкции отношений между коммуникаторами и адресатами в процессе передачи информации. Н.М. Толкова рассматривает возможности коммуникаций в интернет-среде между сотрудниками и родителями воспитанников ДООУ [15]. В целом вопрос взаимодействия ДООУ и родителей разработан лучше, чем взаимодействие между органами власти, иными организациями, родителями, родительскими сообществами. Первому аспекту посвящены работы Л.В. Красильниковой с соавторами, Л.В. Сардак и А.А. Софронова, И.О. Шевченко и др. [4; 14; 17]. Второй раскрывается только в контексте взаимодействия

органов власти с организациями и институтами гражданского общества в целом, без привязки к системе образования [7].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Понятие и структура медиапространства дошкольного образования

Понятием, которое отражает и процессы информационной открытости, и взаимодействия различных социальных субъектов в информационной среде, выступает «медиапространство». Г. Молокоедова определяет его как пространство, создаваемое электронными средствами коммуникации — телевидением и интернетом. По ее мнению, медиапространство в его качественности и функциональности характеризует климат общества, идеологию и политику государства, спрос и предложение производства услуг, свойственных уровню развития культуры страны и мировой цивилизации [6]. В свою очередь, И.М. Дзялошинский предлагает понимать медиапространство как «виртуальный информационно-коммуникационный универсум с условными границами, создаваемыми участниками медиапроцессов, отношения между которыми и определяют метрику медиапространства» [1, с. 320].

В результате анализа разных подходов к определению понятия медиапространства мы пришли к выводу о том, что под медиапространством дошкольного образования мы будем понимать пространство, создаваемое электронными средствами коммуникации, в котором дошкольные организации взаимодействуют между собой, с родителями, родственниками, органами власти и другими субъектами образования и местного сообщества посредством сети Интернет, с целью повышения уровня развития дошкольной организации, открытости, взаимного понимания и учета интересов.

1. Внешний контур медиапространства в системе дошкольного образования включает в себя субъектов, находящихся вне дошкольных учреждений, но оказывающих влияние на образовательный процесс и предоставляющих доступ к своим ресурсам и информации. К ним относятся:
2. СМИ (телевизионные и радиостанции, которые освещают вопросы дошкольного образования).
3. Владельцы интернет-порталов и блогов, специализирующихся на тематике дошкольного образования.
4. Сетевые сообщества (родительские сообщества и форумы, где обмениваются опытом и информацией о дошкольном образовании; профессиональные сообщества педагогов и специалистов в области дошкольного образования).
5. Некоммерческие организации, которые занимаются развитием и поддержкой дошкольного образования.
6. Центры и лаборатории, проводящие исследования в области дошкольного образования.
7. Школы.
8. Учреждения культуры (библиотеки, музеи).
9. Местные сообщества.

Внутренний контур медиапространства в системе дошкольного образования включает в себя субъектов, которые находятся внутри дошкольных учреждений и активно взаимодействуют друг с другом. К ним относятся:

1. Органы управления образования (отдел образования города/района, исполнительный орган власти в сфере образования региона; Министерство просвещения).
3. Эксперты и консультанты в области дошкольного образования.
4. Сотрудники ДОО (директор, его заместители, педагоги, методисты, воспитатели, психологи, логопеды).
5. Родители и иные представители воспитанников.

Каждый из этих субъектов играет свою роль в медиапространстве дошкольного образования. Например, управление образования разрабатывает политику в данной области. Администрация ДОО осуществляет организационную работу и управление медиаресурсами учреждения.

Родители принимают активное участие в решении вопросов, касающихся образования детей, посредством инструментов медиасреды. Педагоги являются ключевыми посредниками между родителями и иными субъектами медиасреды. Внешние субъекты предоставляют доступ к информации и ресурсам, которые могут быть полезными для дошкольных учреждений. Например, телевизионные и радиостанции могут освещать вопросы дошкольного образования, предоставляя информацию о новых методиках и подходах. Интернет-порталы и блогеры, специализирующиеся на тематике дошкольного образования, могут делиться своим опытом и рекомендациями. Сообщества, такие как родительские сообщества и форумы, могут стать площадкой для обмена опытом и информацией о дошкольном образовании между родителями.

Профессиональные сообщества педагогов и специалистов в области дошкольного образования могут проводить семинары, конференции и другие мероприятия, на которых обсуждаются актуальные вопросы и делится опытом. Некоммерческие организации могут заниматься разработкой и реализацией медиапрограмм и медиапроектов, направленных на развитие и поддержку дошкольного образования. Центры и лаборатории, проводящие исследования в области дошкольного образования, предоставляют медиасреде результаты своих исследований для использования в практике дошкольных учреждений. Школы, особенно начальные классы, могут сотрудничать с дошкольными учреждениями в рамках процесса подготовки перехода детей из дошкольного образования в начальную школу. Это может включать обмен информацией о детях, совместное планирование и проведение мероприятий, а также обсуждение методик и подходов к обучению. Взаимодействие всех этих субъектов в медиaprостранстве дошкольного образования позволяет создать информационную среду, в которой происходит обмен знаниями, опытом и идеями в области дошкольного образования.

Элементы и субъекты медиaprостранства дошкольного образования представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Элементы и субъекты медиaprостранства в системе дошкольного образования

Основываясь на классическом определении управления, мы трактуем *управление медиaprостранством* как процесс планирования, организации и контроля информационного пространства, в котором орган власти или подведомственные ему организации взаимодействуют с целевыми аудиториями в социальных сетях, на сайтах и других медиа-платформах. Он включает в себя выбор контента, его создание и распространение, а также взаимодействие с аудиторией и контроль качества информации. Всем медиaprостранством невозможно управлять полностью. К неуправляемым элементам относятся мессенджеры.

Управление медиaprостранством направлено на укрепление имиджа органа власти или государственной организации, повышение уровня доверия к ним со стороны граждан и эффективное использование медиаресурсов для достижения поставленных целей.

На основе приведенной трактовки мы можем дать определение понятия «управление медиaprостранством в системе дошкольного образования». Под ним мы будем понимать *процесс планирования, организации и контроля информационного пространства, в котором органы*

управления системой дошкольного образования и дошкольные образовательные учреждения представлены в социальных сетях, на сайтах и других медиа-платформах и взаимодействуют со своими целевыми аудиториями.

Объектом управления является медиапространство в системе дошкольного образования (содержание медиапространства). А субъектом управления в государственном сегменте — органы управления образованием, дифференцированные по уровням системы государственного и муниципального управления.

Характеристика медиапространства дошкольного образования в муниципалитете

Прежде всего были проанализированы традиционные элементы медиапространства дошкольного образования, к которым относятся СМИ г. Лысьва. Результаты анализа представлены в таблице 1.

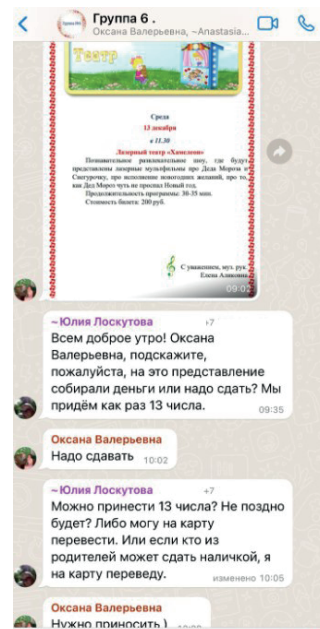
Таблица 1. Представленность тематики дошкольного образования в Лысьвенской общественно-политической газете «Искра», 01.01.2023–26.12.2023 г.

Параметры	Распределение статей по месяцам											
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Общее кол-во статей	65	65	66	65	66	65	67	66	65	66	65	63
Кол-во статей о дошкольном образовании	4	2	1	3	3	1	0	3	2	1	1	2
Кол-во статей о школьном образовании	5	7	9	6	8	0	3	1	4	2	2	3

СМИ города публикуют больше всего информации о школьном образовании, делая акцент на жизни, успехах и проблемах школ. Отсюда вытекает проблема малой информированности горожан о дошкольном образовании. А ведь вопросы развития данной подсистемы образования не менее важны. В 2023 г. за период с 1 января по 26 декабря в лысьвенской общественно-политической газете «Искра» было опубликовано всего 784 статьи, из них о дошкольном образовании было только 23 статьи. Данный факт актуализирует развитие других инструментов медиапространства, которые презентуют вопросы дошкольного образования.

В медиапространстве дошкольного образования города активно используются группы в мессенджерах, таких как WhatsApp, Telegram, VK-мессенджер. Однако у мессенджеров ограниченный функционал, они предназначены для повседневного взаимодействия: организовать собрание, выложить объявление, обсудить вопросы, связанные с жизнедеятельностью детского сада (рис. 2). В мессенджерах происходит взаимодействие ограниченного числа людей, например,

Рис. 2. Фрагмент типичного высказывания в родительском чате в мессенджере WhatsApp

в пределах группы в детском саду. В то же время мессенджеры формируют открытые «быстрые» коммуникации, через которые осуществляется оперативная информационная поддержка родителей.

Что касается интернет-форумов, то наиболее активно в городском медиапространстве в 2022 г. функционировал «Лысьвенский форум». На форуме обсуждаются проблемы питания, компетентности педагогов, воспитателей, выбора ДОУ и общаются незнакомые люди — представители не только конкретного ДОУ, но и жители всего города, иногда даже нескольких городов. Поэтому форумы позволяют охватить больший круг людей, чем мессенджеры. Однако сейчас популярность форумов падает, люди переходят к пабликам, в которых общение происходит в комментариях. Представим результаты анализа еще одного традиционного элемента медиапространства — страницы Управления образования на сайте администрации городского округа. На ней размещена контактная информация в виде таблицы, в соответствии с требованиями Приказа Рособнадзора № 831 [9].

Однако этой информацией об Управлении образования и в целом о системе образования г. Лысьвы ограничивается. Отсутствуют статьи на образовательную и событийную тематику, новости региональной и федеральной образовательной повестки, какая-либо информация о деятельности Управления. Кроме того, на сайте отсутствуют фотографии сотрудников, интерфейс неудобен, неинформативен. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что сайт не соответствует требованиям упомянутого закона и методическим рекомендациям по работе с сайтом ДОУ «Сайт ДОУ — звено единого информационного пространства».

Таблица 2. Результаты анализа сайта Управления образования г. Лысьва по методике открытости

Параметр	Критерий	Баллы
Общая информация	Наличие контактов пресс-службы	1
	Наличие почтового адреса, по которому можно направлять запросы и обращения	1
	Наличие электронного адреса для запросов и обращений	1
	Наличие телефона для справок	1
	Наличие функционала поиска по сайту	1
	Наличие возможности определить дату и время размещения информации, а также дату и время последнего изменения информации	0
	Наличие возможности масштабировать (увеличивать и уменьшать) шрифт	0
	Наличие информации о структуре государственного органа	1
	Наличие сведений о полномочиях государственного органа, задачах и функциях структурных подразделений органа	0
	Наличие перечня территориальных органов и представительств государственного органа	0
	Наличие перечня подведомственных организаций	0
	Наличие сведений о руководителях государственного органа	1
	Наличие информации о работе государственного органа с обращениями	0
	Наличие статистической информации о деятельности государственного органа	0
	Наличие на сайте информации об информационных системах, базах и реестрах в ведении госоргана	0

Продолжение таблицы на стр. 89

Информация о нормотворческой деятельности	Наличие перечня нормативно-правовых актов	1
Информация об участии в программах	Наличие перечня программ, в которых участвует госорган	0
	Сроки начала и окончания реализации программы, ожидаемые результаты	0
Информация о результатах проверок, проведенных	Наличие информации о результатах проверок, проведенных госорганом, его территориальными органами и подведомственными организациями	0,5
	Информация о правилах, соблюдение которых является предметом проводимых проверок	0
Информация о кадровом обеспечении	Наличие информации о формировании резерва кадров и его составе	0
	Наличие контактов, по которым можно получить информацию о замещении вакантных должностей в госоргане	0
Информация о предоставлении государственных услуг	Наличие перечня предоставляемых госуслуг (или ссылка на страницу на Госуслугах)	0
Пользовательский опыт	Сколько времени ушло на сбор этой информации по сайту	0 — более 30 минут
	Читабельность текстов на сайте	1
	Итого	9.5
	Максимум	24

Примерно такими же проблемами отмечен и сайт одного из ДОО города. По методике открытости сайт ДОО № X набрал 10 баллов. На нем размещена контактная информация в виде таблицы, однако не в полном соответствии с требованиями закона и методических рекомендаций. Например, в ней отсутствует информация о руководителе, его заместителе, контактные телефоны, фамилии и имена сотрудников. Отсутствует также информация о составе педагогических работников с указанием уровня образования, квалификации и опыта работы (табл. 3).

Таблица 3. Соответствие структуры сайта ОУ «Детский сад № X» г. Лысьва требованиям законодательства

	Элементы структуры сайта	Наличие элемента
1	Основные сведения	+
2	Структура и органы управления образовательной организацией	-
3	Документы	-
4	Образование	-
5	Руководство. Педагогический (научно-педагогический) состав	-
6	Материально-техническое обеспечение и оснащенность образовательного процесса	-
7	Платные образовательные услуги	+
8	Финансово-хозяйственная деятельность	+
9	Ссылки	+

Что касается интерфейса, то сайт удобный, однако неинформативный. Есть вкладка «Питание», на которой выложены два общих меню. При этом меню не распределено по дням, и невозможно узнать, чем ребенок питается в определенный день. У детского сада есть ряд

дополнительных кружков, но на сайте нет о них упоминания. На сайте также нет докладов и нормативно-правовых документов.

Таким образом, сайты, модерлируемые Управлением образования и специалистами ДООУ, не соответствуют нормативной и методической документации. Несмотря на то, что наличие сайтов у Управления образования и ДООУ предписано законодательством, на данный момент они как коммуникативные площадки потеряли свою актуальность. Основной причиной отказа пользователей от посещения этих медиаплощадок является их неинтерактивность и популярность социальных сетей.

В связи с этим обратимся к характеристике страниц в социальных сетях, выступающих важными элементами дошкольного медиапространства г. Лысьва.

Органы власти создают в социальных сетях сообщества, которые определяют тематики для осуждения различными заинтересованными группами. Они позволяют собрать мнения населения о дошкольном образовании. Задача пабликов — сократить дистанцию между властью и гражданами. Комментарии позволяют оперативно работать с запросами подписчиков — гораздо быстрее, чем стандартные формы обратной связи с 30 днями, которые закон отводит на ответ. Таким образом, паблики — самое перспективное направление развития медиапространства дошкольного образования.

Рассмотрим паблик в официальной группе ВКонтакте «Управление образования. Лысьва». Мы подсчитали, что на официальной странице Управления образования с 1 января по 26 декабря 2023 г. было опубликовано всего 1280 статей. В основном это были перепосты с пабликов школьного и дошкольного образования, что не соответствует методическим указаниям «По созданию и ведению группы в социальной сети ВКонтакте».

Типичным примером поста является следующий текст:

«2 декабря в Школе равных возможностей по инициативе МБДОУ «Детский сад № 38» был организован праздничный концерт и интерактивная программа-квест для малышей детского сада и учащихся младших классов школы для детей с ОВЗ. Вместе с мамами и папами ребята побывали на игровых станциях: рисовали, веселились, отвечали на вопросы, познакомились со школой и педагогами, играли с Чебурашкой. Малыши, вы были лучшими на концерте и во время весёлого путешествия! Спасибо Школе равных возможностей и лично Марине Викторовне Волеговой за поддержку совместного проекта с детским садом и гостеприимство. Благодарим педагогов детского сада. МБДОУ «Детский сад № 38» и лично Галину Алексеевну Воецкову за неравнодушие, инициативу и организацию доброго и важного праздника».

Опубликованный текст не соответствует методическим указаниям по созданию и ведению группы в социальных сетях [2]. Он содержит слишком длинные предложения, текст больше трех абзацев. Опубликованные фотографии нечеткие, размазанные, что тоже не соответствует методическим рекомендациям. В публикации также нет призыва к обсуждениям, поэтому под данным постом всего один смайлик «палец вверх».

В других постах сообщества часто отсутствует инфографика. Паблик Управления образования не интерактивен. Подписчики посты не комментируют, нет опросов, не происходит общения с аудиторией. А ведь аккаунт в социальной сети — это самый эффективный на сегодняшний день способ сократить дистанцию между властью и населением. Именно повышение открытости было целью принятия так называемого «закона о пабликах» и других документов [8; 10]. Задача органа власти, создавшего страницу во «ВКонтакте», — донести до граждан полную и достоверную информацию о своей деятельности, и сделать это в понятной и доступной форме. Главная задача паблика Управления образования не выполняется. Такой вывод мы делаем, исходя из соотношения количества подписчиков к числу лайков и комментариев. Можно заключить, что население не читает публикации паблика, так как страница ведется некорректно, неинтересно. Паблик превратился в аналог газеты, в которой публикуются новости.

Оценка барьеров управления медиапространством дошкольного образования в г. Лысьва

На основании материалов полуструктурированного интервью со специалистами Управления образования и ДОО мы выявили ключевые барьеры, препятствующие эффективному управлению медиапространством дошкольного образования. Гайд интервью был ориентирован на решение следующих задач: 1) выявить наличие/дефицит специалистов по ведению пабликов и сайта; 2) определить наличие/дефицит у них необходимых компетенций (информационно-коммуникативных; цифровых; технических; правовых); 3) выявить мнение о качестве официальных страниц в социальных сетях; 4) идентифицировать проблемы специалистов, ведущих официальные страницы и способы, которыми они решают данные проблемы.

Интервью показало, что штатных ставок для специалистов, модерлирующих сайты и паблики, в Управлении образования и, естественно, в ДОО не выделено. Функциональная нагрузка на сотрудников системы управления дошкольным образованием очень высокая при небольшом количестве ставок. В Управлении образования наполнением сайта и сообществом в ВК занимается секретарь, в ДОО — заместители директоров или методисты. Поскольку медиадеятельность не является их основной задачей, внимание и временные ресурсы на нее направляются по остаточному принципу.

Самооценка информантов уровня развития у них медиакомпетенций проводилась по формализованному инструменту (по 5-балльной шкале). В табл. 4. представлены средние значения.

Таблица 4. Оценка уровня сформированности у сотрудников медиакомпетенций, по школе от 1 до 5 баллов, где 1 — низкий уровень, 5 — высокий уровень

Компетенции	Для работы с сайтом	Для работы с пабликами
Цифровые (работа с ПО)	5	5
Технические (знание компьютерной техники)	5	5
По сбору информации для создания контента	3	4
По написанию текстов	5	5
По подготовке визуального материала	4	4
Правовых (знание НПА, регламентирующих администрирование сайта и пабликов)	4	4

Как видим, сотрудники Управления и ДОО достаточно высоко оценили уровень своей медиаграмотности, что противоречит объективным результатам анализа сайтов и пабликов, которые мы представили выше. Дополнительные вопросы полуструктурированного интервью далее подтвердили нашу гипотезу о том, что специалисты, которые ведут сайты и паблики, не знают хорошо нормативно-правовые акты и методические рекомендации. В связи с этим такие элементы медиапространства в системе дошкольного образования города Лысьва, как сайты и паблики, вводятся некорректно, неинтересно, неинформативно.

Что касается мнения информантов о качестве официальных страниц в социальных сетях, то было отмечено отсутствие медиапланирования. Посты готовятся ситуативно, по случаю каких-то событий. Кроме того, информанты подчеркнули отсутствие элементов интерактивности. Посты посетителями и подписчиками не комментируются. Не используются такие функции, как викторины, опросы. Инфографика почти отсутствует, а имеющиеся фотографии и видеоматериалы плохого качества.

Ключевыми проблемами своей работы с пабликами информанты назвали отсутствие возможностей в бюджете рабочего времени на качественное ведение пабликов, а также отсутствие специальных компетенций по ведению именно сообществ в социальных сетях. Способы, которыми информанты решают данные проблемы, обмен опытом между собой,

а также чтение отдельных материалов в Интернете. На систематическое освоение медиакомпетенций у них не хватает рабочего и личного времени.

ВЫВОДЫ. Теоретический анализ показал, что медиапространство системы дошкольного образования позволяет:

- изучать потребности, мнение и предпочтения родителей, уровень их осведомленности об определенных услугах в учреждениях дошкольного образования;
- формировать каналы оперативной обратной связи с родителями и партнерами;
- осуществлять совместные проекты с родителями и партнерами;
- формировать общие ценности и нормы поведения;
- управлять общественным мнением в отношении учреждений дошкольного образования и управления им.

Эмпирическое исследование, проведенное в одном из российских городов, показало, что в современных муниципальных практиках управления дошкольным образованием перечисленные возможности медиапространства мало используются.

Если исходить из понимания управления медиапространством как процесса планирования, организации и контроля информационного пространства, то практически ни одна из названных функций управления не реализуется в полном объеме. Медиадеятельность субъектов управления дошкольным образованием не соответствует принципам, установленным нормативными и методическими документами, реализуется стихийно и по «остаточному правилу». Дефицит специалистов, недостаток у них медиакомпетенций и ресурсов времени также свидетельствуют о неэффективном управлении медиапространством дошкольного образования в муниципалитете.

Основную причину проблемной ситуации мы видим в том, что руководители и специалисты Управления образованием и ДОУ в недостаточной мере владеют информационно-коммуникативными, цифровыми и медийными компетенциями, необходимыми для этой деятельности. Отсюда вытекает необходимость разработки и реализации проекта по повышению их медиакомпетентности. Он позволит качественно обучить специалистов эффективному применению всех принципов и подходов медиадеятельности, а повышение профессионализма в этой сфере создаст основу для повышения их мотивации к ней. В то же время руководителям системы управления дошкольным образованием в целом нужно обратить внимание на выстраивание медиаполитики и ключевых функций по управлению медиапространством в дошкольном образовании, потому что они выступают стратегической основой повышения качества функционирования отдельных элементов городского медиапространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. 312 с.
2. Журавлев Е. Госпаблики: 14 рекомендаций, как вести официальные аккаунты в соцсетях. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/zhuravlev/gospabliki/?ysclid=lwoeay6toq629012278> (дата обращения: 27.05.2024).
3. Ключникова И.Ф. Развитие дошкольной образовательной организации через новые подходы управления // *Colloquium-journal*. 2020. № 6. С. 38–40.
4. Красильникова Л.В., Волкова Е.В., Кальсина Н.С. Некоторые аспекты сетевого взаимодействия детского сада с семьями воспитанников // *Мир педагогики и психологии*. 2022. № 11. Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/nekotorye-aspekty-setevogo-vzaimodejstviya-detskogo-sada-s-semyami-vospitannikov.html> (дата обращения: 28.11.2022).
5. Крежевских О.В., Михайлова А.И. Цифровые технологии в дошкольном образовании. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 158 с.
6. Молокеедова Г. Журналистика. Медиапространство — факт, сюрреализм, творчество. URL: <https://proza.ru/2018/09/02/804> (дата обращения: 20.05.2024).

7. Немцев А.В. Взаимодействие органов исполнительной власти и населения региона в коммуникационном пространстве: основные модели и проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2017. 19 с.
8. Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц: Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2022 N 2523-р. URL: <https://base.garant.ru/405236747/?ysclid=lwoexhgra1120749654> (дата обращения: 19.05.2024).
9. Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления на нем информации» (с изменениями, вступившими в силу с 01.09.2022): Приказ Рособнадзора № 831 от 14.08.2020. URL: <https://base.garant.ru/74901486/?ysclid=lwoeypsi53787604024> (дата обращения: 19.05.2024).
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»: Федеральный закон от 14.07.2022 N 270-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/?ysclid=lwof0011p6887734950 (дата обращения: 15.05.2024).
11. Озёрский С.В. Информатизация образования — неотъемлемая часть формирования информационного общества // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 1. С. 87–90.
12. Пфаненштиль И.А., Яценко М.П. Информационные аспекты управления образованием // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. № 1. С. 1581–1586. <https://doi.org/10.15372/PEMW20180103>
13. Рыбакова М.В., Пивоварова М.Б. Цифровизация образования: проблемы управления и безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 161–175.
14. Сардак Л.В., Софронов А.А. Взаимодействие педагога и родителей (законных представителей) обучающегося средствами мобильных и облачных технологий // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 91–96.
15. Толкова Н.М. Сетевое взаимодействие дошкольной организации с родителями воспитанников // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58–3. С. 281–284.
16. Хворова В.А. Медиатексты современных молодежных медиа: специфика построения отношений «адресант — адресат» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 2. С. 77–84. DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.027
17. Шевченко И.О. Социальные сети и практики взаимопомощи в семьях с маленькими детьми // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2. С. 101–118.

REFERENCES

1. Dzyaloshinsky I. M. *Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii* [Modern media space of Russia]. M.: Izdvo «Aspekt Press», 2015. 312 s. (In Russian).
2. Zhuravlev E. *Gospabliki: 14 rekomendacij, kak vesti oficial'nye akkaunty v socsetyah* [Government publics: 14 recommendations on how to maintain official accounts in social networks]. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/zhuravlev/gospabliki/?ysclid=lwoeay6toq629012278> (data obrashcheniya: 27.05.2024). (In Russian).
3. Klyuchnikova I. F. *Razvitie doshkol'noj obrazovatel'noj organizacii cherez novye podhody upravleniya* [Development of a preschool educational organization through new management approaches] // *Colloquium-journal*. 2020. № 6. S. 38–40. (In Russian).
4. Krasil'nikova L.V., Volkova E.V., Kal'sina N.S. *Nekotorye aspekty setevogo vzaimodejstviya detskogo sada s sem'yami vospitatnikov* [Some aspects of the kindergarten's network interaction with the

- families of pupils] // *Mir pedagogiki i psihologii*. 2022. № 11. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/nekotorye-aspekty-setevogo-vzaimodejstviya-detskogo-sada-s-semyami-vospitannikov.html> (data obrashcheniya: 28.11.2022). (In Russian).
5. Krezhevskih O.V., Mihajlova A.I. *Cifrovye tekhnologii v doskol'nom obrazovanii* [Digital technologies in preschool education]. M.: Aj Pi Ar Media, 2022. 158 s. (In Russian).
 6. Molokoedova G. *Zhurnalistika. Mediaprostranstvo — fakt, syurealizm, tvorchestvo* [Journalism. Media space is a fact, surrealism, creativity]. URL: <https://proza.ru/2018/09/02/804> (data obrashcheniya: 20.05.2024). (In Russian).
 7. Nemcev A.V. *Vzaimodejstvie organov ispolnitel'noj vlasti i naseleniya regiona v kommunikacionnom prostranstve: osnovnye modeli i problemy effektivnosti: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Interaction of executive authorities and the population of the region in the communication space: basic models and problems of efficiency: abstract. ... thesis of cand. Social Sciences]. St. Petersburg, 2017. 19 s. (In Russian).
 8. *Ob opredelenii VKontakte i Odnoklassniki v kachestve informacionnyh sistem i (ili) programm dlya elektronnyh vychislitel'nyh mashin, ispol'zuemyh gosudarstvennymi organami, v tom chisle sudami, Sudebnym departamentom pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii, vkluchaya upravleniya Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii v sub"ektah Rossijskoj Federacii, a takzhe organami mestnogo samoupravleniya, organizacijami, podvedomstvennymi gosudarstvennym organam i organam mestnogo samoupravleniya, dlya sozdaniya oficial'nyh stranic: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.09.2022 N 2523-r* [On the definition of VKontakte and Odnoklassniki as information systems and (or) programs for electronic computers used by state bodies, including courts, the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, including the offices of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation in the subjects of the Russian Federation, as well as local governments, organizations, subordinated to state bodies and local self-government bodies, for the creation of official pages: Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.09.2022 N 2523-r] URL: <https://base.garant.ru/405236747/?ysclid=lwoexhqr1120749654> (data obrashcheniya: 19.05.2024). (In Russian).
 9. *Ob utverzhdenii trebovanij k strukture oficial'nogo sajta obrazovatel'noj organizacii v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet» i formatu predstavleniya na nem informacii (s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 01.09.2022): Prikaz Rosobrnadzora № 831 ot 14.08.2020* [On approval of the requirements for the structure of the official website of an educational organization in the information and telecommunications network «Internet» and the format of presentation of information on it (with amendments that entered into force on 09/01/2022): Rosobrnadzor Order No. 831 dated 14.08.2020]. URL: <https://base.garant.ru/74901486/?ysclid=lwoeypsl53787604024> (data obrashcheniya: 19.05.2024). (In Russian).
 10. *O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravleniya» i stat'yu 10 Federal'nogo zakona «Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti sudov v Rossijskoj Federacii»: Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 N 270-FZ* [On Amendments to the Federal Law «On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies» and Article 10 of the Federal Law «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation»: Federal Law No. 270-FZ dated 14.07.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/?ysclid=lwof0011p6887734950 (data obrashcheniya: 15.05.2024). (In Russian).
 11. Ozyorsky S.V. *Informatizaciya obrazovaniya — neot'emlemaya chast' formirovaniya informacionnogo obshchestva* [Informatization of education is an integral part of the formation of an information society] // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2013. № 1. S. 87–90. (In Russian).
 12. Pfanenshtil' I.A., Yacenko M.P. *Informacionnye aspekty upravleniya obrazovaniem* [Information aspects of education management] // *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 2018. T. 8, № 1. S. 1581–1586. (In Russian).
 13. Rybakova M.V., Pivovarova M.B. *Cifrovizaciya obrazovaniya: problemy upravleniya i bezopasnosti* [Digitalization of education: problems of management and security] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2022. T. 17, № 2. S. 161–175. (In Russian).

14. Sardak L. V., Sofronov A. A. *Vzaimodejstvie pedagoga i roditel'ej (zakonnykh predstavitelej) obuchayushchegosya sredstvami mobil'nyh i oblachnyh tekhnologij* [Interaction of a teacher and parents (legal representatives) of a student using mobile and cloud technologies] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016. № 6. S. 91–96. (In Russian).
15. Tolkova N. M. *Setevoe vzaimodejstvie doshkol'noj organizacii s roditel'yami vospitannikov* [Network interaction of preschool organizations with parents of pupils] // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018. № 58–3. S. 281–284. (In Russian).
16. Hovorova V. A. *Mediateksty sovremennyh molodezhnyh media: specifika postroeniya otnoshenij «adresant — adresat»* [Media texts of modern youth media: the specifics of building “addressee — addressee” relations] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2023. T. 29, № 2. S. 77–84. DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.027 (In Russian).
17. Shevchenko I. O. *Social'nye seti i praktiki vzaimopomoshchi v sem'yah s malen'kimi det'mi* [Social networks and practices of mutual assistance in families with young children] // *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*. 2013. № 2. S. 101–118. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.013

УДК 316.354.2

ББК 60.55в682

А.В. РУШЕВА

**РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОГО
НАСТАВНИЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ**

A.V. RUSHEVA

**DEVELOPMENT OF CORPORATE
MENTORING IN THE DOMESTIC
MANAGEMENT PRACTICE**

Пути решения задач по укреплению позиции предприятия на рынке могут быть разные. Один из них — надежное и своевременное кадровое обеспечение. В данной статье мы рассмотрим институт наставничества, проверенный временем и, имеющий много преимуществ перед другими технологиями HR-менеджмента. Цель статьи — анализ развития корпоративного наставничества в современной России.

В основу методологии проведенного исследования положены концепции, позволяющие определить институциональный характер наставничества и его основополагающие функции, теории социального обмена и исследования корпоративного наставничества, раскрывающие способы профессионального развития. Для достижения поставленной цели были использованы методы вторичного анализа данных социологических исследований по теме, опроса сотрудников крупного российского предприятия (в форме анкетирования и интервьюирования).

Проведенное исследование позволило выявить основные институциональные характеристики корпоративного наставничества, определить его содержание и роль в развитии современных организаций; представить анализ сильных сторон наставничества и проблем в реализации; раскрыть суть ролевых моделей наставничества. Элементы научной новизны содержатся, преимущественно, в сформулированных автором выводах о возможностях расширения практик наставничества в отечественном корпоративном управлении. К ним относятся условия:

- понимания и признания руководящим составом предприятия ценности и потенциала наставничества;
- обеспечения управляемости наставнической деятельности, включая её планирование, организацию и финансирование, внедрение программ поощрения и развития наставников, контроль и оценку результатов по разработанной системе критериев.

Ways to solve problems to strengthen the position of an enterprise in the market may be different. One of them is reliable and timely staffing. In this article, we will look at the institution of mentoring, time-tested and having many advantages over other HR management technologies. The purpose of the article is to analyze the development of corporate mentoring in modern Russia.

The research methodology is based on concepts that allow us to determine the institutional nature of mentoring and its fundamental functions, theories of social exchange and studies of corporate mentoring that reveal ways of professional development. To achieve this goal, methods of secondary analysis of sociological research data on the topic, a survey of employees of a large Russian enterprise (in the form of questioning and interviewing) were used.

The research made it possible to identify the main institutional characteristics of corporate mentoring, determine its content and role in the development of modern organizations; Present an analysis of mentoring strengths and implementation challenges uncover the essence of mentoring

role models. Elements of scientific novelty are contained mainly in the conclusions formulated by the author about the possibilities of expanding mentoring practices in domestic corporate governance. These include:

- understanding and recognition by the management of the enterprise of the value and potential of mentoring;
- ensuring the manageability of mentoring activities, including its planning, organization and financing, the introduction of programs for the promotion and development of mentors, control and assessment of results according to the developed system of criteria.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наставничество, корпоративное наставничество, управляемость, наставник, ученик, развитие.

KEY WORDS: mentoring, corporate mentoring, manageability, mentor, student, development.

ВВЕДЕНИЕ. Расти, учиться и развиваться можно по-разному. К сожалению, не каждому человеку в жизни предоставляется возможность встретить надежного, знающего и опытного старшего товарища, который бы помог и поддержал, научил и уберег, воспитал и вразумил. Но люди, ощутившие его присутствие, по достоинству могут оценить роль, которую наставник сыграл в их судьбе.

Под наставничеством обычно понимают процесс передачи знаний, умений и навыков от опытного сотрудника (наставника) к менее опытному (наставляемому); это отношения, в которых начальник, подчиненный или коллега могут делиться знаниями, мудростью и поддержкой. В социологической науке наставничество рассматривается как один из механизмов социальной мобильности и карьерного роста. Наставничество часто отождествляют с коучингом, консультированием, менторством, используя для передачи его смысла иностранные аналоги «buddying», «shadowing», «супервизия». Все эти виды взаимодействия предполагают цель осознания и развития профессионально-личностного потенциала сотрудника, активное общение и поддержку, помощь в преодолении преград на пути к успешной деятельности. Но, в отличие от других форм обучения, при наставничестве одновременно с освоением новых знаний и выработкой практических навыков подопечному оказывается психологическая поддержка. Кроме того, работа наставника рассчитана, как правило, на продолжительный период, в течение которого новому сотруднику не только передается богатый личный опыт, но и прививаются организационные, трудовые, морально-нравственные ценности.

Еще одной важной особенностью наставничества является его преимущественно неформальный характер, когда опытный специалист добровольно оказывает помощь и поддержку менее опытному коллеге. В данном случае оплата труда наставника не предполагается, а демонстрируется его отзывчивость и высокая мотивация, признание заслуг и профессионализм, организационное благополучие.

Опыт компаний, успешно применяющих инструмент наставничества, указывает на его многозначительность. Результаты его применения важны как для внутренней среды организации, так и за её пределами. В частности, реализация программ наставничества затрагивает интересы всех её участников, в числе которых стажеры, сами наставники, коллектив и компания, в целом; способствует снижению уровня текучести кадров, более успешной адаптации новых сотрудников и экономии финансовых ресурсов, позволяет избегать эмоционального «выгорания», так как обязанности наставника вносят в работу разнообразие и творческий подход [10, с. 118]. Примерами пользы наставничества во внешней среде является удовлетворение потребностей клиентов посредством выхода на рынок качественных продуктов или услуг, развитие делового партнерства, повышение социально-экономических показателей.

Несмотря на все преимущества данной кадровой технологии, на практике возникают определенные трудности с её введением и использованием. Зачастую причины кроются в:

- поверхностных представлениях о наставничестве или вовсе — непонимании его ценности как коллективом, так и самими руководителями. Следствием подобных ситуаций, как правило, становятся ошибки в определении целей наставничества;
- низкой мотивации сотрудника в выполнении определенной ему роли наставника, что негативно отражается на решении задач адаптации и обучения новых сотрудников;
- отсутствии у наставника должного опыта и необходимых качеств для эффективной работы с подопечным;
- «пробелах» в управлении системой наставничества (слабый контроль, дефицит материальных ресурсов, неправильное распределение ответственности наставника за своего стажера и пр.).

Подобные ситуации ещё достаточно часто встречаются в российской практике управления. Проблема высокого уровня «кадрового голода» (особенно в промышленности) на российском рынке труда стала одной из самых критических, угрожая серьёзными рисками для экономики. Нехватку сотрудников испытывают большинство компаний, независимо от штатной численности и отрасли: 86% предприятий и организаций функционируют в условиях дефицита персонала¹. Важным аспектом рассматриваемой проблемы является продолжающееся старение рабочих кадров. Только за последний год средний возраст тех, кто ищет работу, увеличился на два-три года².

Вышеизложенное позволяет заявить об актуальности предлагаемой к рассмотрению проблемы и сформулировать **ЦЕЛЬ** настоящего исследования — анализ развития корпоративного наставничества в современной России. Среди основных задач — изучение представлений о наставничестве, возможностей более широкого его распространения в отечественной практике управления и причин, затрудняющих данный процесс.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Формирование института наставничества имеет очень богатую и продолжительную историю. Его глубокие корни прослеживаются и в России, где, например, в XVIII веке традиция наставничества сложилась в ремесленном деле: Велика роль наставничества и в становлении духовности российской нации. Русские монахи имели чёткую систему воспитания молодого поколения в соответствии с христианским учением и моралью [9].

Неоценимый вклад в формирование отечественного опыта наставнической деятельности сделал великий русский педагог К. Д. Ушинский, обнаруживший «прямую зависимость скорости адаптации человека в новом для него деле от знаний, профессионализма и педагогического мастерства наставника. Основным результатом наставнической деятельности он видел в развитии самостоятельности входящего в жизнь человека, его способности действовать без помощи извне» [4].

В годы советской власти роль наставничества в воспитании и становлении подрастающего поколения активно пропагандировалась А. С. Макаренко, Л. С. Выготским, В. А. Сухомлинским и другими выдающимися педагогами-психологами-исследователями. Пик развития наставничества в отечественной педагогике и производственной деятельности наблюдался во второй половине XX века. Обучение рабочих кадров осуществлялось в созданных на базе предприятий школах фабрично-заводского ученичества, что облегчало последующую трудовую адаптацию [9].

В постсоветский период интерес к исследованию данной проблемы был утрачен в связи с закрытием многих предприятий и стал возрождаться только в начале 2000-х годов. В центре внимания оказалась подготовка наставников и формирование их профессионально-

¹ Кадровый голод чаще всего испытывают транспортные и производственные предприятия. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114440/kadrovyy-golod-chasche-vsego-ispytyvayut-transportnye-i-proizvodstvennye-predpriyatiya/>

² Рынок труда в 2023: тенденции и прогнозы SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114374/rynok-truda-v-2023/>

педагогической компетентности. В условиях рыночной экономики существенные изменения произошли в характере управления, обусловленные частной собственностью и конкуренцией. Потребность корпораций в возрождении и развитии наставничества стала совершенно естественной — уровень прибыли и положение на рынке напрямую зависели от качества рабочей силы. В целях накопления, сохранения и приумножения потенциала компаний, постепенно внедрялись разнообразные виды и модели наставничества (разовое или систематическое, индивидуальное и групповое, партнерское и реверсивное, векторное и горизонтальное и др.) [6, с. 172–173], позволяющие более гибко и с учетом ситуации эффективно решать многие вопросы HR-менеджмента. Анализ получаемых результатов после введения системы наставничества обусловил её закрепление на отечественных предприятиях, дальнейшее распространение и совершенствование.

К настоящему времени, наставничество по праву приобрело институциональный статус. Ключевые характеристики социального института, выделенные М.Вебером, Э.Дюркгеймом, Т.Парсонсом, Г.Спенсером, мы видим и в корпоративном наставничестве. Наиболее ярко они проявляются в системе отношений и сотрудничества, создающейся для успешной социальной и профессиональной адаптации новых сотрудников и, выстраивающейся на основе устоявшихся норм, правил, ценностей, традиций передачи профессионального опыта и выработки навыков. Происходящая, таким образом, социализация личности, ставшая одним из предметов исследований Н. Смелзера, П. Штомпки, Т. Парсонса, Э. Гидденса и других классиков социологии, в процессе наставничества обеспечивает формирование ценностных ориентаций и социальных установок индивида, усвоение и воспроизводство им культурного опыта, необходимого для жизни в социуме и, в целом, функционирования социальной системы.

Познание корпоративного наставничества невозможно без изучения механизма социального взаимодействия и исследований П.А. Сорокина [8], теорий социального обмена Дж. Хоманса [14] и П. Блау [11], которые позволяют более четко представить структуру наставничества, интерпретировать поведение его участников, понять их мотивы и ожидания.

В исследованиях как зарубежных, так и российских ученых наставник играет разнообразные социальные роли, выполняет важные для организации функции. Так, например, по мнению Э. Гардинера [13], в процессе интеграции человека в новую для него сферу деятельности наставник выступает в роли друга, обеспечивая необходимую поддержку и, содействуя более легкой и эффективной адаптации. Э.В. Моррисон отмечает, что наставнику удастся эффективно передать культуру организации, что можно оценить по усвоению языка (неформального и технического), свойственного организации, и восприятию ценностей и традиций компании [18], российские ученые называют работу наставника искусством, поскольку ему удается «найти ключик» к самым разным ученикам, понять их особенности и потенциал, способствовать профессиональной идентичности и карьерному росту [5, с. 1060]. Таким образом, он становится для молодого неопытного стажера «проводником» в интересный неизведанный мир профессии. При этом, следует учитывать, что в отечественных организациях оказание помощи новым сотрудникам, зачастую происходит неофициально и по доброй воле более опытных членов коллектива, мотивированных и, понимающих трудности адаптационного периода.

Формированию целостного представления о наставничестве, как системном процессе, благоприятствующем освоению профессии, способствовало обращение к трудам Д. Клаттербака [12], М. Кларины [3], Г. Льюиса [16], Дж. Максвелла [17]. В ходе изучения корпоративного наставничества отдельное внимание было уделено проблеме обучения и профессионального развития самих менеджеров-наставников, актуальность которой подчеркивали Р. Брод [1], К. Крам [15], И.И. Ирисметова [2], А.Р. Масалимова [2; 7] и др.

Выделенные аспекты наставничества доказывают, что оно является важным объектом исследования в социологической науке, его изучение помогает находить эффективные пути решения многих проблем современного корпоративного управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Прошедший 2023 год Указом Президента России был объявлен годом педагога и наставника, в течение которого проводились всероссийские акции, форумы, конкурсы, ставшие для многих россиян хорошим напоминанием о важной роли педагогических работников в жизни молодежи. Согласно результатам опроса ВЦИОМ (июнь 2023 г.), в жизни 78% россиян старше 14 лет есть человек, которого они могут назвать своим наставником. Каждый пятый респондент видит своим наставником коллегу по работе (21%). По мнению респондентов, наставник должен быть: требовательный, строгий (75%), практико-ориентированный (71%), придерживающийся прогрессивных взглядов (64%), с гибким мышлением (61%) и допускающий неформальный стиль общения (61%). Желательно, чтобы он был кем-то из окружения, знакомый лично (66%) и вёл немедийный образ жизни («скорее малоизвестный» — 46%)³.

Понимание наставничества населением отражено и в исследовании общероссийской общественной организации «Опоры России». В ходе анкетирования (январь 2023 г.) Комиссией по наставничеству были выявлено, что:

- важнейшие отличительные атрибуты наставника проявляются в том, что он учит анализировать, расставлять приоритеты и принимать решения (71,6%), передает знания, инструменты (70,6%), развивает навыки наставляемого, в том числе способность действовать самостоятельно (69,6%);
- наставник совмещает в себе все или большинство ролей педагога, тренера, ментора, коуча, трекара, консультанта, тьютера, бадди, фасилитатора и др. (75,5%);
- для обеспечения эффективности наставнику необходимы (кроме жестких, профессиональных): дополнительные навыки выявления истинных целей и предоставления конструктивной развивающей обратной связи (65,2%), умение определять причинно-следственные связи (64,7%), организованность, способность структурировать свое время и информацию (58,3%).
- само наставничество необходимо его субъекту для повышения бизнес-интеллекта, собственной эффективности (67,2%), личностного роста (66,2%), развития лидерских качеств и возможности быть на шаг впереди (62,7%)⁴.

Значимость распространения практики наставничества в России выражается и таким мероприятием, как конкурс «Лучшие практики наставничества», проводимый в рамках национального проекта «Производительность труда» и организуемый Министерством экономического развития РФ.

Как видим, в настоящее время, развитие института наставничества в нашей стране достаточно активно актуализируется, интерес к его возрождению проявляется на разных уровнях общественной системы. В России создано и реализуется множество программ наставничества, которые помогают молодым специалистам и студентам развиваться и достигать успеха в своей карьере. Министерством просвещения России подготовлен Проект профессионального стандарта наставника.

Для уточнения представлений о наставничестве, его востребованности на российских предприятиях и определенных трудностях развития, приведем данные социологического исследования, которое проводилось в крупной транспортной компании (г. Нижний Новгород, сентябрь-декабрь 2023 г.)⁵. При изучении системы наставничества необходимо было учитывать отраслевую специфику предприятия — удаленность экипажей в течение длительного

³ Наставники в России: кто они? Опрос ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastavniki-v-rossii-kto-oni>

⁴ Опрос Комиссии «Опоры России» по наставничеству. URL: https://vk.com/doc154650594_671606495?hash=x6P0saq8JuNjbhAp0ByPGJlpZHzQ1UeCrBeXYMgevoP&dl=C63FztjfSkytlfQ3hNhSjKPgwiev37Xp5oPF0to09v4

⁵ Анализ системы наставничества современной организации: социологическое исследование, проведенного в рамках подготовки ВКР (магистерской диссертации) Сиротиной Т.К. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, сентябрь-декабрь, 2023 г. Научный рук. — Рушева А.В.

срока, а также, такую острую организационно-управленческую проблему, как повышение текучести кадров (до 50%).

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. Оценка удовлетворенности процессом адаптации, в том числе взаимодействием с наставником. Респонденты: сотрудники, прошедшие испытательный срок в период с сентября по декабрь 2023 г. (N=35 чел.). Метод: анкетный опрос в электронном виде.
2. Изучение мнений сотрудников компании о системе наставничества. Респонденты: руководители среднего уровня, специалисты берегового персонала, стаж в компании от 1 года, независимо от пола, возраста (n=20). Метод: стандартизированное интервью, очное, индивидуальное.
3. Экспертный опрос с целью изучения мнений опытных сотрудников компании о смысле и значении наставничества, а также способах достижения успеха в этом процессе. Респонденты: капитаны-наставники (мужчины, старше 50 лет), n=5. Метод: экспертное интервью, очное, индивидуальное.

Результаты 1 этапа. Для данной судоходной компании, имеющей богатую вековую историю, наставничество не является новшеством — в организации разработано и утверждено Положение о наставничестве, описан бизнес-процесс, частично назначены наставники в структурных подразделениях.

Согласно результатам анкетирования сотрудников, у которых завершился испытательный срок, только у каждого второго был наставник (в то время, как в «Положении о наставничестве» он должен быть у всех новичков). Ответы респондентов указали на то, что акцент в работе наставника делался больше на информировании о деятельности компании, чем на активном взаимодействии со стажером и своевременном оказании ему помощи. Одна из причин, вероятно связана с большой рабочей нагрузкой наставника. Для изменения ситуации можно предложить составить график встреч, для которых новый сотрудник подготовит интересующие вопросы, а наставник, с учетом планов своей текущей работы будет выделять время для общения с ним. С другой стороны, влияние на включенность наставника может оказывать его отношение к вменяемой роли. В этом случае будут полезны тренинги/специальные программы, направленные как на получение необходимых знаний по методикам обучения, так и формирование мотивации к наставнической деятельности.

Основные сложности в период испытательного срока, по мнению респондентов были связаны с новыми терминами, определениями (особенно сокращениями), незнанием специфики отрасли. Следовательно, для повышения эффективности адаптации тех, кто пришел в судоходную компанию из других сфер, можно предложить издание словаря основных терминов и других подобных информационных материалов.

Результаты 2 этапа. Примененный к анализу интервью контент-анализ позволил определить:

- суть наставничества, выражающуюся в таких словах, как опыт, передача, знания, обучение;
- основные навыки, которыми должен обладать наставник (коммуникации, терпение, ответственность) и такие характеристики, как профессионализм, требовательность, умение выстраивать обратную связь, обладать цифровой грамотностью, способностью доносить сложные вещи «простым языком»;
- степень формальности роли наставника, мнение о которой разделились поровну. Одна половина респондентов воспринимает наставничество, как неформальный процесс обмена знаниями, социальным опытом и оказанием психологической поддержки, включающий личные коммуникации между мудрым и опытным наставником и учеником, другая считает наставничество больше документированным процессом

организации обучения новичков. Полученные ответы указывают на необходимость проведения обучающих и информационных мероприятий с целью формирования у персонала более целостного взгляда на инструмент наставничества.

- готовность стать наставником (но с оговорками: «нужно обсудить условия», «если попросят», «есть вопросы к процессу организации»), которая присуща большей половине опрошенных и причины отказа выполнять роль наставника («мало опыта», «не обладаю» сдержанностью, «не готов эмоционально вкладываться», «недостаточное количество знаний», «не соответствую требованиям к наставнику», «не хочется тратить время на бездарных сотрудников», «нет плана подготовки наставника»). Разный уровень заинтересованности в наставнической деятельности может быть сопряжен не только с личностными особенностями и демотивацией, но и организационно-управленческими причинами

В целях дальнейшего развития действующей системы корпоративного наставничества респонденты считают необходимым составить четкий и понятный профиль наставника, обеспечить ранний найм, привлекая внимание студентов (причем не только профильных ВУЗов) к работе в компании, проводить оценку их успеваемости. Несмотря на то, что предприятие уже взаимодействует с учебными учреждениями и создает для профориентации специализированные классы и аудитории, требуется ещё большая активность в этом направлении. Действенными мерами могут стать составление индивидуального плана развития стажера или практиканта, в котором будут учитываться его способности и ограничения, а также обучение самих наставников.

Результаты 3 этапа. Опытные капитаны считают наставничество «непрерывной работой с командой, командным составом, а не только передачу опыта от старших молодым. Оно не ограничивается помощью и подготовкой к самостоятельной профессиональной деятельности. Отношения, которые складываются имеют более глубокий характер, часто поддерживаются и потом, обмениваемся опытом, учимся чему-то друг у друга (мужчина, 59 лет, капитан-наставник морского флота).

Особого внимания заслуживают личностные качества наставников: уважение к людям, желание понять особенности другого человека: «В первую очередь, я хочу узнать о человеке больше, «достучаться» до него, понять, что у него в голове» (мужчина, 57 лет, капитан-наставник — главный штурман). Им присуще понимание важности наставничества и искренний интерес к любимому делу: «Наставничество является мостиком между теорией и практикой, молодостью и опытом. Видя способного и талантливого стажера, хочется «свернуть горы». Появляется желание учить, самому «ломать голову» над вопросами» (мужчина, 54 года, капитан-наставник речного флота)

Общаясь с респондентами, нельзя было не заметить заботу, которую они проявляют о молодых и их семьях: «Приходят ребята, но отказываются после совещания с семьями, с женами. Не все готовы менять привычки и долго так жить при отсутствии члена семьи» (мужчина, 59 лет, капитан-наставник морского флота). Учитывают наставники и профессиональные сложности адаптации, знакомят новичков со спецификой условий работы и правилами, подчеркивают важность профессиональных знаний и готовность к командной работе, учат житейским хитростям.

Несмотря на то, что респондентами были капитаны-наставники, имеющие богатый профессиональный и жизненный опыт, в процессе беседы они неоднократно демонстрировали стремление совершенствоваться, изучать и внедрять новые подходы и методы в работе: «Задаюсь вопросом, как заинтересовать людей на работу на флоте (мужчина, 59 лет, капитан-наставник морского флота), «Я постоянно сам учусь у стажеров, стараюсь идти от простого к сложному, от теории к практике. Могу стажеру дать возможность сделать так, как он хочет, чтобы потом обсудить получившийся результат» (мужчина, 54 года, капитан-наставник речного флота).

Отдельное внимание респонденты обратили на трудности, возникающие в процессе подготовки молодых сотрудников: одна из них связана с «ожиданием руководства качественного обучения стажера в условиях срочного подбора. Но, важнее качество, а не скорость. Некачественно подготовленный специалист принесет больше проблем, чем пользы. Бизнес требует ускорение подготовки. Но многое зависит не только от наставника, но и от способности стажеров» (*мужчина, 61 год, капитан-наставник речного флота*). Другая проблема связана с наличием необходимых для работы с молодежью личностных качеств наставника и педагогических навыков. Респондентами отмечается важность терпения и выдержки при обучении и общении с подопечными: «Нельзя давить индивидуальность, иначе практикант не проявит себя» (*мужчина, 59 лет, капитан-наставник морского флота*). Большое влияние на ожидаемый результат оказывает понимание наставником цели своей деятельности и способов её достижения: «Проблема нехватки кадров стоит очень-очень остро! Поэтому приходится не просто обучать новых сотрудников, а «выращивать» и «воспитывать» (*мужчина, 53 года, руководитель управления безопасности судоходства*).

Ответственным этапом в процессе наставничества является оценка полученных результатов: «Как понять, что человек готов к самостоятельной работе? Нет правильных ответов, если это будущий судоводитель, то важно умение принимать решение» (*мужчина, 53 года, руководитель управления безопасности судоходства*).

Проведенный анализ материалов интервью позволяет сделать вывод о том, что особенностью данного предприятия и определенным залогом его жизнеспособности, является наличие в штате опытных капитанов, которые, в настоящее время, работают «на берегу» и, имея глубокие познания в своей профессиональной деятельности, готовы делиться ими. Потенциал таких сотрудников можно использовать не только в целях обучения молодых специалистов, но и для издания методических материалов и словарей, проведения ознакомительных экскурсий для студентов-практикантов. В числе основных характеристик хорошего наставника — умение коммуницировать, доступно объяснять новое, выдержанность, уважительность, стремление помочь начинающему сотруднику, применяя свои знания и опыт.

ВЫВОДЫ. В условиях кадрового дефицита и конкурентной борьбы за ключевой ресурс, необходимый любой организации, вопрос наставничества и его развития крайне важен. Используя данный инструмент подготовки кадров, менеджмент предприятия может достичь самые сложные и перспективные цели, главной из которых, в настоящих условиях, является формирование и приращение социального капитала организации.

Полученные в ходе опроса мнения, в том числе и экспертные, дали возможность определить, что наставничество — это передача профессионального опыта и личного опыта, способствующая приобретению учениками необходимых знаний и навыков, освоению неписанных норм и правил, сопровождающаяся поддержкой наставника, выполняющего одновременно роль учителя, родителя и друга.

Наставничество — это не только процесс запланированного организационного обучения новичков, но и, непременно, неформальное общение, благотворно сказывающееся на психологическом состоянии воспитанника. Наличие социально-психологического эффекта обусловлено, прежде всего, богатым опытом, мотивацией и профессионально-личностными качествами наставника, который не только учит новому и действовать самостоятельно, но и поддерживает эмоционально, вселяет начинающему специалисту уверенность в успех, формирует устойчивый интерес к профессии.

Анализ литературы по рассматриваемой теме и результаты приведенных эмпирических исследований позволили сформулировать следующие преимущества наставничества:

- Развитие навыков и компетенций участников наставничества;
- Более успешная адаптация к новым условиям работы и их изменениям, формирование положительной мотивации к труду и профессиональной деятельности.

- Построение индивидуальной траектории развития работников, расширение области профессиональных интересов.
- Обеспечение долгосрочного развития и устойчивости организации посредством профессиональной преемственности и создания сильной корпоративной культуры.
- Развитие прочных связей между участниками наставничества, способствующих благоприятному социально-психологическому климату в коллективе.
- Обратная связь и оценка, позволяющие неопытному сотруднику понимать свои сильные и слабые стороны, правильно выстраивать пути личностного развития;
- Расширенные возможности управления знаниями и способностями сотрудников, рациональное использование их потенциала.

Вероятно, что подобные достижения возможны, если система наставничества представляет ценность для руководства организации и поддерживается им, а также выполняется ряд других условий. Согласно результатам проведенного опроса, мотивация быть наставником имеется, что выражается в наличии у сотрудников видения того, что еще нужно сделать для повышения эффективности системы наставничества и обеспечения компании квалифицированными и мотивированными кадрами, в их включенности в организационную жизнь, заинтересованности в успешной и результативной деятельности.

Данное исследование подтвердило ранее изложенные в научных источниках важные способности и характеристики наставника, влияющие на эффективность наставнической деятельности: уметь коммуницировать и обеспечивать обратную связь, проявлять терпение к ошибкам ученика, принимать ответственность на результаты, мотивировать молодежь к освоению профессии, быть требовательным, практико-ориентированным и нацеленным на дальнейшее развитие, обладать гибким мышлением, устанавливать причинно-следственные связи, структурировать процесс обучения.

Для развития и сохранения потенциала корпоративного наставничества, необходимо разрабатывать и внедрять систему поощрения для наставников, предоставлять им возможности участия в программах обучения и совершенствования педагогического мастерства.

При изучении системы наставничества необходимо было учитывать отраслевую специфику предприятия — удаленность экипажей в течение длительного срока, а также, такую острую организационно-управленческую проблему, как повышение текучести кадров (до 50%)⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брод Р. Коучинг и наставничество в профессиональном развитии менеджеров: проблемы и возможности // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 7. С. 57–64.
2. Ирисметова И.И., Масалимова А.Р. Модель и концептуальные подходы к формированию готовности наставников к осуществлению непрофессиональной педагогической деятельности // Вестник МПГУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 16 (4). С. 10–25.
3. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 5. С. 92–112.
4. Концепция развития наставничества в Российской Федерации // Педагог. Наставничество. Лучшие педагогические практики наставничества в Волгоградской области. Волгоград, 2023. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_55367668_29831368.pdf (дата обращения 01.08.2024)
5. Мамонова О.Н., Сосунова И.А., Юрченко О.В. Наставничество в науке как индикатор социального измерения модернизации и научно-технологического развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5 (1). С. 1060–1062.

⁶ Анализ системы наставничества современной организации: социологическое исследование, проведенного в рамках подготовки ВКР (магистерской диссертации) Сиротиной Т.К. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, сентябрь-декабрь, 2023 г. Научный рук. — Рушева А.В.

6. Масалимова А.Р., Баянов Д.И. Модели прошлого и современного наставничества: точки соприкосновения и расхождения в исторической ретроспективе // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 2. С. 162–176.
7. Масалимова, А.Р. Корпоративная подготовка наставников: приоритетные подходы // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 96–99.
8. Сорокин П.А. Человек, общество, цивилизация. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
9. Челнокова Е.А., Тюмасаева З.И. Эволюция системы наставничества в педагогической практике // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 4 (25). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36507347> (дата обращения 01.08.2024)
10. Шкерин А.В. Наставничество как инструмент самообучающейся организации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 109–114.
11. Blau P.M. Exchange and Power in Social Life. Wiley, New York, 1964. 352 p.
12. Clutterbuck, D. Everyone Needs a Mentor. London: CIPD, 2006. 158 p.
13. Gardiner C. Mentoring: Towards a Professional Friendship // Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning. 1998. Vol. 6. № 1–2. P. 77–84.
14. Homans G.C. Social behavior: its elementary forms. New York: Harcourt, Brace & World. 1961. 404 p.
15. Kram K.E. Mentoring at work: developmental relationships in organizational life. Glenview: Scott, Foresman and Company, 1985. 252 p.
16. Lewis G. The mentoring manager: strategies for fostering talent and spreading knowledge. London, Washington, D.C.: Pitman Pub. 1996. 212 p.
17. Maxwell J.C. Mentoring 101: What Every Leader Needs to Know. HarperCollins Leadership. 2008. 128 p.
18. Morrison E.W. Newcomer information seeking: exploring types, modes, sources and outcomes // Academy of Management Journal. 1993. Vol. 36 (1). P. 557–589.

REFERENCES

1. Brod R. *Kouching i nastavnichestvo v professional'nom razvitii menedzherov: problemy i vozmozhnosti* [Coaching and mentoring in the professional development of managers: problems and opportunities] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2005. № 7. S. 57–64. (In Russian).
2. Irismetova I.I., Masalimova A.R. *Model' i konceptual'nye podhody k formirovaniyu gotovnosti nastavnikov k osushchestvleniyu neprofessional'noj pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Model and conceptual approaches to the formation of mentors' readiness to carry out non-professional pedagogical activities] // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2022. № 16 (4). S.10–25. (In Russian).
3. Klarin M.V. *Sovremennoe nastavnichestvo: novye cherty tradicionnoj praktiki v organizatsiyah XXI veka* [Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the 21st century] // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2016. № 5. S. 92–112. (In Russian).
4. *Koncepciya razvitiya nastavnichestva v Rossijskoj Federacii* [The concept of mentoring development in the Russian Federation] // Pedagog. Nastavnik. Nastavnichestvo. Luchshie pedagogicheskie praktiki nastavnichestva v Volgogradskoj oblasti. Volgograd, 2023. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_55367668_29831368.pdf (data obrashcheniya 01.08.2024). (In Russian).
5. Mamonova O.N., Cocunova I.A., Yurchenko O.V. *Nastavnichestvo v nauke kak indikator social'nogo izmereniya modernizatsii i nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya* [Mentoring in Science as an Indicator of the Social Dimension of Modernization and Scientific and Technological Development] // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2022. № 5 (1). S. 1060–1062. (In Russian).
6. Masalimova A.R., Bayanov D.I. *Modeli proshlogo i sovremennogo nastavnichestva: tochki soprikosnoveniya i raskhozhdeniya v istoricheskoy retrospektive* [Models of Past and Modern Mentoring: Points of Contact and Divergence in Historical Retrospective] // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2023. № 2. S. 162–176. (In Russian).
7. Masalimova A.R. *Korporativnaya podgotovka nastavnikov: prioritetnye podhody* [Corporate training of mentors: priority approaches] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013. № 4 (41). S. 96–99. (In Russian).

8. Sorokin P.A. *Chelovek, obshchestvo, civilizaciya* [Man, society, civilization]. M.: Politizdat, 1992. 542 s. (In Russian).
9. Chelnokova E.A., Tyumaseva Z.I. *Evolyuciya sistemy nastavnichestva v pedagogicheskoy praktike* [Evolution of the mentoring system in pedagogical practice] // Vestnik Mininskogo universiteta. 2018. T. 6. № 4 (25). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36507347> (data obrashcheniya 01.08.2024). (In Russian).
10. Shkerin A.V. *Nastavnichestvo kak instrument samoobuchayushcheysya organizacii* [Mentoring as a Tool for a Self-Learning Organization] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2018. № 2 (50). S. 109–114. (In Russian).
11. Blau P.M. *Exchange and Power in Social Life*. Wiley, New York; 1964. 352 p. (In English).
12. Clutterbuck D. *Everyone Needs a Mentor*. London: CIPD; 2006. 158 p. (In English).
13. Gardiner C. *Mentoring: Towards a Professional Friendship* // Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning. 1998, 6 (1–2). Pp. 77–84. (In English)
14. Homans G.C. *Social behavior: its elementary forms*. New York: Harcourt, Brace & World. 1961. 404 p. (In English).
15. Kram K.E. *Mentoring at work: developmental relationships in organizational life*. Glenview: Scott, Foresman and Company, 1985. 252 p. (In English).
16. Lewis G. *The mentoring manager: strategies for fostering talent and spreading knowledge*. London, Washington, D.C.: Pitman Pub. 1996. 212 p. (In English).
17. Maxwell J.C. *Mentoring 101: What Every Leader Needs to Know*. HarperCollins Leadership. 2008. 128 p. (In English).
18. Morrison E.W. *Newcomer information seeking: exploring types, modes, sources and outcomes* // Academy of Management Journal. 1993. Vol. 36 (1). Pp. 557–589. (In English).

5. ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ

5. PROBLEMS OF BRANCH SOCIOLOGIES

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.010

УДК 316.74:61:004

ББК 60.561.6

З.Т. НАСРЕТДИНОВА,
Я.-А.В. ЛЕТО,
А.Р. НАСРЕТДИНОВА

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА СИСТЕМУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Z.T. NASRETDINOVA,
Y.-A.V. LETO,
A.R. NASRETDINOVA

**THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES
ON THE HEALTHCARE SYSTEM
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
A SOCIOLOGICAL ASPECT**

В эпоху цифровой экономики активно развиваются и успешно внедряются «сквозные цифровые технологии» во все сферы деятельности общества, в связи с чем избранная тема исследования представляет значительный интерес не только для экономических наук, но и для смежных отраслей знаний: история, социология, политология и др. Актуальность работы вызвана потребностью публичного управления в совершенствовании системы здравоохранения в эпоху цифровизации. В ходе исследования был изучен широкий круг научных источников российских авторов, посвященных проблемам цифровизации сферы здравоохранения. Для выявления задач цифровой трансформации здравоохранения были проанализированы различные подходы и точка зрения ученых-представителей отраслевых наук (экономики, социологи, философии и др.). Особое внимание было уделено межотраслевым теоретическим исследованиям по данной проблеме. В статье проанализирована правовая среда в области цифровизации системы здравоохранения России. Изучены основные системы, приложения и сервисы цифровой медицинской архитектуры. Представлены основные компании-разработчики современных цифровых помощников в оказании медицинской помощи. Пристальное внимание уделено развитию региональных информационных систем здравоохранения. Результаты исследования имеют теоретическое значение, поскольку они позволяют взглянуть под новым углом на проблему цифровизации здравоохранения, углубляют научные представления и дают новый импульс для продолжения научных исследований по данной проблематике.

In the era of the digital economy, “end-to-end digital technologies” are actively developing and successfully being introduced into all spheres of society, in connection with which the chosen research topic is of considerable interest not only for economic sciences, but also for related branches of knowledge: history, sociology, political science, etc. The relevance of the work is caused by the need for public administration to improve the healthcare system in the era of digitalization. In the course of the study, a wide range of scientific sources of Russian authors devoted to the problems of digitalization of the healthcare sector was studied. In order to identify the tasks of digital transformation of healthcare, various approaches and the point of view of scientists from branch sciences (economics, sociologists, philosophy, etc.) were analyzed. Special attention was paid to intersectoral theoretical research on this problem. The article analyzes

the legal environment in the field of digitalization of the Russian healthcare system. The main systems, applications and services of the digital medical architecture have been studied. The main companies developing modern digital assistants in the provision of medical care are presented. Close attention is paid to the development of regional health information systems. The results of the study are of theoretical importance, since they allow us to look at the problem of digitalization of healthcare from a new angle, deepen scientific ideas and give a new impetus to the continuation of scientific research on this issue.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая эпоха, сквозные цифровые технологии, цифровая экономика, цифровое доверие, телемедицина, пациентоцентричность, датацентричность.

KEY WORDS: digital age, end-to-end digital technologies, digital economy, digital trust, telemedicine, patient-centricity, data-centricity.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время, социально-экономическая сфера Российской Федерации претерпевает глобальную цифровую трансформацию в «цифровой экономике», которой характерна плановый и поступательный переходом к цифровой индустрии. Цифровая эволюция здравоохранения влечёт колоссальные изменения всей системы государственного управления и предоставления услуг в сфере медицинского обслуживания на основе использования цифровых ИКТ, систем, приложений и др.

ЦЕЛЬ исследования — изучить влияние цифровых технологий в системе здравоохранения, выявить положительные и отрицательные стороны данного явления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования были использованы общенаучные и специальные методы познания. К общенаучным методам относятся анализ и синтез, среди специальных методов исследования стоит выделить системный подход, статистические методы исследования, метод сравнительного правоведения и метод включенного наблюдения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Министерство здравоохранения Российской Федерации в рамках национального проекта «Здоровье» разработало Федеральный проект по созданию единого цифрового контура здравоохранения на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) (далее федеральный проект по созданию единого цифрового контура) [12]. Основные стратегические задачи федерального проекта по созданию единого цифрового контура — повысить эффективность государственного управления и регулирования сферы здравоохранения, и реализация электронных ресурсов в личном кабинете пациента «моё здоровье» на портале госуслуг.

До сих пор остро стоит вопрос, о готовности работников медицинских организаций к изменению работы всей сферы здравоохранения в «цифровом пространстве»¹. Создание единой цифровой среды доверия — это важная задача цифровой экономики, которую необходимо будет решить в ближайшее время, так как без доверия никакие цифровые инструменты не будут эффективно реализовываться и функционировать. Уровень цифрового доверия — это одновременно и условие, и проблема цифровизации [1, с.286].

Большой интерес вызывают и современные модели договорных отношений об оказании медицинских услуг с применением сквозных технологий дистанционно. Экономико-правовые риски цифровых дистанционных услуг ежегодно возрастает: 2022 г. — на цифровую трансформацию здравоохранения ушло 13,3 млрд руб. [10, с. 45]. Дистанционная медицина (телемедицина) — это новая модель медицинского обслуживания, одно из быстроразвивающихся и высокотехнологичных сфер здравоохранения. Ключевое преимущество ее — независимость от территориального расположения, как пациентов, так и медицинского учреждения (медработников), и возможность доступа к удалённой информации в режиме реального времени.

¹ Цифровое пространство — это цифровая экосистема, формирующаяся на определённой территории (регион, государство, интеграционное объединение) под влиянием информационных технологий.

Телемедицина позволяет осуществить широкие возможности взаимодействия с отечественными медицинскими организациями, IT-профессионалами, сторонними корпорациями и зарубежными партнёрами.

Изучив данную технологию, авторам представляется, что телемедицина, в частности, решает две задачи [4, с. 7]: во-первых, обеспечивает проведение консультаций дистанционно с участием высококвалифицированных врачей, специалистов по различным направлениям медицинской специализации; во-вторых, способствует своевременной постановке диагноза, метода лечения и медицинской профилактике, обучению медицинским знаниям, получению новых компетенций и навыков, повышению квалификации врачей.

Одним из самых популярных сервисов дистанционной медицины является онлайн консультации, например, «Яндекс.здоровье» [9]. Данный сервис позволяет пациенту получить нужную консультацию квалифицированного специалиста вне зависимости от географического расположения при наличии доступа к сети Интернету. Такие сервисы как «СберЗдоровье», «Доктор Рядом», «Onlinedoctor.ru» и «SmartMed» позволяют вести дневники здоровья с врачебным наблюдением, составлять индивидуальные карты лечения и программы питания, расшифровать анализы, однако помимо сервисов в практике телемедицины применяются и иные цифровые решения.

К примеру, не менее полезными инструментами телемедицины являются и мобильные приложения: «Мобильной доктор», позволяет оплатить медицинские счета, «Доктис» — бесплатно проконсультироваться с дежурным терапевтом в чате, по аудио— или видеосвязи, «Binah.ai» — производит сканирование и мониторинг жизненно важных показателей (пульс, оксигенация, кровяное давление и даже умственный стресс). Binah.ai не просто выдаёт результаты, но и сохраняет их, также может сравнить показатели с нормой. «SkinVision» — это уже узконаправленное приложение специализируется на диагностике кожи. За 30 секунд алгоритм сканирует кожные покровы и оценивает риск возникновения рака по шкале: низкий, средний, высокий.

Нельзя не отметить и то, что согласно национальному проекту «Здоровье» [9, 12], достаточно успешно развивается платформа вертикально-интегрированных медицинских информационных систем, представляющая собой единое информационно-технологическое решение, где осуществляется обеспечение информационной, методической и организационной поддержки участников системы здравоохранения по профилю и/или по направлениям оказания медицинской помощи (ВИМИС) [10, с. 42].

Однако, полноценное функционирование системы ВИМИС возможно только после того, как в едином информационном цифровом пространстве появятся все медицинские организации системы здравоохранения России по профилю и/или по направлениям.

Несмотря на то, что система здравоохранения относительно обеспечена информационными технологиями и прикладными системами, как показывают результаты социологического исследования [3, с. 45] существуют нерешенные проблемы, особенно, в области управления отраслью и непосредственного оказания медицинской помощи населению. Для решения данной задачи, Министерство здравоохранения Российской Федерации выделило ряд медицинских организаций (государственных и муниципальных) и централизованно подключило их к региональной информационной системе здравоохранения. Региональная система здравоохранения основывается на трех категориях пользователей и двухуровневой информации:

1. гражданин/пациент-медицинские работники-органы управления;
2. категория медицинской организации (государственные/муниципальные) — региональный уровень-государственный уровень.

Таким образом, региональная система позволяет решить спектр задач по различным направлениям:

- повышение качества оказываемых медицинских услуг на основе цифровых технологий;

- популяризация ведения здорового образа жизни среди населения на основе современных цифровых информационно-коммуникационных технологиях.

Работы такой системы в субъектах Российской Федерации — неотъемлемый элемент современной цифровизации сферы здравоохранения в целом. Глобальная цифровизация, мобильность, пациентоцентричность², научно-технический прогресс и датацентричность³ стали предпосылками цифровой трансформации сферы здравоохранения [2, с. 647; 6, с. 42]. Анализируя существующую цифровую сеть системы здравоохранения можно выделить четыре ключевых направления:

- 1) умные цифровые технологии позволяют эффективно работать с большим объемом информации, и на их основе принимать и реализовывать верные медицинские решения: нейротехнологии, робототехника, сенсорика, трёхмерная печать, ИИ, портативные электронные датчики.
- 2) облачные вычисления позволяют арендовать необходимую цифровую инфраструктуру, где одновременно могут работать несколько пользователей. Преимущество облачных технологий — это надежная защита информации.
- 3) сверхбыстрые вычисления — это нейропроцессор на сверхпроводниках, который может работать и в классическом, и в квантовом режиме.
- 4) гиперсвязанность — это взаимодействие всех участников системы здравоохранения на единой платформе сети электронного здравоохранения.

Большое значение в цифровой трансформации здравоохранения оказывают и поставщики IT-технологий, например, Philips, разрабатывает программное обеспечение (ПО) для медицинских гаджетов, создает ультразвуковые решения и цифровые реанимации. Нельзя не отметить и роботизированную технику, способную снизить уровень угрозы распространения определённых заболеваний. Роботизированная техника позволяет выполнить определенные задачи вместо медицинского работника. В качестве примера можно привести Youibot. Данная разработка умеет измерять температуру и выявлять первые признаки заболевания, ультрафиолетом дезинфицировать поверхности. Сбербанк запустил робота-дезинфектора, предназначенного для борьбы с вирусами на поверхностях и в воздухе.

Медицинский центр Radboudumc использует в своей практике мобильные устройства, с помощью которых пациенты могут решать различные практические вопросы, связанные с пребыванием в стационаре, например, не вставая с кровати, регулировать освещение в палате, поднимать и опускать шторы и через цифровую табличку снаружи палаты приглашать других пациентов или персонал зайти к ним.

Для решения проблем длительного пребывания в стационаре Radboudumc использовались новейшие цифровые технологии виртуальной реальности, которые помогают не только снять стресс и боль, но и обрести ощущение нормальной жизни. Примечательной чертой виртуальной реальности является ее двойное назначение: ее можно использовать не только в развлекательных целях, но и для коммуникации между медицинскими и медико-социальными работниками и пациентами. Например, медсестра может, с согласия пациента, подключаться

² Пациентоцентричность — это концепция в системе здравоохранения, которая ставит пациента в центр всех процессов оказания медицинской помощи. Этот подход предполагает, что интересы, потребности, ценности и ожидания пациента являются основными приоритетами при планировании, организации и предоставлении медицинских услуг. Пациентоориентированный подход включает в себя активное участие пациента в принятии решений относительно своего здоровья, уважение к его правам и достоинству, а также обеспечение высокого уровня комфорта и удовлетворенности от взаимодействия с системой здравоохранения.

³ Датацентричность — это подход, при котором все решения и процессы в организации строятся вокруг данных. В контексте здравоохранения датацентричность означает, что управление и развитие системы здравоохранения осуществляется на основе анализа больших объемов данных, полученных от пациентов, медицинских учреждений, страховых компаний и других источников. Такие данные включают в себя медицинскую статистику, историю болезней, результаты анализов, эпидемиологические показатели и многое другое. Датацентричный подход помогает оптимизировать работу системы здравоохранения, улучшать качество медицинских услуг и повышать эффективность управления ресурсами.

к его гарнитуре виртуальной реальности и видеть то же, что видит пациент, участвовать в разговоре и помогать ориентироваться в сценарии игры. Это позволяет установить с пациентами более тесную связь, выходящую за рамки обычного взаимодействия с медработниками [6, с. 8].

Понимая, насколько важным для пациентов может быть окно во внешний мир, сотрудники медицинского центра Radboudumc решили сделать виртуальную реальность доступной даже для маленьких детей, которые еще не могут пользоваться гарнитурой. Вместо этого самые маленькие пациенты познают мир через специальный цифровой потолок.

В Индии создание искусственного интеллекта в сопроводительной терапии рака уже стало реальностью. Zenonco.io, признанный первым в Индии центром интегративной онкологии, является пионером в использовании искусственного интеллекта (ИИ) в онкологической помощи, предоставляя комплексную поддержку пациентам с раком. Zenonco.io стремится трансформировать онкологическую помощь в Индии, сделав качественную интегративную онкологическую помощь доступной для всех путем создания платформенного решения (далее платформа). Их подход уникален, поскольку он сочетает в себе традиционное медицинское лечение с дополнительной терапией для продолжения целостного ухода за онкологическими пациентами. Платформа предоставляет глубоко персонализированные сведения для онкологических пациентов, обучаемые командой мультидисциплинарных специалистов, что обеспечивает покрытие каждого аспекта ухода за пациентом, от традиционного лечения до дополнительной терапии. Кроме того, Zenonco.io подчеркивает важность поддержки общества и интегративной онкологии, демонстрируя через социологические исследования, что пациенты, выбравшие интегративную онкологию, жили дольше и имели больше шансов выжить (более пяти лет по сравнению с теми, кто получал только стандартное лечение) [5, с. 259]. Это подчеркивает потенциал сочетания медицинского лечения с поддерживающей терапией для улучшения качества жизни и показателей выживаемости среди онкологических пациентов.

Zenonco.io также запустил первое в Индии приложение для онкологического сообщества, CANNECT, которое объединяет пациентов, опекунов, победивших рак и экспертов. CANNECT позволяет делиться опытом и знаниями, консультироваться с экспертами и лучше планировать лечение. Приложение поддерживает пациентов на всех этапах онкологического пути, от диагностики до лечения и выживания или паллиативного ухода, действуя как виртуальный госпиталь для правильных решений и планирования лечения.

Кроме того, Zenonco.io и его дочерняя организация, Love Heals Cancer, предоставляют полноценный комплексный уход через консультантов, доступных 24/7 для ведения онкологических пациентов в их лечебном пути. Такой уход включает в себя выбор правильного врача-онколога или больницы, прохождение диагностических тестов, получение лекарств для химиотерапии по доступной цене, консультирование по диете, эмоциональному благополучию и другим видам поддерживающей терапии.

Zenonco.io также внесла вклад не только в уход за пациентами, но и в технологические инновации, такие как ZIOPAR (предварительный протокол по интегративной онкологии Zenonco.io), первый в мире инструмент на основе искусственного интеллекта для создания протоколов по лечению рака. Этот инструмент уже помог более, чем 40 000 пациентам, подчеркивая важность использования технологий для улучшения результатов лечения рака, что подчеркивается различными социологическими исследованиями [11, С. 107].

В рамках данного исследования для выявления влияния цифровых технологий на систему здравоохранения Российской Федерации авторы использовали метод включенного наблюдения. Исследование проводилось на базе медицинских учреждений в таких регионах России, как Московская область и Республика Башкортостан. Авторы данной работы провели интервью с медицинским персоналом и пациентами в форме анкетирования.

По результатам анкетирования 78% респондентов (пациенты) отметили, что использование телемедицины позволило получить медицинские консультации из отдаленных районов.

Например, пациенты из Зианчуринского района Республики Башкортостан сообщали о необходимости тратить до 5 часов на поездку к врачу, тогда как инструменты телемедицины (видео-консультации) сократили это время до 30 минут. Внедрение электронных медицинских записей позволило сократить время работы с медицинской документацией до 30%. Также в Красногорской городской больнице № 1 и Московском областном центре охраны материнства и детства (Люберцы) среднее время ожидания пациента в очереди уменьшилось с 45 до 25 минут. В Поликлинике № 4 г. Люберцы 58% врачей утверждают, что цифровизация позволяет более точно поставить диагнозы и назначать лечение, благодаря доступу к большим базам данных, 65% пациентов почувствовали улучшения в качестве предоставляемых медицинских услуг, в частности, быстрая постановка диагноза и назначений.

Респонденты города Уфы Республики Башкортостан (85%) высказали благодарность за возможность записаться на прием к врачам через мобильные приложения (например, «Мой доктор», «К врачу»), 65% Уфимцев посчитали, что современные средства цифровой медицины существенно повысили доверие к медицинским услугам, около 60% — отметили снижение уровня стресса благодаря упрощению процессов записи на прием и получению видео-консультаций, 51% опрошенных отметили, что чувствуют себя более уверенно, имея возможность получить информацию о своем состоянии здоровья через приложения. Однако 40% пациентов выразили опасения по поводу безопасности своих данных, а 30% врачей отметили, что недовольство некоторых пациентов связано с недостаточной осведомленностью о современных технологиях.

В ГБУЗ МО Люберецкая областная больница — 70% медицинских работников заявили о необходимости дополнительного обучения цифровым навыкам для работы с новыми технологиями, так как есть случаи, когда не все сотрудники смогли быстро адаптироваться к изменениям, что порой приводило к ошибкам в обработке данных.

Результаты исследования показывают, что в целом, цифровые технологии модернизируют систему здравоохранения Российской Федерации, однако важно обратить внимание на потребности, вызванные цифровой средой, например, есть острая необходимость в обучении медицинского персонала, создании более понятных интерфейсов для пациентов. Активное внедрение прорывных технологий требует внимания и к вопросам конфиденциальности данных, в связи с чем необходимо выработать комплекс норм кибербезопасности, цифровой и кибергигиены. Важно обеспечить открытое информативное взаимодействие между медицинскими учреждениями и пациентами для повышения уровня доверия. Решение проблем цифровизации позволит облегчить интеграцию прорывных технологий в повседневную практику.

ВЫВОДЫ. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что цифровая трансформация системы здравоохранения России, несмотря на очевидные преимущества, такие как расширение доступа к высококвалифицированной медицинской помощи, возможности дистанционного мониторинга состояния здоровья пациентов, сопряжена с рядом новых вызовов, среди которых, необходимость дополнительного обучения цифровым навыкам для работы с новыми технологиями, обеспечение высокого уровня цифрового доверия со стороны всех участников процесса, упрощение интерфейса цифровых продуктов и др.

Цифровизация здравоохранения, наблюдаемая как в России, так и за рубежом, подтверждает, что внедрение современных технологий (например, телемедицина, мобильные приложения, сервисы, порталы и т.д.) способно значительно повысить качество предоставляемых медицинских услуг и их доступность. Тем не менее, успешная реализация цифровой трансформации требует системного подхода, учитывающего как технологические, так и социально-психологические факторы. Важнейшими задачами цифровой среды являются повышение уровня технической (цифровой) грамотности медицинских специалистов, пациентов, формирование единой цифровой экосистемы и укрепление доверительных цифровых отношений между пациентами и медицинскими учреждениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балтина А.М. Повышение эффективности государственного финансирования экономики // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: Материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 05–06 октября 2023 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 285–288.
2. Борисюк Н.К., Кирхмейер Л.В. Устойчивое развитие экономики региона // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: Материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 05–06 октября 2023 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 645–649.
3. Бузин В.Н., Михайлова Ю.В., Бузина Т.С., Чухриенко И.Ю., Шикина И.Б., Михайлов А.Ю. Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006–2019): обзор социологических исследований // Профилактическая медицина. 2020 № 23(3). С. 42–47.
4. Власова В.Н. Цифровизация российской системы здравоохранения: перспективные направления и риски // Медицинская этика. 2021. Т. 9, № 3. С. 4–8.
5. Егорова А.В. Цифровизация системы здравоохранения регионов в условиях цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1(2). С. 256–261.
6. Камышова А.Б., Попова Е.М. Государственное регулирование экономики: теория и практика стабилизационной политики // Банковские услуги. 2024 № 4. С. 2–10.
7. Минаков, А.В., Суглобов А.Е. Финансирование развития цифровой экономики в современных условиях // Russian Journal of Management 2024. Т. 12, № 1. С. 37–49.
8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474.
9. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2024 № 959-р.
10. Парасоцкая, Н.Н., Шокот О.В, Васильева Л.Ю Развитие цифровизации в сфере здравоохранения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 4, № 1(144). С. 41–49.
11. Павленко Е.В., Петрова Л.Е. О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 103–110.
12. Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)». URL: <https://legalacts.ru/doc/natsionalnyi-proekt-zdravookhranenie-federalnyi-proekt-sozdanieedinogotsifrovogo-kontura/> (дата обращения: 20.06.2024).

REFERENCES

1. Baltina A.M. *Povyshenie effektivnosti gosudarstvennogo finansirovaniya ekonomiki* [Improving the efficiency of state financing of the economy] // *Razvitie i vzaimodejstvie real'nogo i finansovogo sektorov ekonomiki v usloviyakh cifrovoj transformacii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Orenburg, 05–06 oktyabrya 2023 goda. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 285–288. (In Russian).
2. Borisjuk N.K., Kirchmeier L.V. *Ustojchivoe razvitie ekonomiki regiona* [Sustainable development of the regional economy] // *Razvitie i vzaimodejstvie real'nogo i finansovogo sektorov ekonomiki v usloviyakh cifrovoj transformacii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Orenburg, 05–06 oktyabrya 2023 goda. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 645–649. (In Russian).
3. Buzin V.N., Mixajlova Yu.V., Buzina T.S., Chuxrienko I.Yu., Shikina I.B., Mixajlov A. Yu. *Rossijskoe zdravookhranenie glazami naseleniya: dinamika udovletvorennosti za poslednie 14 let (2006–2019): obzor sociologicheskix issledovanij* [Russian healthcare through the eyes of the population: the dynamics of satisfaction over the past 14 years (2006–2019): a review of sociological research] // *Profilakticheskaya medicina*. 2020 № 23(3). S. 42–47. (In Russian).

4. Vlasova V.N. *Cifrovizaciya rossijskoj sistemy` zdravooxraneniya: perspektivny`e napravleniya i riski* [Digitalization of the Russian healthcare system: promising areas and risks] // *Medicinskaya e`tika*. 2021. T. 9, № 3. S. 4–8. (In Russian).
5. Egorova A.V. *Cifrovizaciya sistemy` zdravooxraneniya regionov v usloviyax cifrovoj e`konomiki* [Digitalization of the regional healthcare system in the digital economy] // *Nauchny`j ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*. 2018. № 1(2). S. 256–261. (In Russian).
6. Kamysheva A.B., Popova E.M. *Gosudarstvennoe regulirovanie e`konomiki: teoriya i praktika stabilizacionnoj politiki* [State regulation of the economy: theory and practice of stabilization policy] // *Bankovskie uslugi*. 2024. № 4. S. 2–10. (In Russian).
7. Minakov, A.V., Suglov A.E. *Finansirovanie razvitiya cifrovoj e`konomiki v sovremenny`x usloviyax* [Financing the development of the digital economy in modern conditions] // *Russian Journal of Management* 2024. T. 12, № 1. S. 37–49. (In Russian).
8. *O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii* [On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation] data 07.21.2020. № 474. (In Russian).
9. *Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti cifrovoj transformacii zdravooxraneniya: rasporyazhenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii* [On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of healthcare: Decree of the Government of the Russian Federation] data 04.17.2024. № 959-R. (In Russian).
10. Parasotskaya, N.N., Shokot O.V., Vasilyeva L. *Razvitie cifrovizacii v sfere zdravooxraneniya* [The development of digitalization in the field of healthcare] // *E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya*. 2024. T. 4, № 1(144). S. 41–49. (In Russian).
11. Pavlenko E.V., Petrova L.E. *O gotovnosti vrachej k ispol`zovaniyu novejshix informacionno-kommunikacionny`x texnologij v zdravooxranenii* [On the readiness of doctors to use the latest information and communication technologies in healthcare] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. № 4. S. 103–110. (In Russian).
12. *Federal`ny`j projekt «Sozdanie edinogo cifrovogo kontura v zdravooxranenii na osnove edinoj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy` v sfere zdravooxraneniya (EGISZ)»* [The federal project “Creation of a single digital contour in healthcare based on the unified state information system in the field of healthcare (EGISZ)”]. URL: <https://legalacts.ru/doc/natsionalnyi-proekt-zdravookhranenie-federalnyi-proekt-sozdanieedinogo-tsifrovogo-kontura/> (data obrashheniya: 20.06.2024). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.011

УДК 316.32:004

ББК 60.521.2

Н.Б. КОСТИНА,
А.А. ЧИЖОВ**ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА**N.B. KOSTINA,
A.A. CHIZHOV**THE IMPACT OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE ON THE TRANSFORMATION
OF DIGITAL DIDIVE**

Искусственный интеллект является одним из наиболее динамично развивающихся комплексов технологий, и его влияние на современное общество становится все более очевидным. Если ранее искусственный интеллект использовался преимущественно в математических и инженерно-технических областях науки, то сейчас технологии искусственного интеллекта уже применяются в ключевых сферах общественной жизни, и в дальнейшем практика его применения будет расширяться. В связи с динамичностью распространения искусственного интеллекта актуальным становится выявление его влияния на возможную трансформацию цифрового неравенства. В статье предпринята попытка проанализировать возможные направления трансформации цифрового неравенства под влиянием искусственного интеллекта. Используя концепцию трех уровней цифрового неравенства, авторы приходят к выводу, что искусственный интеллект может оказать как положительное влияние на нивелирование цифрового неравенства (в части необходимости создания и предиктивного обслуживания информационной инфраструктуры, персонализированного подхода к обучению и повышению мотивации использования цифровых технологий), так и отрицательное (в части ограничения доступа к технологиям искусственного интеллекта и увеличения экономического разрыва между организациями, использующими цифровые технологии). Сформулировано предположение, что широкое применение технологий искусственного интеллекта может сформировать новый уровень цифрового неравенства, выражающийся в новом способе квантификации общества и возможной дискриминации при реализации прав человека.

Artificial intelligence is one of the fastest growing sets of technologies, and its impact on modern society is becoming increasingly clear. If previously artificial intelligence was used mainly in mathematical and engineering fields of science, now artificial intelligence technologies are already being used in key areas of public life, and in the future the practice of using artificial intelligence will expand. Due to the dynamic spread of artificial intelligence, its impact on the possible transformation of the digital divide becomes relevant. The authors made an attempt to analyze possible directions for the transformation of digital divide under the influence of artificial intelligence. Using the concept of three levels of digital divide, the authors come to the conclusion that artificial intelligence can have both a positive impact on leveling the digital divide (in terms of analyzing the need for the creation and predictive maintenance of information infrastructure, a personalized approach to learning and increasing motivation to use digital technologies), and negative impact (in terms of limiting access to artificial intelligence technologies and increasing the economic gap between organizations using digital technologies). The authors suggested that the widespread use of artificial intelligence technologies can create a new level of digital inequality, expressed in a new way of quantifying society and possible discrimination of human rights

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, цифровое неравенство, уровни цифрового неравенства, социальное неравенство, Интернет

KEY WORDS: artificial intelligence, digital divide, levels of digital divide, social inequality, Internet

ВВЕДЕНИЕ. В современном мире при решении общественно значимых задач и организации общественных отношений все чаще применяются технологии и методы искусственного интеллекта. Технологии искусственного интеллекта используются в сферах здравоохранения, образования, управления транспортом, обеспечения безопасности, финансовом секторе, секторе предоставления государственных услуг и т.д. О революционном характере использования технологий искусственного интеллекта заявил Президент России В.В. Путин: «С внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение, все сферы нашей жизни — человечество начинает новую главу своего существования»¹.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года², искусственный интеллект может вызвать резкое повышение производительности труда, что будет способствовать росту мирового ВВП, повышению качества выпускаемой продукции и росту оплаты труда специалистов во всех отраслях экономики.

По мнению академика В.М. Глушкова, искусственный интеллект представляет собой систему, с помощью которой решаются «сложные задачи подобно человеку, но, возможно, не так, как это делает человек» [3, с. 112]. С. Рассел и П.Норвиг под искусственным интеллектом понимают интеллект, демонстрируемый компьютерными системами, позволяющий им воспринимать окружающую среду и выполнять какие-либо действия для наиболее эффективного достижения целей [11, с. 14].

Согласно законодательству Российской Федерации, искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека³. При этом комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Таким образом, искусственный интеллект фактически имитирует когнитивные способности человека в целях наиболее эффективного решения задач, стоящих перед человеком, получая результаты, как минимум, не хуже, чем человек.

Методы искусственного интеллекта используются не только в качестве вычислительных инструментов, но и в качестве «аналогий, метафор, когнитивных моделей и мировоззренческих подходов» [8, с. 292]. Если сначала в разработке искусственного интеллекта участвовали кибернетика, информатика, математика, биология, инженерно-технические науки, то в последнее время к ним присоединились социология, экономика, юриспруденция, политология и иные науки [5, с. 93].

Искусственный интеллект оказывает все большее влияние на жизнь людей, что подтверждается результатами опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2021 году. Так, 79% опрошенных высказали мнение, что государству

¹ Путин назвал искусственный интеллект новой страницей в истории человечества. [Putin called artificial intelligence a new chapter in the life of humanity]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 20.08.2024)

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимо способствовать развитию технологий искусственного интеллекта, прежде всего, в финансовом секторе, получении государственных услуг и сфере образования⁴.

Результаты применения искусственного интеллекта уже сейчас используются индивидами и предоставляют такие преимущества, как автоматизация рутинных процессов, анализ больших массивов данных, имитационное моделирование и т.д. Вместе с тем применение искусственного интеллекта как комплекса информационных технологий оказывает ключевое влияние на трансформацию цифрового неравенства.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является анализ степени влияния искусственного интеллекта на трансформацию цифрового неравенства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Цифровое неравенство представляет собой новую форму социальной стратификации современного общества, вызванную неравным доступом индивидов к сети Интернет, их различиями в навыках работы в сети, целями и мотивацией использования цифровых продуктов, определяющих жизненные шансы индивида. Современные измерения цифрового неравенства, как правило, проводятся на трех уровнях [2, с. 44]:

Первый уровень цифрового неравенства проявляется в разной доступности к сети Интернет, обусловленной наличием (отсутствием) информационной инфраструктурой;

Второй уровень цифрового неравенства характеризуется различиями в цифровых навыках индивидов и их цифровой грамотности;

Третий уровень цифрового неравенства измеряется различиями в получаемых от использования цифровых технологий преимуществах и мотивации использования индивидами сети Интернет.

Таким образом, можно определить векторы направления трансформации цифрового неравенства под влиянием искусственного интеллекта:

Искусственный интеллект способствует преодолению цифрового неравенства;

Искусственный интеллект усугубляет цифровое неравенство;

Искусственный интеллект является фактором, детерминирующим новый уровень цифрового неравенства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Рассмотрим каждый из предложенных векторов подробнее.

1. Искусственный интеллект способствует преодолению цифрового неравенства.

С помощью искусственного интеллекта может решаться проблема цифрового неравенства первого уровня, то есть неравенства по поводу физического доступа в сеть Интернет. Искусственный интеллект дает возможность анализировать потребности больших групп населения в определенных услугах, в том числе в создании и развитии информационной инфраструктуры, прогнозировать маршруты передвижения пользователей сети Интернет, обеспечивать предиктивное обслуживание, то есть проводить объективную и своевременную оценку необходимости технического обслуживания информационной инфраструктуры [1, с. 48]. Таким образом, искусственный интеллект способен объективно оценить необходимость создания информационной инфраструктуры в конкретной местности на основе потребностей ее населения и обеспечивать своевременное техническое обслуживание.

Искусственный интеллект может качественно изменить неравенство, вызванное различиями в уровне владения цифровыми навыками. Так, одной из причин отказа от получения или улучшения цифровых навыков является сложность их изучения, боязнь нового и неуверенность в своих силах. Искусственный интеллект может помочь определить стиль обучения учащегося, создать персонализированные учебные программы. Индивидуальный подход, создаваемый с помощью искусственного интеллекта, дает возможность получить качественное образование, в том числе в сфере цифровых технологий.

⁴ Искусственный интеллект: благо или угроза? [Artificial intelligence: benefit or threat?]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-bлаго-ili-ugroza> (дата обращения: 29.08.2024).

С помощью средств искусственного интеллекта может быть решена проблема цифрового неравенства третьего уровня, то есть неравенства по мотивации использования сети Интернет и получаемым преимуществам. Посредством технологий искусственного интеллекта автоматизируются процессы. Контекстный контент, созданный с помощью технологий искусственного интеллекта, может повысить мотивацию использования цифровых технологий.

Автоматизация с использованием искусственного интеллекта устраняет многие повторяющиеся и рутинные задачи, которые часто могут привести к человеческим ошибкам. Конечным результатом применения технологий искусственного интеллекта является то, что он может повысить эффективность бизнеса, увеличить объем производства, сократить сроки выполнения работы, улучшить качество продукции и повысить безопасность рабочего места и продукции.

Ключевой сферой применения технологий искусственного интеллекта в целях нивелирования цифрового неравенства третьего уровня может являться организация предоставления государственных и муниципальных услуг. Перевод в электронный вид абсолютного большинства массовых социально значимых услуг, осуществляемый в настоящее время, противоречит принципу доступности обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления государственных и муниципальных услуг, поскольку требует от заявителя цифровых компетенций, тем самым маргинализируя группы индивидов, не имеющих необходимых цифровых навыков.

Вместе с тем в 2024 году в целях персонализированного информирования планируется внедрить технологии искусственного интеллекта в работу портала предоставления государственных и муниципальных услуг⁵. Применение искусственного интеллекта позволит отвечать на конкретные вопросы граждан короткими и понятными ответами, сокращая путь пользователя. Кроме того, искусственный интеллект сможет генерировать ответ из базы знаний на конкретный вопрос, ориентируясь на сформулированную жизненную ситуацию.

Таким образом, повышается мотивация использования цифровых технологий и могут быть получены дополнительные преимущества от использования цифровых продуктов. Получение дополнительных преимуществ позволит сократить цифровое неравенство третьего уровня.

2. Искусственный интеллект усугубляет цифровое неравенство. Несмотря на очевидные преимущества, применение искусственного интеллекта влечет за собой ряд угроз. В частности, рынок искусственного интеллекта характеризуется наличием крупнейших компаний, определяющих конъюнктуру рынка, среди которых OpenAI, Microsoft, Google. Большинство разработчиков обозначают открытость своих моделей искусственного интеллекта, что позволяет пользователям данных моделей использовать открытый код, то есть загружать, изменять и использовать модель бесплатно. Вместе с тем компаниями вводится ряд ограничений, препятствующих совершенствованию моделей. Первое препятствие — данные, необходимые для обучения сложных моделей, часто являются коммерческой тайной. Второе — платформы для разработки таких моделей обычно контролируются крупными корпорациями. Еще одним препятствием является необходимая для применения технологий искусственного интеллекта вычислительная мощность, стоимость которой может достигать десятков миллионов долларов. И, наконец, для улучшения таких моделей также требуется значительное количество человеческих трудозатрат, которые обычно могут позволить себе только большие компании, выделяющие на искусственный интеллект обширные бюджеты [13].

Таким образом, на рынке искусственного интеллекта создана олигополия, препятствующая развитию конкуренции, что впоследствии может сказаться на доступности технологий

⁵ Об утверждении Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан и плана графика ее реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2022 г. № 837-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

искусственного интеллекта и усугубит цифровое неравенство первого уровня, поскольку крупные компании могут определять доступность технологий искусственного интеллекта.

Еще одной угрозой массового применения искусственного интеллекта является усугубление цифрового неравенства третьего уровня. Как отмечают А.Г. Тертышникова и др., одной из важных проблем в обучении нейросетей является информация, дискриминирующая различные социальные группы, из-за обучения на источниках, содержащих стереотипные предрассудки, и ведущие к социальному неравенству [6, с. 24]. Так, согласно отчету Дж. Дрессель и Х. Фарид, применение технологий искусственного интеллекта в системе уголовного правосудия США приводило к ошибочным результатам практически в половине случаев [9]. Кроме того, применение искусственного интеллекта в образовательной среде также несет риски неравенства обучающихся. Технологии искусственного интеллекта (сервисы, с помощью которых текст заменяется синонимами) позволяют увеличить объем плагиата в студенческих работах, что влечет к девальвации выставляемых оценок. Таким образом, обучающиеся, имеющие возможность использования подобных сервисов, имеют более высокие шансы получить положительную оценку.

Наконец, применение искусственного интеллекта усугубляет цифровое неравенство по факторам преимуществ, получаемых от использования цифровых технологий. Применение технологий искусственного интеллекта несет очевидные преимущества как для индивидов, так и для организаций.

Так, в финансовой сфере технологии искусственного интеллекта используют данные о потребителях, предложениях конкурентов и операциях на рынке. Доступность данных о ценах конкурентов или операциях при высокой степени прозрачности рынка делает сговор более вероятным. Алгоритмы могут определять сигналы, действовать в соответствии с ними по заранее установленным правилам принятия решений и отслеживать факт принятия приглашения к сговору потенциальными членами картеля [4, с. 12].

Организации, использующие искусственный интеллект, могут также злоупотреблять своим положением. В частности, в 2017 году компания Google злоупотребила своим доминирующим положением на рынке поисковых онлайн-сервисов. Было установлено, что алгоритмы компании отдавали предпочтение собственным сервисам, выделяя их в специальных полях, в то время как к результатам конкурентов применялись корректирующие алгоритмы, понижающие их рейтинг в общем поиске [10].

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта способно усугубить цифровое неравенство на всех уровнях.

3. Искусственный интеллект является фактором, детерминирующим новый уровень цифрового неравенства. Возможности применения технологий искусственного интеллекта позволяют прогнозировать появление принципиально нового уровня цифрового неравенства.

Так, технологии искусственного интеллекта уже сегодня применяются при оценке деятельности отдельных индивидов и организаций в целях создания системы «социального рейтинга», то есть ранжирования граждан и организаций по степени благонадежности для государства.

Главным идеологом использования системы социального рейтинга стал Китай. На основе инструментов массового наблюдения и технологий анализа больших данных используется свыше 160 тысяч критериев, посредством которых каждому гражданину даются баллы. В случае, если рейтинг гражданина составляет ниже определенного количества баллов, он не может претендовать на замещение широкого перечня вакансий, получать кредиты и пользоваться многими общественными благами и льготами [7].

Вместе с тем система социального рейтинга имеет ряд неопределенностей и проблем, являющихся, на наш взгляд, угрозами формирования нового уровня цифрового неравенства. Прежде всего, неясны критерии оценки благонадежности гражданина и субъекты, определяющие данные критерии. Для большинства граждан непонятна система оценки

социального рейтинга. Как отмечают М. Федоров и Ю. Линдре, в КНР система работает по принципу «черного ящика», то есть без объяснения причин и обстоятельств, по которым искусственный интеллект принимает те или иные решения.

Таким образом, искусственный интеллект является способом квантификации общества. По сути, применение технологий искусственного интеллекта при оценке граждан является новой формой дискриминации, поскольку обязывает людей действовать согласно некоему цифровому своду правил для получения каких-либо услуг.

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует подобная система социального рейтинга. Вместе с тем одним из приоритетов развития государственного управления является исключение участия человека из процесса принятия решений, то есть принятие решения по заданным алгоритмам. Таким образом, искусственный интеллект будет влиять на принятие государственных решений без участия человека.

Как отмечает С. Мау, «единственным способом оставаться за пределами квантификации — не оставлять цифровой след, что подразумевает добровольный выход из соответствующих контекстов цифровых коммуникаций и сетевого взаимодействия» [11, с. 33]. Однако цифровой след остается вне зависимости от желания индивида, поскольку уже сегодня производится сбор и анализ информации с помощью системы городского видеонаблюдения или при использовании привычной для многих электронной системы платежей.

Таким образом, расширение практики применения технологий искусственного интеллекта может сформировать принципиально новый уровень цифрового неравенства, который будет оказывать значительное влияние на ключевые аспекты деятельности человека.

ВЫВОДЫ. Применение технологий и методов искусственного интеллекта оказывают неоднозначное влияние на общественные процессы и явления, в том числе на трансформацию цифрового неравенства. Авторами определено, что применение технологий искусственного интеллекта в обеспечении персонализированного подхода к пользователю может способствовать нивелированию цифрового неравенства. Вместе с тем алгоритмы искусственного интеллекта являются технически сложными и финансово затратными технологиями, что способствует формированию олигополии и неравному доступу к цифровым технологиям. Кроме того, ввиду особенностей работы алгоритмов искусственного интеллекта применение технологий может дискриминировать различные социальные группы. Наконец, искусственный интеллект может стать новым уровнем цифрового неравенства, поскольку формирует квантификацию общества.

В связи с этим, применение технологий искусственного интеллекта требует не только технического и технологического развития, но и соответствия социальным и этическим требованиям общественного прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева И.Л. Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий / И.Л. Авдеева, Е.Ю. Андиева, В.Б. Афанасьев. Орел: Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2019. 222 с.
2. Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72.
3. Глушков В.М. Введение в кибернетику. Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1964. 324 с.
4. Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке. Доклад Центрального Банка Российской Федерации для общественных консультаций. М, 2023. 52 с.
5. Петрунин Ю.Ю. Развитие концепции социального искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-sotsialnogo-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 05.08.2024).

6. Тертышникова А.Г., Павлова У.О., Цимбал М.В. Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5. № 4. С. 23–30.
7. Федоров М.Ф., Линдре Ю.А. Искусственный интеллект и социальный рейтинг: начало эпохи цифрового концентрационного лагеря «в интересах человечества»? 2021. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-i-sotsialnyy-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v/> (дата обращения: 03.08.2024)
8. Andreyuk D.S., Petrunin, Yu. Shuranova, A. and Ushakov V.L. Information agenda as an analogue of attention in sociomorphic neuronal networks, *Procedia computer science*. 2022. № 213. Pp. 292–295.
9. Dressel J. & Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism. *Science Advances*, 2018. 4(1).
10. Google Shopping: General Court of the European Union. European Commission, 2021.
11. Mau S. Numbers matter! The society of indicators, scores and ratings, *International Studies in Sociology of Education*. 2020. V. 29, № 1–2, pp. 19–37.
12. Russell S.J. and Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Hoboken: Pearson, 2021. 133 p.
13. Knight W. The Myth of 'Open Source' AI, *Wired*. 2023. URL: <https://www.wired.com/story/the-myth-of-open-source-ai/> (дата обращения: 05.08.2024).

REFERENCES

1. Avdeeva I.L., Andieva E.Yu., and Afanas'ev, V.B. *Cifrovaya ekonomika: problemy i posledstviya sovremennykh tekhnologiy* [Digital economy: problems and consequences of modern technologies] / I.L. Avdeeva, E. Yu. Andieva, V.B. Afanas'ev. Orel: Srednerusskij institut upravleniya — filial RANHiGS, 2019. 222 s. (In Russian).
2. Gladkova A.A., Garifullin V.Z., and Ragnedda, M. *Model' trekh urovnej cifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranicheniya (na primere issledovaniya Respubliki Tatarstan)* [Model of three levels of the digital divide: current advantages and limitations (as exemplified by the Republic of Tatarstan)] // *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, № 4. S. 41–72. (In Russian).
3. Glushkov V.M. *Vvedenie v kibernetiku* [Introduction to cybernetics], Kiev: Izd-vo Akademii nauk USSR, 1964. 324 s. (In Russian).
4. *Primenenie iskusstvennogo intellekta na finansovom rynke. Doklad Central'nogo Banka Rossijskoy Federacii dlya obshchestvennykh konsul'tacij* [Application of artificial intelligence in the financial market. Report of the Central Bank of the Russian Federation for public consultation], M, 2023. 52 s. (In Russian).
5. Petrunin Yu.Yu. *Razvitie koncepcii social'nogo iskusstvennogo intellekta* [Development of the concept of social artificial intelligence] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-sotsialnogo-iskusstvennogo-intellekta> (data obrashcheniya: 05.08.2024). (In Russian).
6. Tertyshnikova A.G., Pavlova U.O., and Tsimbal, M.V. *Social'noe isklyuchenie kak pobochnyy effekt mekhanizmov nejroobucheniya* [Social exclusion as a side effect of machine learning mechanisms]. *Cifrovaya sociologiya*. 2022. T. 5. № 4. S. 23–30. (In Russian).
7. Fedorov M.F., and Lindre Yu.A. *Iskusstvennyy intellekt i social'nyy rejting: nachalo epokhi cifrovogo koncentracionnogo lagerya «v interesah chelovechestva»?* [Artificial intelligence and social rating: the beginning of the era of digital concentration camp “in the interests of humanity”?], available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-i-sotsialnyy-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v/> (data obrashcheniya: 03.08.2024). (In Russian).
8. Andreyuk D.S., Petrunin, Yu. Shuranova, A. and Ushakov V.L. *Information agenda as an analogue of attention in sociomorphic neuronal networks*, *Procedia computer science*. 2022. № 213, pp. 292–295. (In English).
9. Dressel J. & Farid, H. *The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism*. *Science Advances*, 2018. 4(1). (In English).
10. *Google Shopping: General Court of the European Union*. European Commission, 2021. (In English).

11. Mau S. *Numbers matter! The society of indicators, scores and ratings*. International Studies in Sociology of Education, 2020. V. 29. № 1-2. Pp. 19—37. (In English).
12. Russell S.J. and Norvig, P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Hoboken: Pearson, 2021. 133 p. (In English).
13. Knight W. The Myth of 'Open Source' AI, Wired. 2023. URL: <https://www.wired.com/story/the-myth-of-open-source-ai/> (data obrashcheniya: 05.08.2024). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.004

УДК 316.775

ББК 60.524.224.51

В.В. ГАВРИЛОВ

**«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЖУРНАЛИСТОМ?»
(К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АКТОРОВ
МЕДИАПРОСТРАНСТВА УРФО)**

V.V. GAVRILOV

**«IS IT EASY TO BE A JOURNALIST?»
(ON THE ISSUE OF PROFESSIONAL SELF-
IDENTIFICATION OF ACTORS IN THE MEDIA
SPACE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)**

Статья посвящена описанию проблем профессиональной самоидентификации современных журналистов. На основе данных, полученных в результате анкетирования, а также опираясь на материалы творческих работ (эссе) на тему «Легко ли быть журналистом?» студентов СурГПУ, автор отмечает наметившиеся и все более усиливающиеся противоречия между социальным заказом в условиях цифровизации СМИ и восприятием профессии, своего места в медиапространстве как начинающих, так и уже состоявшимися журналистами. Акторы медиапространства УрФО зачастую не фиксируют актуальных трансформаций в СМИ и считают, что обладают достаточными компетенциями, чтобы быть конкурентоспособными на рынке медиауслуг. В условиях усиливающейся конкуренции с «общественными журналистами» и искусственным интеллектом такая стратегия для профессиональных журналистов является неэффективной. В этой связи предлагается в рамках отечественного медиаобразования скорректировать подходы к обучению будущих журналистов и выстроить учебные курсы, а также производственные практики таким образом, чтобы учесть новейший социальный запрос и те изменения, которые происходят в отечественной журналистике (цифровизация, конвергенция жанров, виртуализация медиапространства).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональная идентификация, цифровизация, конвергенция, СМИ, медиапространство, медиапродукт, социализация, профессионализация.

KEY WORDS: professional identification, digitalization, convergence, mass media, media space, media product, socialization, professionalization.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время в российском обществе происходят серьезные трансформации. По ряду причин идеи глобализации и теория потребления для россиян становятся все менее популярными, актуализируются вопросы национальной и культурной идентичности. Возвращение к корням, к традиционным духовно-нравственным ценностям затрагивают все без исключения области человеческой деятельности: образование, культуру, экономику, политику и т.д. По сути, мы можем говорить о новом социальном заказе, о смене вектора развития нации, его социальных структур и страт. Безусловно, эти изменения не могли не затронуть и отечественную журналистику. Более того, являясь посредником между государственными институтами и социумом, СМИ должны первыми реагировать на новый социальный заказ, транслировать данные установки, менять общественное мнение (воздействующая функция журналистики). Добавим к этому такие трансформации последних десятилетий, как виртуализация и цифровизация медиапространства, конвергенция жанров. Приходится констатировать, что не все журналисты готовы к подобным

переменам, переход на новые технологии, работа в различных знаковых системах, обновленный социальный заказ — все это является своего рода вызовом как практикующим журналистам, так и медиапедагогам, готовящим будущих журналистов в вузах.

Не будем забывать об усилившейся конкуренции со стороны новых медиа, курируемых «общественными» (или «гражданскими») журналистами, а также — со стороны искусственного интеллекта (ИИ).

Под «новыми медиа» мы, вслед за В.Ф. и Е.В. Олешко, понимаем медиапродукты (основная цель которых — привлечение внимания и материальных средств («монетизация») инфлюэнсеров (известных блогеров, влогеров, авторов ЖЖ, популярных политиков, телеведущих и звезд эстрады). В данном случае речь идет о конъюнктуре, желании соответствовать моде, коммерциализации СМИ, и если говорить прямо, — об отказе от основополагающих принципов журналистики, базовыми из которых являются объективность и аналитика, а не погоня за тиражом и прибылью.

Решение проблемы авторы видят в подготовке журналистов новой формации, творческих, владеющих цифровыми инструментами, имеющих четкую гражданскую позицию, «индивидуальные технологии, умения и навыки владения новыми техническими устройствами и программным обеспечением являются важнейшими характеристиками любого современного субъекта информационной деятельности, тем более профессионала-журналиста, работающего в данной сфере» [Там же, с. 139]. Способности применять навыки творчества в сфере СМИ, преодолевать существующие трудности, адекватно отвечать на социальный запрос являются залогом успешной профессиональной идентификации молодого специалиста, способны обеспечить его конкурентоспособность на медиарынке и высокий уровень социализации.

В этой связи, **ЦЕЛЬ** статьи — на основе собранных эмпирическим путем данных обозначить ключевые проблемы профессиональной самоидентификации современных журналистов в Уральском федеральном округе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе использовались метод теоретико-методологического анализа и метод дискурсивной рефлексии, основанный на построении теоретических положений и формулировке рекомендаций на основе имеющегося практического опыта. Основными стали методы анкетирования (стандартизированное интервью) специалистов в области медиакommunikаций и студентов-журналистов УрФО и создания эссе студентами-журналистами Сургутского государственного педагогического университета.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Говоря о социальной идентичности журналистов УрФО в условиях цифровизации СМИ, мы, прежде всего, обращаем внимание на такую ее разновидность, как профессиональная идентичность специалиста, итог «профессиональной рефлексии индивида, который считает профессию призванием и относит себя к адептам профессионального общества» [5, с. 98]). Для нас, в данном случае, ключевой является задача определить, как современные реалии, внешние и внутренние факторы влияют на идентичность журналиста и как особенности последней затем отражаются в материалах СМИ.

В одном из своих исследований Н.А. Перинская так определяет понятие «профессиональная идентичность»: это «осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как «своего». Профессиональная идентичность является результатом профессиональной социализации и контролируемого процесса становления в человеке образа его «Я» как профессионала. В процессе профессиональной социализации происходит усвоение индивидом определенных профессиональных знаний, навыков, умений, накопление профессионального опыта, овладение стандартами, ценностями, язы-

ком профессионального сообщества, приобщение к соответствующей субкультуре. Особой чертой профессиональной социализации является то, что она предполагает наличие определенной профессии и происходит с индивидом, уже сформировавшимся как личность» [7, с. 209]. Опираясь на определение, можем сделать вывод о том, что профессиональная идентичность включает в себя не только овладение профессиональными навыками, но постижение культурных ценностей, принятых в социуме или профессиональной группе. Сюда следует добавить навыки коммуникации, речевого взаимодействия, овладение стандартами, приобретение опыта воздействия на аудиторию.

По мнению исследователя Е.В. Каманиной, структура профессиональной идентичности современных журналистов включает следующие основные компоненты: «когнитивный компонент (сфера профессиональных знаний, в том числе образование, квалификация); ценностный компонент (нормы, ценности, правила, удовлетворенность своим положением); профессионально-практический компонент (членство в профессиональных сообществах, понимание влияния профессии на современное общество); личностный компонент (гражданская позиция, любознательность, интеллектуальное лидерство)» [1, с. 90]. Ключевыми для нас являются такие аспекты, как ценностный и личностный, поскольку именно они имеют непосредственное отношение к культуре народа, могут быть соотнесены с мировоззрением и в целом с самоидентификацией журналиста. Автор выделяет те параметры, которые необходимо формировать у студентов-журналистов на этапе обучения в вузе: «Понимание роли журналиста в условиях модернизации общества; сочетание классических приемов журналистики с методами, эффективными в новых социальных медиа; постоянное развитие профессиональных компетенций, отвечающих требованиям информационной объективности и гражданского неравнодушия» [Там же]. Как видим, здесь отмечена гражданская позиция, работа в обновленном (цифровом) пространстве и в рамках конвергентной журналистики. К этому списку мы бы добавили знание журналистом концептосферы культуры народа, необходимость соотнесения своего мировоззрения и навыков практической работы с культуросообразной нормой и запросами социума.

Важнейшим моментом, который определяет идентичность современного журналиста, является необходимость заниматься текстотворчеством в новых условиях конвергентной (от лат. *convergo* — «сближение») журналистики. В современных условиях традиционным (аналоговым изданиям) оставаться конкурентоспособными практически невозможно. Поэтому журналистам приходится работать в рамках интеграции информационных и коммуникативных технологий, то есть не только уметь создавать качественные тексты, но и владеть информационными технологиями, чтобы эти тексты (по возможности, адресно) направить потребителю. Медиапродукты переводятся в электронный формат (интернет-газета, интернет-радио, веб-телевидение и т.д.). Один и тот же медиапродукт транслируется в различных форматах, по разным каналам. Происходит стирание границ жанров, форматов, способов трансляции, и журналист «новых медиа» должен принять эти изменения. Журналистика, как полагает В.Ф. Олешко, должна стать конвергентной. Это требует от журналиста прежде всего профессиональных навыков: «...научное понимание процесса медиаконвергенции предполагает выделение для системного анализа трех основных уровней — собственно технологического, экономического и профессионального. В ходе проведенного исследования мы выяснили, что третий, профессиональный уровень остается пока наименее изученным и систематизированным. Обусловлено это как новизной, многообразием и объемом проблематики эффективной медиадетальности в новых условиях, так и явной недостаточностью методологических подходов, отражающих изменения, происшедшие в последние годы в среде специалистов данной профессиональной группы» [6, с. 132]. Но также требуется развитие духовно-нравственных качеств в рамках формирования демократических институтов в российском обществе [Там же].

О концепции «гибридной медиасистемы» (Э. Чедвик) в своей работе говорит и А.Ю. Колянов. Различные формы медиа (печатные СМИ, радио, телевидение, Интернет) в настоящее время объединяются и функционируют одновременно. Гибридность является одним из эффектов конвергентности журналистики и порождает, по мнению автора, ряд дисфункций: «информационное загрязнение», цифровое неравенство, коммерциализация контента. Современному журналисту в подобных условиях достаточно сложно самоидентифицироваться, «постоянная расщепленность пространственных и временных характеристик медийных событий провоцирует раскол профессиональной идентичности журналиста, подталкивает его либо к коммерциализации успеха и уходу из профессиональной действительности, либо к утверждению себя в мировоззренческой традиции, ответственность за развитие которой он принимает на себя как профессионал и личность» [3, с. 69]. Зачастую у современных журналистов наблюдается внутренний конфликт, кризис профессиональной идентификации, причина которого состоит в осознании выхода из традиции, существовавшей десятки лет, в транспрофессиональности деятельности и гибридизации СМИ. Размываются критерии оценки эффективности журналистики, оценки как качества журналистского текста в частности, так и работы журналиста в целом. То, что прежде считалось сильной стороной журналиста, отходит на второй план, социальный запрос предусматривает в настоящее время развитие новых компетенций, главным образом, связанных с цифровизацией медиапространства.

В этой связи следует отметить, что формирование профессиональной идентичности — процесс сложный и многоплановый, многое зависит и от субъекта данного процесса, но нельзя снимать ответственности за ее формирование с педагогов, журналистов-практиков, представителей государственных институтов. Так, Н.Я. Макарова выделяет шесть стадий развития профессиональной идентичности начинающего журналиста:

- 1) активизация и тревожное ожидание,
- 2) зависимость и идентификация,
- 3) деятельность и продолжающаяся зависимость,
- 4) принятие самостоятельности,
- 5) идентичность и независимость,
- 6) спокойствие и коллегиальность [5, с. 198–200].

Как видим, основная цель медиапедагогики — содействовать формированию профессиональной идентичности обучающихся, переводить журналиста в «автономное плавание», когда субъект медиапространства способен самостоятельно оценивать преимущества и угрозы цифровизации СМИ, видеть свое место в медиаполе, системно создавать медиaproductы в соответствии с собственными интенциями и видением мира. К сожалению, (о чем мы будем говорить ниже) далеко не всегда к подобного рода социокультурным изменениям и адекватной ответной реакции готовы сами студенты, что затрудняет их текстовотворчество (ключевым аспектом которого является свобода самовыражения), мешает их дальнейшей профессионализации.

Выпускники, начинающие журналисты зачастую плохо осознают важность перемен, произошедших в СМИ в цифровую эпоху, а также те, с одной стороны, возможности, а с другой — угрозы, которые эти перемены несут. Исследователи А.В. Колесниченко, А.В. Вырковский, М.Ю. Галкина и др. подтверждают данный тезис и отмечают расхождение «между заявленным уровнем инновационности и фактическим положением дел, обусловленным инерцией и нежеланием журналистов менять ритм работы и брать на себя дополнительные обязанности, а также межпоколенческими конфликтами в редакциях» [2, с. 53]. Данные конфликты, информационное воздействие на молодежь, недооценка угроз цифровизации порождают определенное напряжение в обществе и, в частности, в журналистской среде. В этой связи, как мы полагаем, необходимы четкие ориентиры, критерии оценки уровня сформированности профессиональной идентификации, по кото-

рым журналист может и должен фиксировать собственное состояние, выявлять проблемы и находить способы их решения.

Так, например, исследователь А.С. Кулакова установила, что профессиональная самоидентификация журналистов определяется тремя ключевыми позициями: «стремление к свободе слова, открытости (публичности) и доступности информации» [4, с. 23]. В данном случае речь идет прежде всего о свободе слова, об отсутствии жестких рамок в процессе самовыражения и саморазвития журналиста. Безусловно, возможность получать, перерабатывать и доносить до читателя информацию без жестких цензурных ограничений является основой для успешной профессиональной и творческой самореализации любого журналиста. При этом исследователь установила, что важнейшую роль в формировании зрелой профессиональной позиции играет высшее журналистское образование. В данном случае именно вузы должны стать ареалом креативного переосмысления действительности, дискуссий и свободного профессионального общения. Однако здесь неизменно возникает вопрос о границах свободы. Вопрос этот в условиях информационных войн и цифровизации СМИ (манипулирование сознанием, дипфейки и др.) является отнюдь не праздным. И ответ на него в науке, применительно к профессиональной идентификации журналиста, пока, как мы полагаем, не найден.

Говоря о роли информационных технологий в медиaprостранстве, А.С. Кулакова убеждена, что они не только не тормозят профессиональное развитие журналиста, но, напротив, остаются «основным условием реализации социально значимых функций журналистики. Доступность новых форматов коммуникации широким слоям аудитории, появление социальных сетей и личных интернет-СМИ (блогов) содействуют распространению эталонов журналистской идентичности в обществе, приводят к росту количества журналистов за счет активных участников интернет-коммуникации, установки и ценности которых в значительной степени сближаются с установками журналистов, работающих в профессиональных СМИ» [Там же, с. 12–13]. Высказывание это является, на наш взгляд, дискуссионным, поскольку автор не учитывает существенные угрозы цифровизации СМИ, имеющие деструктивный характер по отношению к профессиональной идентичности начинающего журналиста. Кроме того, не будем забывать о конкуренции со стороны общественных журналистов, которые являются порождением этой социокультурной трансформации, а также — ИИ, который как любой инструмент можно использовать не только во благо.

С целью, в том числе, и выявления особенностей профессиональной идентичности журналистов УрФО в 2023–2024 гг. нами было проведено анкетирование (стандартизированное интервью) среди субъектов (акторов) медиaprостранства округа. В опросе приняли участие 375 человек. Возраст: от 18 до 60 лет, студенты и преподаватели вузов округа, практикующие журналисты. В анкете было 28 вопросов. В связи с заявленной темой нас интересуют следующие. Вопрос № 7 был сформулирован так: «Какие проблемы практической журналистской деятельности Вы считаете наиболее актуальными?». Респондентам было предложено 15 вариантов, включая «Что-то другое» и «Затрудняюсь ответить». Можно было выбрать 3 варианта или указать свой. Вопрос был задан с целью определить уровень саморефлексии акторов медиaprостранства и, собственно, те препятствия, которые имеются на пути успешной профессиональной идентификации и самореализации. Респонденты выделили в числе насущных проблем следующие: «Гласность и доступ к информации»; «Профессиональная этика журналиста»; «Большой объем информации»; «Понижение роли СМИ в обществе»; «Взаимодействие властных структур и представителей СМИ», «Законодательство по СМИ».

Как видим, проблемы выделены традиционные. Акторов медиaprостранства по-прежнему, как и в прошлом веке волнуют проблемы отношений с властью, определенные ограничения свободы слова, соблюдение «Закона о СМИ», а также — этических норм. Мы не можем утверждать, что такие аспекты, как «Цифровизация СМИ», «Манипуляции общественным

сознанием со стороны СМИ», «Конкуренция со стороны «гражданских журналистов», «Конвергентные процессы в журналистике» совершенно выпали из поля зрения респондентов, однако они не являются, судя по опросу, ключевыми для специалистов в области медиа, что, конечно, не может не вызывать тревогу.

Также здесь отметим, что респонденты оставили без внимания следующие проблемы: «Отсутствие достаточных компетенций у современных профессиональных журналистов», «Отсутствие возможности повышать квалификацию», «Напряженные отношения внутри редакции». Практикующие журналисты убеждены, что их профессиональных компетенций достаточно, чтобы быть конкурентоспособными на рынке информационных услуг.

В этой связи логично привести ответы на вопрос № 12 «Можете назвать свои конкурентные преимущества как профессионала на медиарынке?». И здесь респонденты демонстрировали достаточно традиционные взгляды на профессию и собственную профессиональную идентификацию. Перечислим частотные варианты: ответственность, креативность / творчество, коммуникация, пунктуальность, компетентность, образованность, вежливость. Цифровые компетенции были проигнорированы. Эти ответы коррелируют (в смысле традиционности подхода) с ответами на вопрос № 15 «Пожалуйста, назовите характеристики, отличительные черты, качества журналиста-профессионала (не менее 5). Были названы следующие: ответственность, независимость, талант, оригинальность, аполитичность (имелось в виду отсутствие ангажированности властью), профессионал, гражданин, грамотный человек, креативность.

Приходится констатировать, что субъекты медиапространства часто не осознают коренных изменений, происходящих в области СМИ, а точнее, тех последствий, которые они несут. Продолжая работать в традиционной парадигме, профессиональные журналисты могут проиграть в конкурентной борьбе гражданским журналистам. Игнорирование цифровых инструментов также снижает конкурентный потенциал первых. В этой связи отечественное медиаобразование должно пересмотреть свою позицию по отношению к образу «идеального журналиста» и построить образовательный процесс с учетом новых социокультурных трансформаций. Практикующим журналистам, вероятно, следует скорректировать свои взгляды на цифровизацию СМИ и конвергенцию жанров, активнее включаться в процесс использования цифровых инструментов в рамках медиаполя УрФО.

Понимая, что нынешние студенты-журналисты уже завтра включатся в работу в рамках медиапространства нашего региона, в марте 2023 года в мы предложили группе Б-2211 (2 курс) написать по предложенному плану эссе¹ на тему «Легко ли быть молодым журналистом?». Цель ставилась прежняя — на основе анализа эссе студентов-журналистов определить основные параметры их профессиональной идентификации. Опорный план творческой работы включал такие ключевые позиции, как «Современные изменения, произошедшие в журналистике»; «Основные трудности, с которыми сталкивается журналист»; «Какими компетенциями должен владеть начинающий журналист?». По сути, студентам предлагалось описать собственный портрет профессиональной идентификации на основе рефлексии относительно тех трансформаций, который наблюдаются в медиапространстве.

Анализ творческих работ показал, что студенты называют основные изменения в медиапространстве, готовы на них реагировать, хотя угрозы цифровизации СМИ ими глубоко не осознаны. Вот несколько отрывков из эссе обучающихся. «В настоящее время журналисту приходится работать с большими объемами данных. Если раньше, чтобы добыть нужную информацию, нужно было прилагать усилия, то сейчас перед нами другая проблема — проверить ее на истинность, отсеять ненужную, сообщить аудитории только подлинные факты. Это получается не всегда, но от этого зависит имидж редакции и издания» (П.В.).

¹ Подобный инструмент достаточно активно применяется в социологии журналистики. См., например, исследование Олешко В.Ф., Олешко Е.В., Мухина О.С. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 4. С. 135-157.

«Сегодня корреспондент должен уметь не только писать статьи, но и создавать мультимедийный контент, работать с видео— и аудиоматериалами. Кроме того, скорость передачи новостей стала намного выше, что требует от журналистов оперативности и гибкости» (Л.П.). «В современных условиях журналисту необходимо адаптироваться к изменениям, происходящим в СМИ. Цифровизация и конвергенция сделали доступ к информации более легким, но порой негативно влияют на содержание материалов» (Ю.П.).

В качестве трудностей, которые нужно преодолевать журналисту в своей профессиональной деятельности, студенты называют верификацию информации, работу с большими объемами данных, проблему повышения квалификации и обмена передовым опытом с другими журналистами, соблюдение журналистской этики, объективное, честное освещение событий, ангажированность, отношения с властью. Цифровые инструменты студенты журналисты готовы использовать в своей работе и считают, что с этим в будущей профессиональной деятельности у них проблем не возникнет.

Интерес для нас представляет та часть эссе, в которой студенты говорят о необходимых профессиональных компетенциях: «Современный журналист должен быть креативным, то есть не только находить нужную информацию, но и творчески ее перерабатывать. Но и этого недостаточно. Сейчас очень важно интересно подать материал, так, чтобы заинтересовать аудиторию» (К.Т.). «...нужны креативность, аналитическое мышление и, конечно, коммуникабельность, умение разговаривать с людьми. Еще нужны ответственность, пунктуальность, выполнение заданий к намеченному сроку (по крайней мере, этого от нас требовали на практике). Наверное, нужно быть хорошо образованным, разбираться во многих вопросах: в спорте, политике, экономике, то есть обладать высоким уровнем эрудиции, уметь быстро переключаться с одного вида деятельности на другой» (О.Т.). «Нужно уметь работать в разных жанрах» (О.К.). «Для меня важно соблюдать журналистскую этику, сохранить себя, то есть быть честным перед своей аудиторией и перед самим собой. А профессиональные качества можно приобрести с опытом. Но они не будут иметь никакого смысла, если журналист потеряет себя как личность» (Н.Л.). «Важно быть наблюдательным, объективным, любопытным, гибким и адаптивным, быть независимой стороной в распространении информации, транслировать различные точки зрения на события» (В.Т.).

Полученные данные коррелируют с выводами, сделанными нами на основе анкетирования. Студенты, как правило, называют традиционные компетенции: креативность, аналитическое и критическое мышление, эрудиция, адаптивность, навыки коммуникации, журналистская этика, объективность, любопытство, настойчивость.

Следует отметить, что студенты-журналисты СурГПУ имеют высокий уровень мотивации, готовы применять полученные знания, умения и навыки в практической сфере. Тем не менее, вопросы, которые возникли в результате обработки данных эссе, остаются.

ВЫВОДЫ. Итак, анализ ответов на вопросы № 7, 15 и 28 анкеты, а также анализ эссе студентов-журналистов второго курса СурГПУ позволил сделать ряд выводов. Респонденты и авторы эссе видят те изменения, которые происходят в СМИ: отмечаются цифровизация, конвергенция жанров, виртуализация медиапространства. Однако этим изменениям не уделяется достаточного внимания. Студенты и практикующие журналисты считают, что обладают достаточным набором компетенций, чтобы использовать преимущества цифровизации и противостоять ее угрозам в своей работе. Журналисты зачастую игнорируют названные угрозы, продолжая мыслить в рамках традиционной парадигмы. В этой связи отечественное медиаобразование должно скорректировать свои подходы к обучению, выстроить учебные курсы и производственные практики так, чтобы учесть социальный запрос и те трансформации, которые происходят в журналистике. Профессиональная самоидентификация современных журналистов не всегда объективно отражает место специалиста в современном медиапространстве, часто формируется без учета угроз и преимуществ, которые несет цифровизация СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каманина Е.В. Профессиональная идентификация современных журналистов: теоретические основы и реальные практики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 81–91.
2. Колесниченко А.В., Вырковский А.В., Галкина М.Ю., Образцова А.Ю., Вартаков С.А. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 5. С. 51–71.
3. Колянов А.Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // Дискурс. 2020. Том 6. № 4. С. 62–72.
4. Кулакова А.С. Новые технологии как фактор формирования профессиональной идентичности современного журналиста: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10. Воронеж, 2019. 27 с.
5. Макарова Н.Я. Стадии формирования профессиональной идентичности журналиста // Медиапространство многополярного мира: сборник научных статей. Москва, РУДН, 13 апреля 2017 г. М.: РУДН, 2017. 599 с.
6. Олешко В.Ф. Структура и компоненты профессиональной идентичности журналиста // СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 85–158.
7. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211.

REFERENCES

1. Kamanina E.V. *Professional'naya identifikaciya sovremennykh zhurnalistov: teoreticheskie osnovy i real'nye praktiki* [Professional identification of modern journalists: theoretical foundations and real practices] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 3. S.81–91. (In Russian).
2. Kolesnichenko A.V., Vyrkovskij A.V., Galkina M.Yu., Obrazcova A.Yu., Vartanov S.A. *Transformaciya zhurnalistskoj raboty pod vliyaniem novykh tekhnologij: poisk informacii, zhanry mediatekstov, redakcionnaya kul'tura* [Transformation of journalistic work under the influence of new technologies: information search, genres of media texts, editorial culture] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2017. № 5. S. 51–71. (In Russian).
3. Kolyanov A. Yu. *Professional'naya identichnost' zhurnalista v usloviyakh gibridnoj mediasistemy* [Professional identity of a journalist in a hybrid media system] // Diskurs. 2020. Tom 6. № 4. S. 62–72. (In Russian).
4. Kulakova A.S. *Novye tekhnologii kak faktor formirovaniya professional'noj identichnosti sovremennogo zhurnalista* [New technologies as a factor in the formation of professional identity of a modern journalist]: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10. Voronezh, 2019. 27 s. (In Russian).
5. Makarova N. Ya. *Stadii formirovaniya professional'noj identichnosti zhurnalista* [Stages of formation of a journalist's professional identity] // Mediaprostranstvo mnogopolyarnogo mira: sbornik nauchnykh statej. Moskva, RUDN, 13 aprelya 2017 g. M.: RUDN, 2017. 599 s. (In Russian).
6. Oleshko V.F. *Struktura i komponenty professional'noj identichnosti zhurnalista* [The structure and components of a journalist's professional identity] // SMI kak mediator kommunikativno-kul'turnoj pamyati. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020. S. 85–158. (In Russian).
7. Perinskaya N.A. *Professional'naya identichnost'* [Professional identity] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2018. № 2. S. 209–211. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.003

УДК 316.334.2:001.89

ББК 60.54-425в64

А.С. ВАТОРОПИН,
Н.Г. ЧЕВТАЕВА,
С.А. ВАТОРОПИН**ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН К УЧАСТИЮ
В КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
БЫТОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СВЕТЕ
ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА**A.S. VATOROPIN,
N.G. CHEVTAEVA,
S.A. VATOROPIN**READINESS OF CITIZENS TO PARTICIPATE
IN CORRUPTION ACTIONS OF EVERYDAY
ORDER IN LIGHT OF THE THEORY
OF STRUCTURING BY E. GIDDENS**

В статье исследуется одна из детерминант бытовой коррупции в современном российском обществе — осознанная готовность граждан к участию в коррупционных действиях. Проанализированы основные теоретические подходы, традиционно используемые при рассмотрении этой проблемы в отечественной и зарубежной научной литературе. С учетом неоднозначных результатов борьбы с бытовой коррупцией в современном обществе в статье поставлена цель применить для исследования указанной детерминанты данного негативного феномена еще один подход, в основе которого лежит теория структуризации известного английского социолога Э. Гидденса. Для анализа полученных авторами результатов эмпирического социологического исследования бытовой коррупции в Свердловской области апробирована стратификационная модель агента, разработанная Э. Гидденсом. Сделан вывод о возможности изменения в положительную сторону одного из компонентов сознания рядовых граждан, потенциально готовых участвовать в коррупционных действиях, — *теоретического сознания*, что может помочь в формировании антикоррупционных установок у населения.

The article examines one of the determinants of everyday corruption in modern Russian society — the conscious readiness of citizens to participate in corrupt practices. The main theoretical approaches traditionally used in considering this problem in domestic and foreign scientific literature are analyzed. Taking into account the ambiguous results of the fight against everyday corruption in modern society, the article aims to apply another approach to the study of this determinant of this negative phenomenon, which is based on the theory of structuring by the famous English sociologist E. Giddens. To analyze the results of the empirical sociological study of everyday corruption in the Sverdlovsk region obtained by the authors, the stratification model of the agent developed by E. Giddens was tested. A conclusion is made about the possibility of changing for the positive one of the components of the consciousness of ordinary citizens potentially ready to participate in corrupt practices — *theoretical consciousness*, which can help in the formation of anti-corruption attitudes among the population.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бытовая коррупция, коррупционные и антикоррупционные нормы, готовность граждан к коррупционным действиям, стратификационная модель агента, теоретическое и практическое сознание, изменение сознания.

KEY WORDS: everyday corruption, corruption and anti-corruption norms, citizens' readiness for corrupt actions, stratification model of the agent, theoretical and practical consciousness, change of consciousness.

ВВЕДЕНИЕ. Коррупция является довольно распространенным явлением в современном обществе. Поэтому вполне естественным выглядит интерес к этому явлению со стороны

представителей разных наук, в том числе социологии [7]. Изучается распространение коррупции в разных странах мира, составляются релевантные рейтинги стран [9], исследуются различные виды коррупции, причины, ее порождающие, предлагаются методы борьбы с этим негативным феноменом.

Особый интерес представляет т.н. бытовая коррупция. Стоит отметить, что хотя проведено много исследований последней, до сих пор не существует ее однозначного определения. Российские исследователи обычно выделяют отдельные признаки бытовой коррупции, делая при этом разные акценты (см., например, [4]). В определенной степени это обусловлено тем, что в российском законодательстве не существует четкого определения данного феномена, да и сам термин практически не определяется (мы обнаружили упоминание бытовой коррупции лишь в двух нормативных документах [5; 6]).

Очевидно, что это создает определенные сложности для исследователей.

Мы попытались обобщить основные признаки бытовой коррупции, предложенные в различных исследованиях, посвященных данному явлению, и предложить следующее *рабочую* его дефиницию, которая позволила бы ограничить интересующее нас исследовательское поле: *бытовая коррупция — это вид коррупции, который имеет повседневный характер и связан с решением бытовых проблем обычных граждан.*

В научных исследованиях бытовой коррупции много внимания уделяется причинам, ее порождающим. Выделяются объективные и субъективные причины. В числе последних отмечается готовность населения давать взятки должностным лицам и служащим. На наш взгляд, эта проблема заслуживает отдельного внимания и специального исследования, которое бы опиралось на нетрадиционные подходы. В данной статье как раз и сделана попытка такого рода исследования.

ЦЕЛЬ статьи — исследование готовности граждан участвовать в коррупционных действиях бытовой направленности с использованием в качестве научного подхода теории структуризации Э. Гидденса. В статье будут использованы результаты проведенного авторами осенью 2023 года эмпирического социологического исследования по бытовой коррупции в Свердловской области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В результате проведенного нами эмпирического исследования была отчетливо выявлена проблема, связанная с готовностью обычных граждан давать взятки должностным лицам или служащим. Строго говоря, проблема эта не новая: о ней много и довольно давно пишут разные исследователи, как зарубежные, так и отечественные. Так, например, С. Таннер, С. Линдер, М. Зон, ссылаясь на некоторые социологические исследования, утверждают, что люди с большей вероятностью будут вовлечены в коррупцию, когда они считают, что коррупция оправдана [12]. По мнению этих авторов, большое значение для коррупционного или антикоррупционного поведения обычных граждан имеет такой фактор, как их стремление следовать или не следовать моральным нормам, осуждающим коррупцию. Они утверждают, что чем выше уровень «честности-смирения», тем меньше люди предлагают или принимают взятки [12]. К аналогичным результатам пришли М. Фишар, М. Кубак, Дж. Шпалек, Дж. Тремеван. При этом эти авторы на основании проведенной ими игры-эксперимента сделали вывод, что существуют определенные гендерные различия в коррупционном поведении людей: женщины меньше склонны к такому поведению, чем мужчины [10]. Исследователи Н.К. Кёбис, Дж.В. Ван Пройен, Ф. Ригетти, П.А. Ван Ланге изучали влияние «описательных социальных норм», под которыми они понимали «веру в распространенность коррупции в определенном контексте» (коррупционном или антикоррупционном), на коррупционное поведение граждан. Они выявили, что эти нормы в значительной степени влияют на подобные действия людей, причем если антикоррупционные социальные нормы довести до сознания человека, то он становится менее восприимчив к коррупционному поведению [11].

Обобщая взгляды указанных авторов, можно сделать вывод о том, что они рассматривают бытовую коррупцию в целом и готовность граждан давать взятки в частности как нарушение

социальных норм, прежде всего моральных. Очевидно, что здесь акцент делается на *институциональном* подходе, значимости для граждан указанных норм.

Российские исследователи также обращают внимание на проблему готовности обычных граждан давать взятки, сознательно участвовать в коррупционных действиях. Так, И. Киселев и С. Зуева, опираясь на результаты проведенного ими эмпирического исследования, отмечают, что заметная часть респондентов (почти каждый шестой) допускают и даже оправдывают коррупционное поведение взяточдателей. Объясняют они это, опираясь на функционалистский подход: коррупция выполняет определенные функции в обществе, позволяет «эффективно» решать личные проблемы, приспосабливаться к существующей коррупциогенной реальности [3]. Подобные взгляды высказывает и Ю. Трунцевский. При этом он подчеркивает: «В сознании граждан бытовая коррупция (подарок лечащему врачу, преподавателю в учебном заведении и т.п.) представляется нормой поведения в обществе, элементом жизни человека, необходимостью и неотъемлемой частью общества [4]. В данном случае Ю. Трунцевский не ограничивается функционалистским подходом в своем объяснении бытовой коррупции, а использует и институциональный подход, апеллируя при этом к исследованиям, прежде всего, западных ученых [4]. Другие российские исследователи бытовой коррупции также в основном придерживаются этих подходов [8].

В целом мы разделяем данные подходы к изучению бытовой коррупции и объяснению готовности граждан к участию в коррупционных действиях. Однако, на наш взгляд, имеет смысл попытаться подойти к анализу рассматриваемой нами проблемы более глубоко, сделав акцент на анализе детерминант сознания взяточдателей. Причем мы попытаемся это сделать, не выходя за рамки социологической науки. Для этого мы используем методологию известного английского социолога Э. Гидденса. Другими словами, речь пойдет об апробации его концепции структуризации как объяснительной модели сознательных установок рядовых участников бытовых коррупционных действий (взяточдателей).

В качестве эмпирической базы данного анализа будут использованы материалы проведенного нами эмпирического исследования бытовой коррупции в Свердловской области (исследование проводилось по заказу Департамента по противодействию коррупции Свердловской области с 1 сентября по 20 декабря 2023 года).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Для реализации поставленной нами цели необходимо обратиться к т.н. *стратификационной модели агента*, которую предложил Э. Гидденс. Начнем с того, что это, по сути, модель *сознания* действующего агента. В нашем случае речь будет идти об основной детерминанте коррупционного поведения рядовых граждан.

Указанная модель, как известно, включает три структурных компонента [2, с. 501].

Практическое сознание — это «то, что авторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут это выразить в дискурсивной форме...» [2, с. 500].

Дискурсивное сознание — это «то, что акторы способны сказать о социальных условиях или дать этому вербальное выражение — в особенности, об условиях своих собственных действий...» [2, с. 498].

Бессознательное — это скрытые, неосознаваемые мотивы действий агента. «Мотивы имеют прямое отношение к действию только в относительно необычных или нестандартных условиях, в ситуациях, которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий [2, с. 45].

Очевидно, все три компонента (детерминанты действия) синкретически объединены и четко выделяются только в результате теоретического анализа.

Стратификационная модель агента может быть описана следующим образом. Ключевым в ней является практическое сознание [2, с. 45], по сути, обеспечивающее преобладающий рутинный характер действия. При необходимости агент «подключает» дискурсивное сознание

(вербально объясняет свои действия). При этом надо подчеркнуть два момента: во-первых, дискурсивное сознание может быть антиномичным, во-вторых, агент не всегда может его использовать, даже если захочет (т.е. не всегда способен объяснить свои действия). Впрочем, отметим, что в любом случае он применяет *рефлексивный мониторинг действия* (это понятие относится уже к стратификационной модели действия, используемой в нашем анализе лишь частично — когда речь идет не о *сознании*, а о *действии* [2, с. 500]), который, собственно, и позволяет говорить об осознанности его поведения. Бессознательное же проявляет себя при нарушении рутинного хода событий; в этом случае агент в принципе не может объяснить (по сути, не осознает) свое поведение. Впрочем, представляется, что внешне его действия могут выглядеть довольно рациональными.

Теперь, описав в общих чертах данную модель, попытаемся ее апробировать применительно к вышеупомянутой проблеме, связанной с готовностью обычных граждан давать взятки. В ходе нашего исследования мы выявили, что лишь небольшая часть респондентов (жителей Свердловской области) заявила, что в течение года попадала в коррупционную ситуацию (7,0% от числа опрошенных, или 42 человека из 600); отметим, что абсолютно точно в этом был уверен только каждый пятый из них (8 человек). Этой группе респондентов были заданы дополнительные вопросы, касающиеся их возможного поведения в условиях коррупционной ситуации. Их ответы оказались довольно противоречивы. Так, при ответе на вопрос, по какой причине респонденты точно отказались бы давать взятку, были получены ответы: «Мне противно это делать» (14 человек) и «Я принципиально не даю взятку, даже если все это делают» (9 человек). При этом на проверочный вопрос, по какой причине респонденты точно бы дали взятку, выяснилось, что некоторые из указанных двух подгрупп ответивших все же готовы дать взятку при определенных условиях, причем необязательно вынужденно. То есть в данном случае можно зафиксировать определенную антиномичность сознания обычных граждан, вовлеченных в коррупционную ситуацию.

Мы попытаемся проинтерпретировать полученные результаты в соответствии с методологией Э. Гидденса.

Начнем с того, что здесь возможны два варианта: коррупционная ситуация для рядового гражданина ожидаема (т.е. в определенной степени может рассматриваться как рутинная) либо является неожиданной. В первом случае у него «включается» *практическое сознание*, и он рационально (*рефлексивный мониторинг действия*) выбирает одно из возможных действий — давать или не давать взятку. Подчеркнем, что рационально не означает, что действие продуманно и четко объяснено самому себе; скорее речь идет о некоем заложенном когда-то в прошлом в сознание (под влиянием СМИ, родственников, знакомых и т.д.) алгоритме действия. Представляется, что этот алгоритм имеет достаточно устойчивый характер, и его сложно изменить в условиях повседневной деятельности.

Впоследствии человек может «использовать» *теоретическое сознание* и попытаться вербально объяснить себе и другим свое поведение в коррупционной ситуации, причем это объяснение совсем не обязательно будет коррелировать с его релевантным *практическим сознанием*. В нашем исследовании мы имели дело именно с таким *теоретическим сознанием* респондентов, обусловленным необходимостью отвечать на вопросы анкеты. Отсюда напрашивается вывод, что мы как социологи не можем в полной мере утверждать, что нам удалось «проникнуть» в сознание потенциальных взяткодателей, и теперь мы можем предложить какие-то однозначно эффективные способы формирования их антикоррупционного сознания и, соответственно, поведения.

Во втором случае, когда коррупционная ситуация для рядового гражданина является неожиданной, на первый план выходят бессознательные мотивы агента. В результате может иметь место любой вариант его действия, который невозможно предсказать заранее ни ему самому, ни тем более кому-то другому. Это, на наш взгляд, несколько отличает коррупционную ситуацию *неожиданную* от подобной ситуации *«рутинной»*, когда задействовано

практическое сознание агента: в последнем случае исследователь может *предугадать* с определенной степенью вероятности действие этого агента, если он имел до этого достаточно длительный опыт общения с ним.

Но, так или иначе, для нас здесь важно подчеркнуть, что в обоих рассмотренных случаях очень сложно разработать действенные способы противодействия бытовой коррупции в аспекте готовности простых граждан давать взятку должностным лицам / служащим, так как невозможно однозначно проинтерпретировать приоритетные субъективные детерминанты их действий (*практическое сознание* и *бессознательные мотивы*). Однако, результаты нашего конкретного социологического исследования все же позволяют нам предложить не совсем очевидную, но, возможно, все-таки обоснованную рекомендацию, способную, по нашему мнению, повлиять на сознание потенциальных взяткодателей.

Речь идет о *теоретическом сознании* агента. Строго говоря, этот аспект сознания не является *непосредственной* детерминантой поведения агента в коррупционной ситуации, а лишь используется им для объяснения своих действий себе и другим. В то же время, на наш взгляд, очевидно, что существует обратная связь между ним и двумя другими аспектами — *практическим сознанием* и *бессознательными мотивами*. Вряд ли возможно четко описать механизм такой обратной связи, однако ее результатом, в принципе, может быть определенное изменение указанных аспектов (непосредственных детерминант) стратификационной модели агента, что в конечном итоге повлияет и на его поведение. Другими словами, можно и нужно попытаться воздействовать именно на *теоретическое сознание* простых граждан с целью убедить их осознанно (в данном случае — вербально) отказаться от противоправных коррупционных действий.

Можно возразить, что подобная работа и сейчас ведется и даже дает некоторые результаты. Так, в нашем исследовании большинство респондентов, столкнувшихся с реальной коррупционной ситуацией, сознательно (в своих ответах) отказываются давать взятки. Однако, при ответах на другие вопросы выясняется, что многие из них при определенных условиях («нужен 100-процентный результат», «без взятки не обойтись» и др.) все же готовы к коррупционным действиям. Поэтому из этого противоречия напрашивается вывод, что обычно применяемое в настоящее время воздействие на *теоретическое сознание* простых граждан (воспитательная работа через СМИ, ужесточение законодательства, публичное разоблачение и наказание взяточников и взяткодателей и т.п.) не является достаточно эффективным. То есть *теоретическое сознание* с точки зрения антикоррупционного воздействия вроде бы «позитивно», а *практическое* — «негативно» (как и *бессознательные мотивы*, но о них мы далее говорить не будем ввиду сложности социологического анализа подобного явления).

Мы полагаем, что можно попытаться преодолеть этот разрыв между двумя указанными компонентами сознания, если откорректировать характер общественного воздействия на *теоретическое сознание* агента (а через него, соответственно, изменить и *практическое сознание*).

Практическое сознание, как уже говорилось, связано с рутинной, повседневной деятельностью. При этом ранее мы уже отмечали, что многие исследователи коррупции в современной России как раз подчеркивают, что значительная часть населения убеждена в том, что коррупционные действия — это, по сути, обычное (в некотором смысле, почти рутинное) явление. Фактически ежедневно освещаемые в прессе и социальных сетях громкие коррупционные преступления только утверждают в сознании граждан такого рода мнение. Судя по всему, такое общественное воздействие на *теоретическое сознание* гражданина далеко не всегда изменяет в нужную сторону его *практическое сознание*, и даже в какой-то степени, как это ни парадоксально звучит, достигает обратного результата.

В этой связи можно предложить следующее: попытаться убедить граждан если не в полном отсутствии *рутинного* характера бытовой коррупции, то, по крайней мере, в преувеличенной массовости этого феномена и его рутинности. И для этого есть объективные основания. На-

пример, в нашем исследовании было выявлено, что 40% респондентов убеждены в высоком уровне коррупции в России. При этом, как уже отмечалось, за год (2023) в коррупционную ситуацию попадали всего около 7% опрошенных, и только каждый пятый из них действительно был в этом убежден. Напрашивается очевидный вывод: бытовая коррупция в таких регионах, как, например, Свердловская область, не настолько распространенное, рутинное явление, как это представляется обычному рядовому гражданину (его *теоретическому сознанию*). Другими словами, *бытовая коррупция — это не социальная норма*. Следовательно, есть возможность попытаться воздействовать (государственным и общественным структурам) на стратификационную модель агента для изменения ее структурных компонентов, прежде всего, *теоретического сознания* и — через обратную связь — *практического*, с целью формирования хотя бы относительно устойчивого антикоррупционного поведения рядового гражданина.

Итак, по нашему мнению, сознание следует менять, опираясь на создание у агента *положительного* представления о коррупционной ситуации в регионе, стране в целом и на примеры сознательного антикоррупционного поведения конкретных людей. Впрочем, это не означает, что нужно отказаться от непримиримой «силовой» борьбы с коррупцией, жесткого наказания преступников за коррупционные действия и доведения результатов этой борьбы до населения. Очевидно, что именно такая борьба позволяет обесценить «выгоды» от коррупционного действия обычного гражданина. Но, в конечном итоге, речь все же должна идти о *балансе* методов борьбы с бытовой коррупцией: не только «силовом» противоборстве, но и соответствующем «позитивном» переформатировании *теоретического сознания* рядовых граждан.

ВЫВОДЫ.

1. Проблема готовности рядовых граждан участвовать в коррупционных действиях представляет интерес как для отечественных, так и зарубежных исследователей. Для объяснения данного феномена используют разные подходы, прежде всего, институциональный (рассматривается значение для обычных граждан социальных норм, связанных с бытовой коррупцией) и функционалистский (акцент делается на выгодах, которые граждане получают от участия в коррупционных сделках). Валидность данных подходов очевидна, однако проблема бытовой коррупции не становится менее актуальной практически в любом современном обществе, в том числе российском. Поэтому вполне обоснованной является попытка проанализировать эту проблему, дополняя эти подходы другими теоретическими подходами. На взгляд авторов, в этом контексте может представлять интерес теория структуризации Э. Гидденса.
2. Одним из ключевых положений концепции Э. Гидденса является структурная модель агента, описывающая структурные компоненты сознания действующего агента. Ее апробация для анализа сознания участников коррупционных действий позволяет относительно по-новому взглянуть на предмет данного исследования.
3. Авторы пришли к выводу, что в структурной модели агента — рядового гражданина, участвующего в коррупционном действии, — существует один компонент, который заслуживает особого внимания как объект возможного воздействия со стороны общества и государства. Это «*теоретическое сознание*». Воздействуя на него, можно постараться изменить общее отношение гражданина к социальным нормам, связанным с бытовой коррупцией (речь идет об отрицательных нормах, провоцирующих коррупционные действия).
4. Проведенное авторами исследование бытовой коррупции в Свердловской области (2023 г.) позволило выявить возможное направление воздействия на *теоретическое сознание* людей. Суть этого воздействия — разрушение представлений последних о рутинном характере бытовой коррупции, ее «нормальности» и формирование у них *положительных* (с точки зрения антикоррупционного поведения) нормативных уста-

новок и соответствующего *практического сознания* (в конечном итоге). Полученные авторами результаты опроса эмпирически подтверждают возможность подобных изменений с учетом того, что уровень бытовой коррупции в Свердловской области значительно ниже, чем тот, который недостаточно обоснованно утвердился в общественном мнении россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агишев Р.Р., Манаева И.В. Коррупционная инициатива как предмет социологического анализа // *Власть*. 2023. Т. 31, № 2. С. 181–187.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
3. Киселев И.Ю., Зуева С.В. Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы // *Власть*. 2018. № 8. С. 169–182.
4. Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 157–168.
5. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы».
6. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы».
7. Чевтаева Н.Г., Ваторопин А.С., Гушин О.В., Ваторопин С.А. Риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций: оценка настроений регионального делового сообщества // *Регионология*. 2024. Т. 32, № 3 (128). С. 543–562.
8. Чирун С.Н., Гладких С.С. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 2. С. 183–197.
9. Corruption perceptions index 2023. URL: https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2024/01/Report_CPI2023_English.pdf (дата обращения: 01.11.24).
10. Fisar M., Kubak M., Spalek J., Tremewan J. Gender differences in beliefs and actions in a framed corruption experiment // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2016. Vol. 63. Pp. 69–82.
11. Kobis N., Van Prooijen J., Righetti F., Van Lange P. “Who doesn’t?” — The impact of descriptive norms on corruption // *PLoS one*. 2015. Vol. 10 (6). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30ae4f76-671d1184-2bd60da5-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26121127/ (дата обращения: 01.11.24).
12. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game // *PLoS one*. 2022. Vol. 17 (1). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0262201> (дата обращения: 01.11.24).

REFERENCES

1. Agishev R.R., Manaeva I.V. *Korruptsionnaya initsiativa kak predmet sociologicheskogo analiza* [Corruption initiative as a subject of sociological analysis] // *Vlast'*. 2023. T. 31. № 2. S. 181–187. (In Russian).
2. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [Structure of society: An essay on the theory of structuration]. M.: Akademicheskij projekt, 2018. 528 s. (In Russian).
3. Kiselev I. YU., Zueva S. V. *Vospriyatie rossiyanami korrupcii kak social'noj problemy* [Perception of corruption as a social problem by Russians] // *Vlast'*. 2018. № 8. S. 169–182. (In Russian).
4. Truncevskij YU. V. *Bytovaya (povsednevnyaya) korrupciya: ponyatie i social'noe znachenie* [Everyday (everyday) corruption: concept and social significance] // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. № 1. S. 157–168. (In Russian).
5. *Ukaz Prezidenta RF ot 13 aprelya 2010 g. № 460 «O Nacional'noj strategii protivodejstviya korrupcii i Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2010–2011 gody»* [Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010 No. 460 “On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010–2011”]. (In Russian).

6. Ukaz Prezidenta RF ot 1 aprelya 2016 g. № 147 «O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2016–2017 gody» [Decree of the President of the Russian Federation of April 1, 2016 No. 147 "On the National Anti-Corruption Plan for 2016–2017"]. (In Russian).
7. CHEvtaeva N. G., Vatoropin A. S., Gushchin O. V., Vatoropin S. A. *Riski «social'noj legitimnosti» korrupcii v usloviyah sankcij: ocenka nastroyenij regional'nogo delovogo soobshchestva* [Risks of "social legitimacy" of corruption in the context of sanctions: assessment of the mood of the regional business community] // *Regionologiya*. 2024. T. 32, № 3 (128). S. 543–562. (In Russian)
8. CHirun S. N., Gladkih S. S. *Issledovaniya korrupcii v otechestvennyh social'nyh naukah: politicheskij aspekt* [Studies of corruption in domestic social sciences: political aspect] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2024. T. 9. № 2. S. 183–197. (In Russian).
9. Corruption perceptions index 2023. URL: https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2024/01/Report_CPI2023_English.pdf (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).
10. Fisar M., Kubak M., Spalek J., Tremewan J. *Gender differences in beliefs and actions in a framed corruption experiment* // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2016. Vol. 63. Pp. 69–82. (In English).
11. Kobis N., Van Prooijen J., Righetti F., Van Lange P. *"Who doesn't?" — The impact of descriptive norms on corruption* // *PLoS one*. 2015. Vol. 10 (6). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30ae4f76-671d1184-2bd60da5-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26121127/ (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).
12. Tanner C., Linder S., Sohn M. *Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game* // *PLoS one*. 2022. Vol. 17 (1). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0262201> (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.009

УДК 305

ББК 60.53

А.Е. ЗВОНАРЕВА

**ФАКТОРЫ БРАЧНОГО ВЫБОРА ЖИТЕЛЕЙ
Г. ИВАНОВО: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ**

A.E. ZVONAREVA

**FACTORS OF MARRIAGE CHOICE
OF RESIDENTS OF IVANOV:
GENERATIONAL ASPECT**

В данной статье подвергнуты сравнительному анализу факторы брачного выбора поколений X и Z, выявлены особенности факторов брачного выбора поколений X и Z, предложен опросник для вступающих в брак. В введении обозначена актуальность выбранной темы. Исследование факторов брачного выбора было проведено в г. Иваново, в мае 2024 года при помощи метода формализованного и неформализованного интервью (неформализованное, глубинное интервью было использовано в качестве пилотажного метода исследования). Объем выборочной совокупности составил 204 человека. Объектом исследования выступили жители г. Иваново поколений X (1965–80 гг.) и Z (1997–2007 гг.). Предметом исследования стали факторы брачного выбора жителей г. Иваново: поколенческий аспект. Цель исследования: изучить факторы брачного выбора поколений X (1965–80 гг.) и Z (1997–2007 гг.) на примере жителей г. Иваново. Результаты проведенного исследования представлены в данной статье.

The article is dedicated to a comparative analysis of factors of marriage choice of generations X and Z, reveals the characteristics of the factors of marriage choice of generations X and Z. Article offers a questionnaire for those entering into marriage. The introduction indicates the relevance of the selected topic. The study of factors of marriage choice was conducted in Ivanovo in May 2024 using the method of formalized and informal interviews (an informal interview was used as a pilot research method). The sample size was 204 people. The object of the study were residents of the city of Ivanovo of generations X (1965–80) and Z (1997–2007). The subject of the study was the factors of marriage choice of residents of Ivanovo. The aim of the study: to study the factors of marriage choice of generations X (1965–80) and Z (1997–2007) using the example of residents of the city of Ivanovo. The results of the study are presented in this article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: брак, факторы брачного выбора, теория поколений, особенности факторов брачного выбора, опросник для вступающих в брак

KEY WORDS: marriage, factors of marriage choice, generational theory, features of factors of marriage choice, questionnaire for those entering into marriage

ВВЕДЕНИЕ. В современном мире семья и семейные отношения играют ключевую роль в жизни каждого человека и общества в целом. Семья является основой социализации личности, передачи культурных и нравственных ценностей, а также экономического и социального благополучия. Одним из важных аспектов семейных отношений является брачный выбор, то есть процесс выбора партнера для создания семьи. Этот процесс является сложным и многогранным, и на него влияет множество факторов.

В Указе Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» от 25.01.2023 № 35 отмечается, что семья является фундаментальным элементом общества и гарантией его стабильности [6]. Она является местом рождения и воспитания нового поколения, формирующего будущее страны. Правильное

понимание значимости семьи, ее ценности и роли в обществе позволяет обеспечить благополучие каждого члена семьи и способствует гармоническому развитию детей. Также подчеркивается важность института брака. Брак не только закрепляет отношения двух партнеров, но и создает структуру, основанную на взаимной поддержке, верности и взаимопонимании. Он содействует укреплению семьи, ее стабильности и защите ее прав. Институт брака также несет экономический и социальный потенциал, способствуя развитию государства в целом.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что изучение факторов брачного выбора важно для укрепления института семьи, для снижения уровня разводов. Несмотря на то, что многие пары, заключающие брак, считают, что он продлится всю жизнь, уровень разводов в настоящее время является довольно высоким, на 2024 год в России на 1000 браков приходится 1211 разводов [7]. Понимание того, что влияет на выбор партнера, может помочь людям сделать более осознанный выбор, что способствует более стабильным и долговечным отношениям. Также в данной статье осуществлен анализ процессов брачного выбора с учетом поколенческих аспектов, который помогает понять, как меняются факторы брачного выбора в зависимости от поколения. Это особенно важно для поколения Z (1997–2007 гг.), которое сейчас активно выбирает партнеров для создания семьи. Их критерии отбора могут стать основой для государственной программы по решению демографической проблемы. Кроме того, поколение X (1965–1980 гг.) являются родителями поколения Z (1997–2007 гг.), что подчеркивает влияние воспитания поколения X на брачный выбор поколения Z.

Ключевым понятием исследования было «факторы брачного выбора», под которым понимаются различные социальные, личностные, экономические и культурные критерии, которые влияют на выбор партнера для брака и могут различаться в зависимости от индивидуальных предпочтений, традиций и культурных норм.

Факторы брачного выбора являются предметом изучения многих современных ученых, таких как Э. Гидденс [2], Н.Л. Антонова [1], М.В. Щербакова и других. Однако корни изучения данного вопроса уходят в работы ученых прошлых лет, таких как Р. Уинч, Г. Беккер, Дж. Хоманс, А.И. Антонов, М.В. Медков, С.И. Голод и т.д. Эти исследователи заложили основные принципы и подходы к изучению факторов брачного выбора, которые развиваются и дополняются в работах современных ученых.

В исследовании была использована теория поколений, созданная социологами Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом, которая помогла определить характеристики поколений X [4, с. 1–10] и Z [3, с. 988–990]. Поколение X известно своим скептицизмом, независимостью, стремлением к самовыражению и поиском баланса между работой и личной жизнью. Поколение Z отличается цифровой грамотностью, предпринимательским духом и разнообразными взглядами на жизнь [5, с. 1–11].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ. Исследование факторов брачного выбора было проведено в г. Иваново, в мае 2024 года при помощи метода формализованного и неформализованного интервью (неформализованное, глубинное интервью было использовано в качестве пилотажного метода исследования). Для исследования поколений X и Z города Иваново, с целью обеспечить равное представительство мужчин и женщин в каждой из групп, была выбрана квотная выборка. Объем выборочной совокупности составил 204 человека. Объектом исследования выступили жители г. Иваново поколений X (1965–80 гг.) и Z (1997–2007 гг.). Предметом исследования стали факторы брачного выбора жителей г. Иваново: поколенческий аспект.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Изучить факторы брачного выбора поколений X (1965–80 гг.) и Z (1997–2007 гг.) на примере жителей г. Иваново.

Данные исследования в статье будут представлены по содержательным блокам, по которым проводился опрос.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Блок: знакомство с будущим партнером. Респондентам, которые в настоящее время состоят в отношениях (в браке), был задан вопрос о месте знакомства с их партнером.

По данным, представленным на диаграммах (рис. 1), (рис. 2) видно, что поколение X чаще всего знакоилось на дискотеках, работе и в компании друзей. А поколения Z в социальных сетях, компании друзей и на учебе. Такие результаты говорят об изменении социальных норм и практик знакомств из-за развития технологий и Интернета.

Рис. 1. Место знакомство в зависимости от женского пола, (n=81)

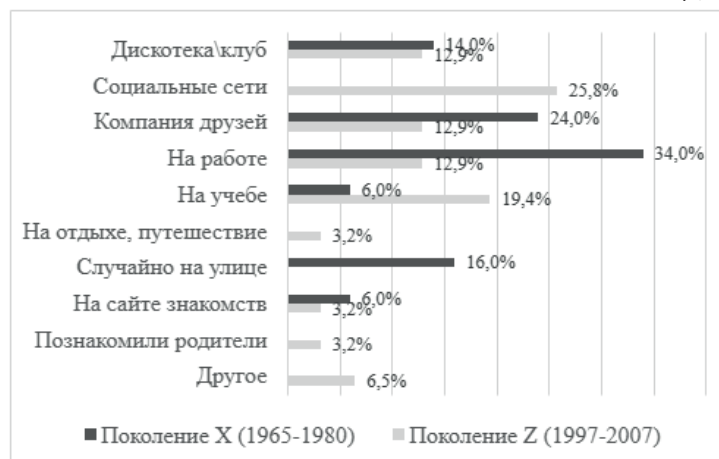
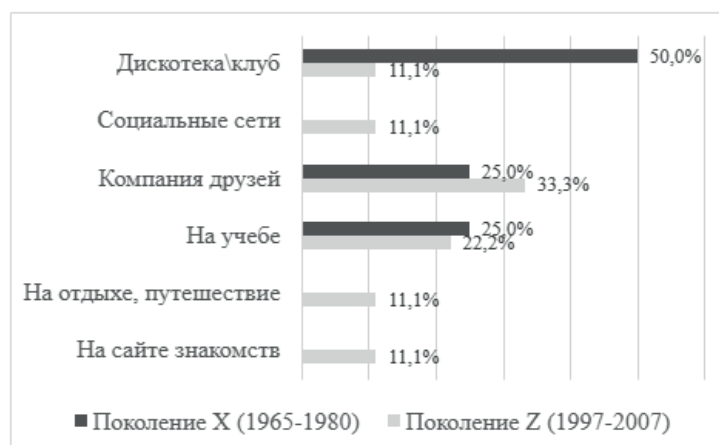

Рис. 2. Место знакомство в зависимости от мужского пола, (n=63)

Также одним из вопросов, заданным респондентам, был о необходимости мероприятий городского уровня для поиска будущего партнера. Большинство респондентов поколения Z поддерживают эту идею (63% девушек и 70% юношей). Это может говорить о том, что городские мероприятия для знакомств представляют собой удобный и эффективный способ встретить новых людей и расширить свой круг общения. Они могут быть особенно полезны для тех, кто испытывает трудности с поиском партнеров через обычные каналы общения.

Блок: физический фактор. В анкете был задан вопрос о физической привлекательности и стиле одежды как важном факторе при выборе партнёра. Большинство респондентов поколений X и Z считают этот фактор важным, но непринципиальным. Результаты показывают, что внешность и стиль одежды играют определённую роль в процессе выбора партнёра, но не являются единственным или решающим критерием.

Блок: культурный фактор. Говоря о национальной принадлежности партнёра, выяснилось, что национальность не является/являлась ключевым фактором при выборе партнера для многих респондентов. Возможно, это связано с растущей глобализацией и увеличением межкультурного взаимодействия. А в представлениях представителей поколения X, это может быть связано с ценностями СССР, которые, гласили, что все народы республик были равны. Однако, для некоторых респондентов национальность остается/оставался важным аспектом при выборе партнера, вероятно, из-за желания избежать конфликтов, связанных с различиями в обычаях и традициях разных народов.

Вопрос об отношении к различиям в религиозных убеждениях с партнером показал, что для более 40% женщин поколения X религия партнера не имеет значения, а половина девушек-зуммеров ценит уважение к различиям в религиозных убеждениях. Среди юношей поколения Z одинаковое количество не придает значения религии партнера и ценит уважение к различиям, в то время как для 40,9% мужчин поколения X важно совпадение религиозных убеждений, возможно, из-за личных ценностей или влияния окружения.

Блок: материальный фактор. Респондентам был предложен вопрос, направленный на выяснение представлений о распределении обязанностей в семье. Было выявлено, что большинство девушек поколения Z отмечают, что все домашние обязанности, и заботу о детях и других членах семьи могут выполнять оба супруга в равной степени, а починкой домашней утвари всё же должен заниматься мужчина. Эти данные иллюстрируют эгалитарные установки на распределение ролей мужа и жены в сознании современной молодежи. Стоит также отметить, что большинство опрошенных девушек имеет неполное высшее/высшее образование. Это может говорить о том, что чем выше уровень образования у девушки, тем более равноправного распределения домашних обязанностей она придерживается. Женщины поколения X, напротив, придерживаются более традиционных взглядов. Они отмечают, что основной труд по дому перекладывается на женские плечи, как и забота о детях и других членах семьи, а ремонтом квартиры и починкой домашней утвари должен заниматься мужчина. Однако они также отмечают, что осуществлением покупок могут заниматься оба супруга. Различия в ответах между поколениями могут быть связаны с социальными изменениями, произошедшими за последние десятилетия. Поколение X, которое формировалось в условиях более консервативного общества, может сохранять более традиционные взгляды на распределение обязанностей. В то время как поколение Z, выросшее в условиях большей свободы и равенства, может быть более открыто к равноправному разделению труда.

В ответах мужчин поколения X также присутствует традиционное распределение домашних обязанностей. Однако мужчины поколения X отмечают, что некоторые обязанности, такие как воспитание детей, осуществление покупок и приготовление пищи, могут выполняться обоими супругами. Это свидетельствует о некоторой степени принятия идеи равноправия и отказа от строгого гендерного разделения труда. Юноши же в основном придерживаются равноправного распределения обязанностей, но ремонтом квартиры и починкой, по их мнению, должен заниматься мужчина, а глажением белья женщина. Это может говорить о том, что молодое поколение более открыто к идеям равноправия и готово отказаться от устаревших гендерных стереотипов.

Результаты опроса указывают на изменение социальных норм и представлений о гендерных ролях в обществе. Это может быть связано с увеличением осведомленности о проблемах равенства полов, а также с влиянием феминизма и других движений за равноправие. Полученные результаты указывают на изменение социальных норм и представлений о ролях мужчин и женщин в обществе. Современные молодые люди становятся все более открытыми к идее равноправия и совместного выполнения домашних обязанностей. Это может быть связано с их образованием, влиянием СМИ и социальных сетей, а также с изменением общественных норм. А старшее поколение продолжает сохранять более традиционные взгляды

на распределение ролей в семье, что может быть связано с их воспитанием и социализацией в более консервативном обществе, где гендерные роли были четко определены.

Рассмотрев мнение респондентов про распределение домашних обязанностей внутри пары, стало интересно, обсуждали ли они этот вопрос со своим партнером. Так выяснилось, что большинство женщин поколения X и более 40% девушек-зуммеров обсуждало распределение домашних обязанностей в паре и пришло к компромиссу. А 32,7% девушек поколения Z планируют в будущем обсудить это со своим партнером, чтобы избежать в дальнейшем конфликтов.

Полученные данные, показывают, что большинство мужчин поколения X никогда не обсуждало вопрос о распределении домашних обязанностей со своей партнершей и не планирует это делать. Однако почти половина опрошенных юношей-зуммеров планирует в дальнейшем это обсудить, а 36% уже обсудили и пришли к компромиссу.

Такие данные показывают, что женщины в целом более склонны обсуждать вопросы распределения домашних обязанностей, чтобы достичь согласия и избежать конфликтов. Мужчины, особенно старшего поколения, были менее склонны к таким обсуждениям, возможно, из-за традиционных представлений о гендерных ролях и распределении обязанностей в семье. Молодые люди, напротив, проявляют большую открытость к обсуждению этих вопросов и поиску компромиссов.

Блок: психологический фактор. В анкете также был задан вопрос о том, важно ли, чтобы партнер был готов к совместному родительству. Полученные данные показывают, что готовность к совместному родительству является важным фактором при выборе брачного партнера для большинства респондентов. Однако, некоторые молодые люди могут отдавать приоритет саморазвитию и карьере, что влияет на их отношение к готовности к совместному родительству.

Обсуждая вопрос о совместном родительстве, у респондентов также спросили, планируют ли они детей. Большинство женщин обоих поколений планировали или только планируют родить 2 детей. Среди мужчин также преобладает установка на двух детей. Однако, 11,5% девушек и 18% юношей поколения Z не хотят иметь детей в будущем. Это довольно значительный процент, так как он указывает на то, что многие молодые люди осознанно выбирают жизнь без детей. Причины такого выбора могут быть разными: от отсутствия партнера до желания сосредоточиться на карьере и саморазвитии.

Один из задаваемых вопросов позволил выяснить мнение респондентов о важности обсуждения некоторых вопросов до брака. В результате анализа ответов респондентов, можно сделать вывод о том, что большинство женщин обоих поколений считает, что количество детей важно обсудить до брака, но это не принципиально. Девушки поколения Z отметили, что очень важно до брака обсудить вопросы материального обеспечения семьи и распределения обязанностей. Женщины поколения X считают это не принципиальным.

По результатам исследования мужчины поколения X не считали очень важным обсуждение до брака количества детей и распределение домашних обязанностей. Они признают значимость этих вопросов, но не считают их ключевыми при выборе партнера. В то же время, юноши-зуммеры не смогли прийти к единому мнению по данному вопросу. Большинство из них отметило, что вопросы о материальном обеспечении семьи и распределении домашних обязанностей не являются особо важными для обсуждения до брака. В то же время, юноши поколения Z более склонны обсуждать данные вопросы до вступления в брак.

Полученные результаты демонстрируют, что женщины в целом более склонны к обсуждению вопросов, связанных с будущей семейной жизнью, возможно, из-за их более активной роли в воспитании детей и управлении домашним хозяйством. Мужчины, особенно старшего поколения, могут быть менее склонны к таким обсуждениям, возможно, из-за традиционных представлений о гендерных ролях и распределении обязанностей в семье. Молодые люди, напротив, проявляют большую открытость к обсуждению этих вопросов и поиску компромиссов.

В ходе исследования использовался также качественный метод исследования факторов брачного выбора поколений X и Z. Было выбрано неформализованное интервью, в количестве четырех человек. Сравнивая интервью представителей разных поколений, можно сделать вывод, что поколение X больше ценит эмоциональную связь со своим партнером и чаще всего знакомясь на дискотеках, в то время как поколение Z придает большее значение личным качествам и взаимной ответственности и предпочитает университетские кампусы и онлайн-платформы для знакомств. Однако оба поколения считают любовь и создание семьи важными причинами для вступления в брак.

Проанализировав полученные результаты исследования, можно выделить особенности факторов брачного выбора женщин и мужчин поколений X и Z:

1. Особенности факторов брачного выбора женщин поколения X:
 - Женщины ценили в партнере надежность, самостоятельность, ответственность, чувство юмора, доброту, решительность и жизнерадостность.
 - При выборе брачного партнера важными факторами являлись внешность, грамотная речь, социальный статус.
 - Уровень образования, национальность и религия партнера не играли особой роли.
 - Женщины ценили в мужчине возможность обеспечивать семью и содержать семью в достатке.
2. Особенности факторов брачного выбора женщин поколения Z:
 - Женщины отдают предпочтение надежному, ответственному, с чувством юмора, самостоятельному, решительному, доброму, амбициозному и жизнерадостному партнеру.
 - При выборе брачного партнера особое значение имеют внешность, грамотная речь, финансовая состоятельность, уважение к их религиозным убеждениям и равноправие в отношениях.
 - Уровень образования и национальность партнера не играют для них решающей роли
 - Готовы обсуждать вопросы связанные с количеством детей, материальным обеспечением и распределением домашних обязанностей в большей степени, чем женщины поколения X.
3. Особенности факторов брачного выбора мужчин поколения X:
 - В качестве супруги видели добрую, надежную, самостоятельную, жизнерадостную и аккуратную партнершу.
 - При выборе брачного партнера важными факторами являлись внешность, национальность и религия.
 - Грамотная речь и образование не были приоритетом при выборе партнера.
 - В отношениях стремятся занимать лидирующую позицию, сохраняя традиционное распределение домашних обязанностей
 - Не считают очень важным обсуждение до брака вопросов, связанных с количеством детей и распределением домашних обязанностей.
4. Особенности факторов брачного выбора мужчин поколения Z:
 - Предпочитают девушек с чувством юмора, самостоятельных, добрых, решительных, ответственных, амбициозных и аккуратных.
 - Внешность, грамотная речь и уважение к их религиозным убеждениям имеют большое значение.
 - Уровень образования женщины и национальность не являются ключевыми факторами.
 - В большей степени, чем мужчины поколения X готовы к обсуждению до брака вопросов распределения домашних обязанностей, количества будущих детей и материального обеспечения семьи.

ВЫВОДЫ. Одним из важных выводов данного исследования стал вывод о том, что мужчины и женщины поколения Z настроены на обсуждение с будущим партнером основных спорных вопросов семейной жизни. В связи с этим мы пришли к выводу о необходимости рекомендовать органам ЗАГС предлагать парам, которые пришли подавать заявление на регистрацию брака, список вопросов, которые стоит обсудить до вступления в брак. Открытое обсуждение этих вопросов поможет паре лучше понять друг друга и заложить основу для крепких и гармоничных отношений, что в дальнейшем сможет минимизировать риски развода.

Предлагаем следующий вариант опросника, где партнеры должны задать нижеперечисленные вопросы друг другу.

«Договоримся на берегу»

1. Хотите ли Вы детей? В каком возрасте Вы планируете рождение детей?
2. Сколько детей Вы планируете?
3. Кто будет отвечать за материальное обеспечение семьи?
4. Кто будет управлять семейным бюджетом?
5. Какие домашние обязанности и кто будет выполнять?
6. Кто будет осуществлять уход за детьми?
7. Кто будет организовывать досуг семьи?
8. Есть ли у Вас разные религиозные и культурные убеждения?
9. Как Вы будете их согласовывать?
10. Какие неприемлемые действия и слова есть для Вас в брачных отношениях?
11. Как Вы будете решать конфликты и разногласия?
12. Есть ли у Вас неразрешенные проблемы или обиды, которые могут повлиять на Ваш брак?
13. Что каждый из Вас ожидает от супружеской жизни?
14. Какие качества Вашего партнера могут сделать Вашу совместную жизнь гармоничной?

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Л., Меренков А.В., Щербак М.В. Тело как фактор выбора брачного партнера // Социодинамика. 2018. № 11. С. 45-50.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
3. Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 4. С. 982-990.
4. Кашкаров И.Д., Тарасовская А.М. Анализ ценностей поколений X и миллениалов // Политехнический молодежный журнал. 2022. № 08. С. 1-10.
5. Мохова С.Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. С. 1-11.
6. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004?index=6>.
7. Статистика разводов в России в 2024 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).

REFERENCES

1. Antonova N. L., Merenkov A. V., Shcherbakova M. V. *Telo kak faktor vybora brachnogo partnera* [The body as a factor in choosing a marriage partner] // Sociodinamika. 2018. № 11. S. 45-50. (In Russian).
2. Giddens E.H. *Transformaciya intimnosti: Seksual'nost', lyubov' i ehrotizm v sovremennykh obshchestvakh*. SPb.: Piter, 2004. 208 s. (In Russian).

3. Grigor'eva E. V., Khakimova N.R. *Osobennosti sistemy semejnykh cennostej pokoleniya Z* [Features of the Family Value System of Generation Z] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 22, № 4. S. 982-990. (In Russian).
4. Kashkarov I.D., Tarasovskaya A.M. *Analiz cennostej pokolenij X i millenialov* [Analysis of Generation X and Millennials' Values] // Politekhnikeskij molodezhnyj zhurnal. 2022. № 08. S. 1-10. (In Russian).
5. Mokhova S. YU. *Ierarkhiya v sisteme zhiznennykh celej u predstavitelej X, Y i Z-pokolenij* [Hierarchy in the system of life goals among representatives of X, Y and Z generations] // Mir nauki. 2017. T. 5. № 2. S. 1-11. (In Russian).
6. *O vnesenii izmenenij v Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25.01.2023 № 35* // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004?index=6>. (In Russian).
7. *Statistika razvodov v Rossii v 2024 godu* [Divorce statistics in Russia in 2024]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya: 10.06.2024). (In Russian).

Сведения об авторах Information About The Authors

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Ambarova Polina Anatolyevna — Doctor of Sc. (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

E-mail: borges75@mail.ru

Васильева Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Vasilyeva Larisa Vladimirovna — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University

E-mail: vlv4696@bk.ru

Ваторопин Александр Сергеевич — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Vatoropin Aleksandr Sergeevich — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vatoropin-as@ranepa.ru

Ваторопин Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Vatoropin Sergey Aleksandrovich — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel management and sociology, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vatoropin-sa@ranepa.ru

Гаврилов Виктор Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gavrilov Victor Victorovich — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: victorg12@mail.ru

Дуран Татьяна Валентиновна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет путей сообщения»

Duran Tatyana Valentinovna — PhD (Sociological Sciences), docent, docent of the Department «Personnel Management and Sociology», Ural State University of Railway Transport

E-mail: tatyana_duran1978@gmail.com

Зборовский Гарольд Ефимович — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Zborovsky Garold Efimovich — Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Research professor, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Звонарева Александра Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Ивановский Государственный Университет»

Zvonareva Alexandra Evgenievna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, FGBOU VO @Ivanovo State University@

E-mail: alexandra_zvonareva@mail.ru

Караванская Полина Александровна магистрант первого года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Karavanskaya Polina Alexandrovna — One-Year Master Student at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: k.polina99@yandex.ru

Клещева Олеся Андреевна — магистрант первого года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Kleshcheva Olesya Andreevna — One-Year Master Student at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: olesya.kleshcheva@list.ru

Краснова Татьяна Владимировна — аспирантка 2 курса по направлению 39.06.01 Социологические науки, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Krasnova Tatyana Vladimirovna — a 2nd-year postgraduate student in the field of 39.06.01 Sociological Sciences, Ivanovo State University.

E-mail: 89065114748@mail.ru

Костина Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина», Екатеринбург.

Kostina Natalia Borisovna — doctor of sociology, professor, professor of the department of sociology and technologies of state and municipal administration, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin», Ekaterinburg

E-mail: kostinanb30@gmail.com

Легостаева Ирина Владимировна — старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет»

Legostaeva Irina Vladimirovna — Senior Lecturer at the Department of Marketing and Municipal Management, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen»

E-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

Ленко Светлана Сергеевна — магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Lenko Svetlana Sergeevna — undergraduate student, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

E-mail: svetochka.nikiforova.2000@mail.ru

Лето Яна-Алекс Валерьевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

Leto Yana-Alex Valeryevna — Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Bashkir State Agrarian University

E-mail: alexleto90@yandex.ru

Маслакова Мария Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры»

Maslakova Maria Vladimirovna — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor at the Department of Library and Information Activity, Tyumen State Institute of Culture

E-mail: mv.maslakova@gmail.com

Насретдинова Зульфия Табрисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, анализа и учетных технологий, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

Nasretdinova Zulfiya Tabrisovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance, Analysis and Accounting Technologies, Bashkir State Agrarian University

E-mail: alfiya_yo@mail.ru

Насретдинова Альфия Радиковна — обучающийся по специальности «Лечебное дело» Института фундаментальной медицины и биологии, ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»

Nasretdinova Alfiya Radikovna — student of the specialty «Medicine» of the Institute of Fundamental Medicine and Biology, Kazan Federal University

E-mail: alfiya_yo@mail.ru

Остапченко Галия Сахитулловна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тюменский Индустриальный Университет»

Ostapchenko Galiya Sakhitullovna — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, «Industrial University of Tyumen»

E-mail: gostapchenko@mail.ru

Рушева Анна Витальевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Rusheva Anna Vitalievna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

E-mail: avr0201@yandex.ru

Стахеева Анастасия Олеговна — магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; главный специалист отдела организационной работы регионального исполнительного комитета Свердловского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»

Stakheeva Anastasia Olegovna — master's student, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: staxeeva01@mail.ru

Толстоухова Ирина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Tolstoukhova Irina Vasilevna — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University

E-mail: i_tolstoukhova@inbox.ru

Ульянкина Александра Юрьевна — аспирантка 3 курса по направлению 39.06.01 Социологические науки, преподаватель кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Ulyankina Alexandra Yuryevna — a 3rd-year postgraduate student in the field of 39.06.01 Sociological Sciences, lecturer at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University.

E-mail: chusova.sasha@mail.ru

Устьянцева Валерия Константиновна — магистрант первого года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Ustyantseva Valeria Konstantinovna — One-Year Master Student at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: lerak1809@gmail.com

Фрич Надежда Геннадьевна — магистрант первого года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Fritsch Nadezhda Gennadijevna — One-Year Master Student at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: nadyafrich@yandex.ru

Чевтаева Наталия Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Chevtaeva Natalia Gennadyevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: chevtaeva-ng@ranepa.ru

Чижов Александр Алексеевич — специалист, Министерство здравоохранения Свердловской области, Екатеринбург.

Chizhov Alexander Alekseevich — specialist, Ministry of Health of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg.

E-mail: a.chizhov@egov66.ru

Чомарян Рафаэл Арменович — магистрант первого года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Chomaryan Rafael Armenovich — One-Year Master Student at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: r.chomaryan@mail.ru

Шаброва Нина Васильевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Уральский федеральный университет.

Shabrova Nina Vasilevna — Doctor of Sociology Sciences, Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: urfu-stu@mail.ru

Шарипова Эльвира Маннуровна — доцент кафедры иностранных языков, кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Тюменский Индустриальный Университет

Sharipova Elvira Mannurovna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of Department of Foreign Languages, «Industrial University of Tyumen»

E-mail: elvira_sha2009@mail.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.
- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;
 - должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
 - адрес с почтовым индексом;
 - контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов.doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
 - информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
 - название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
 - аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
 - ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
 - основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
 - литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).
- Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: [http:// science-education. ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).

4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoy e'pistol'noy publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Публикование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic),

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor